

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
Ализода Парвина Хабибхон
Таджали Диловар Али

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
Ализода Парвина Хабибхон
Таджали Диловар Али**

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Монография

Душанбе
«ЭР-граф»
2019

УДК 343.13 (575.3)
ББК 67.99 (2) 8 (2 тадж)
Ю–31

Авторы:

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон (Юлдошев Р.Р.) – начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции

Ализода Парвина Хабибхон (Алиева П.Х.) – начальник кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции

Таджали Диловар Али (Таджалов Д.А.) – начальник отдела кадров Управления МВД по Хатлонской области, адъюнкт кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции

Рецензенты:

Махов Вадим Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист Российской Федерации

Искандаров Зайниддин Хамидович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета

Власова Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Рахмаджонзода Р.Р., Ализода П.Х., Таджали Д.А. Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : монография. – Душанбе : «ЭР-граф», 2019. – 236 с.

В монографии на основе детального анализа различных положений уголовно-процессуального законодательства приведены дополнительные аргументы в пользу дальнейшей выработки качественно составительной уголовно-процессуальной модели законодательства. Исходя из контекста исследования, проанализированных проблемных аспектов, авторы стремились обобщить результаты своих научных изысканий посредством актуальности, значимости и своевременности дальнейшей разработки концептуальных основ теоретической модели уголовно-процессуального законодательства. Разработанная авторским коллективом концепция направлена на разрешение ряда неточностей и противоречий отраслевого законодательства.

Вышеизложенные конструктивные решения и направления совершенствования отраслевого законодательства анализируются через призму отдельных положений Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг.

Издание рекомендуется широкому кругу читателей.

ISBN 978-99975-78-22-8

© Рахмаджонзода Р.Р., Ализода П.Х., Таджали Д.А., 2019

*Посвящается 10-летию принятия
Уголовно-процессуального кодекса
Республики Таджикистан*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Исторические и теоретико-правовые основы модели уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан	14
1.1. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении и развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства	14
1.2. Конституционная реформа и уголовно-процессуальное законодательство: влияние и перспективы	25
1.3. Стабильность уголовно-процессуального законодательства: правки, недостатки и рекомендации экспертов.....	39
Глава 2. Уголовная политика Республики Таджикистан как стратегия моделирования уголовно-процессуального законодательства в контексте правовых реформ	48
2.1. Уголовно-правовая политика Республики Таджикистан	62
2.2. Уголовно-процессуальная политика Республики Таджикистан.....	79
2.3. Уголовно-исполнительная политика Республики Таджикистан	92
Глава 3. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Таджикистан в обновлении норм уголовно-процессуального законодательства	99
3.1. Роль и значение актов Конституционного Суда Республики Таджикистан в регламентации норм уголовно-процессуального закона	99
3.2. Правовая позиция Конституционного Суда Республики Таджикистан относительно содержания и применения института преюдиции	104
3.3. Решение Конституционного Суда Республики Таджикистан и ограничение доступа к правосудию потерпевшего и его представителя.....	116

Глава 4. Современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: опыт, научные концепции и некоторые проблемы	133
4.1. Актуальные проблемы отечественного уголовного судопроизводства, препятствующие его эволюции	133
4.1.1. Смешанная уголовно-процессуальная модель	134
4.1.2. Возбуждение уголовных дел судами	135
4.1.3. Современная уголовно-процессуальная терминология.....	148
4.2. Современное состояние концепции уголовного преследования в доктрине отечественного уголовного судопроизводства	153
4.3. Возбуждение уголовного дела : традиции и инновации	161
4.4. Системная оптимизация досудебного производства по материалам и уголовным делам	169
4.5. Взаимозависимость и взаимообусловленность оперативно-разыскной деятельности и досудебного уголовного производства.....	176
4.6. Отказ прокурора от государственного обвинения : опыт Таджикистана	190
4.7. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве	199
4.8. Производство по уголовным делам частного и частного-публичного обвинения.....	211
Заключение	218
Приложение № 1	220
Приложение № 2	223
Приложение № 3	233

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития уголовного судопроизводства Таджикистана характеризуется интенсивными законодательными и доктринальными поисками новых прочтений, казалось бы, уже устоявшихся позитивных норм и институтов, а также научных воззрений на их методологическое, правовое и аксиологическое значение. При этом, текущее состояние уголовно-процессуального законодательства регулирующее уголовно-процессуальную деятельность, неоднозначно оценивается как теоретиками, практиками, так и независимыми экспертами¹, отмечающими непоследовательность и паллиативность проводимых реформ, так или иначе преломляющихся в изменениях и дополнениях. От правильно выстроенной правотворческой деятельности зависит многое.

В контексте дальнейшего развития правотворческой деятельности в Таджикистане – Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Эмомали Рахмон в своем ежегодном послании парламенту поручил Министерству юстиции, Генеральной прокуратуре и Национальному центру законодательства разработать Концепцию правовой политики Республики Таджикистан и представить Правительству². Документ был разработан и принят на целое десятилетие 2018-2028 г³.

Раскрывая нынешнее положение законодательства, в Концепции указывается, что Таджикистан с целью проведения правовой реформы, способствующей развитию новой правовой системы, привело правотворческую деятельность на качественно новый этап, такой как планирование разработки проектов нормативных правовых актов, приоритетных направлений научно-правовых исследований в сфере правотворчества, проведение научно-аналитических исследований о состоянии, процессе развития и практики использования законодательства, проведение правовых и антикоррупционных экспертиз про-

---

¹ Перечень сборников конференций, форумов, научных трудов, авторских и коллективных монографий приведен в приложении № 3.

² Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе : Издательство «Шарки Озод», 2016. С. 32.

³ Утверждена указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г., за № 1005 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

ектов законов. Наравне с принятием большого числа нормативных правовых актов в республике и признания международных правовых актов, также за этот период были разработаны и приняты ряд концепций, стратегий и государственных программ в разных отраслях общественной и государственной жизни, в том числе Национальная стратегия развития Таджикистан на период до 2030 года, которые способствуют формированию и дальнейшему развитию новых экономических и социальных отношений Таджикистана. В результате была развита работа по разработке и принятию нормативных правовых актов в определенных сферах, в том числе конституционной, гражданской, предпринимательской, финансовой, банковской, таможенной, налоговой, уголовной, административной, гражданско-процессуальной, уголовно-процессуальной, экономического судопроизводственного, исполнительного производства и др. (пункт 8).

Как правильно утверждается в данном документе основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне анализируются различные злободневные вопросы, раскрываются их различные аспекты, в том числе закономерности их развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности (пункт 63).

Также разработка настоящего монографического исследования, как представляется, корреспондируется с основными требованиями Перечня приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Таджикистане на 2015-2020 годы¹, в котором усовершенствование методологии научных исследований в области права и государственного управления; устранение законодательных коллизий и обеспечение координации и единого законодательного пространства в Таджикистане особо выделены наряду с другими актуальными и глобальными проблемами юридической науки.

Свой вклад в разработку и осуществление авторских исследований внесли ряд ключевых положений Программ судебно-правовых реформ в Таджикистане. С 2007 года было принято четыре Программы судебно-правовых реформ, которые свидетельствуют о стремлении

---

¹ Раздел 4.4. «Юридические науки» / Перечень приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Республике Таджикистан на 2015-2020 годы : утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 04 декабря 2014 года за № 765 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. № 12. Ч. 1. 2014.

в точечной правке правового состояния судебной системы и других государственных структур, занимающих ключевые роли в разрешении социальных конфликтов правового характера. Для оптимизации содержания четвертой Программы судебно-правовой реформы нами были подготовлены ряд рекомендаций¹. Настоящее исследование в свою очередь также подытоживает достигнутые результаты судебно-правовых реформ, что диктуется системностью научного анализа.

Дополнительным импульсом в подготовке и издании настоящего исследования послужило выступление Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с сотрудниками органов прокуратуры от 13 марта 2018 г., где критически были оценены ситуация с проверкой уголовных дел и осуществлением надзора за расследованием. По утверждению главы государства, процессуальная деятельность органов расследования и надзора полностью не соответствуют требованиям, немало случаев затягивания в расследованиях дел, неполного и одностороннего расследования уголовных дел, неправильной трактовки действий обвиняемых, отсутствия прокурорского надзора за восстановлением ущерба, возврата судьями уголовных дел на дополнительное расследование. Таким образом, органам прокуратуры, исходя из указанных недостатков в деятельности следственных и надзорных органов, было поручено усилить надзор за ходом дознания и следствия, в особенности незаконным возбуждением уголовных дел и бесосновательным привлечением людей к ответственности, низким качеством расследования дел и несоблюдением срока проверок, тем самым предотвращать бесосновательное затягивание следствия и случаи вызова дознавателями и следователями граждан без необходимости².

В рамках дальнейшей оптимизации следственной и правоохранительно-судебной деятельности были также подведены соответствующие итоги на торжественном собрании по случаю празднования дня таджикской милиции, где Лидером нации, Президентом Таджики-

---

¹ Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2021 гг. Душанбе : Центр по правам человека, 2018. 85 с.

² Выступление на встрече с работниками органов прокуратуры // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: www.president.tj/ru/node/17272 (дата обращения: 13.04.2018 г.).

стана были даны конкретные поручения руководителям правоохранительных и судебных органов¹.

Авторы, исходя из вышеуказанных положений, стремились критично оценить существующую модель уголовно-процессуального законодательства в контексте сближения ее к максимальным требованиям и условиям современности. Разрыв теории и практики уголовного судопроизводства в настоящее время в Таджикистане катастрофичен. Не учитывание реальных положений на местах и принятие различных по характеру и объему нормативных правовых документов, которые подготовлены и приняты в спешке, создают дисбаланс в деятельности правоохранительных органов и судов. Об этом также свидетельствует количество изменений и дополнений уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства. Также особо следует указать и на разобщенность уголовной политики государства в противодействии преступности.

Детальный анализ различных положений действующего уголовно-процессуального законодательства в контексте компаративистских направлений авторских исследований, предложил ряд дополнительных аргументов в пользу дальнейшей разработки качественно состязательной уголовно-процессуальной модели законодательства, регламентирующей различные уголовно-процессуальные правоотношения. Исходя из чего, авторы стремились обобщить свои результаты исследований, чтобы прийти к общему выводу о значимости и своевременности разработки новой современной теоретической модели уголовно-процессуального законодательства, которое может поспособствовать в разрешении ряда неточностей и противоречий отраслевого законодательства.

В отдельном подтексте рассматриваются различные вариации и тенденции совершенствования отечественного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Республики Таджикистан на основе положений Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг.

Следует также подчеркнуть, что действующему уголовно-процессуальному кодексу в этом году исполняется целых 10 лет с мо-

---

¹ Торжественное собрание по случаю Дня таджикской милиции // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://www.president.tj/node/18876> (дата обращения: 11.11.2018 г.).

мента его принятия. Подытоживание некоторых результатов в форме настоящей работы станет определенным вкладом авторского коллектива в развитии уголовно-процессуальной науки Таджикистана.

Необходимо также отметить, что в комплексном подходе анализируются теоретические и практические проблемы, связанные с разработкой и модернизацией авторских подходов в обосновании разрабатываемой теоретической модели уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан.

Исходя из содержания исследования, в первой главе раскрываются исторические и теоретико-правовые основы модели уголовно-процессуального законодательства в срезе влияния Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на становление и развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства; отдельно анализируются конституционные реформы и их результаты, влияющие на состояние действующего законодательства в общем, и в частности в совершенствовании уголовно-процессуальных институтов; конкретизируется отсутствие стабильности уголовно-процессуального законодательства посредством вносимых изменений и дополнений, где раскрывается непоследовательная правка отечественного отраслевого законодательства.

Во второй главе уточняется роль уголовной политики Таджикистана как стратегии моделирования в контексте проводимых правовых реформ посредством функционирования оптимальной структуры уголовно-процессуального законодательства. Авторами в отдельности рассматриваются основные составные части уголовной политики, такие как: уголовно-правовая политика; уголовно-процессуальная политика и уголовно-исполнительная политика. Указанные компоненты уголовной политики раскрываются посредством дополнительного анализа результатов Программ судебно-правовых реформ в Таджикистане и работы экспертов в рамках проводимых в Таджикистане ежегодных «Национальных Форумов по верховенству закона в Таджикистане».

В третьей главе анализируется роль и деятельность Конституционного Суда Республики Таджикистан. Тщательному анализу подвергается правовая позиция Конституционного Суда Республики Таджикистан относительно доступа граждан к правосудию и принятое по этому обращению инициаторов отдельное соображе-

ние Комитета ООН по правам человека. Авторами также анализируется отсутствие механизма исполнения соображений Комитета ООН по правам человека в Таджикистане. Отдельно уточняются авторские позиции по применению института преюдиции в правоприменительной практике.

В четвертой главе раскрывается современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан. Авторами определяются векторы развития уголовно-процессуального законодательства, и связанные с ними недостатки в механизме законодательного регулирования наименее важных и взаимосвязанных институтов в системе уголовно-процессуального порядка. В отдельном контексте рассматриваются различные вариации и тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан в сравнительно-правовом аспектах осуществляемых правовых реформ. В этой главе авторами обозначены наиболее актуальные проблемы уголовного судопроизводства: смешанная уголовно-процессуальная модель; возбуждение уголовных дел судами и уголовно-процессуальная терминология. Дополнительно анализируются: современное состояние концепции уголовного преследования в доктрине отечественного уголовного судопроизводства; институт возбуждения уголовного дела через призму традиций и инноваций; системная оптимизация досудебного производства по материалам и уголовным делам; взаимозависимость и взаимообусловленность оперативно-разыскной деятельности и досудебного уголовного производства; институт отказа прокурора от государственного обвинения; процессуальное положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве и производство по уголовным делам частного и лично-публичного обвинения.

В приложениях приведены разработанные авторами законопроект о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан; полный список защитившихся диссертаций за всю историю Таджикистана по научным специальностям 12.00.09 и 12.00.12, которые характеризуют этапы становления и развития уголовного процесса и криминалистики в советском и современном Таджикистане, и перечень сборников конференций, форумов, научных трудов, авторских и коллективных монографий.

Исходя из контекста исследования, настоящее издание рекомендуется преподавателям и научным сотрудникам высших учебных заведений и научных учреждений юридического профиля, лицам, участвующим в законотворческом процессе, сотрудникам судебных и правоохранительных органов, адвокатам и иным практикующим юристам, а также студентам, изучающим уголовный процесс по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, докторантам и аспирантам.

В представленном вниманию читателя издании, авторы взяли на себя смелость выразить свое отношение к анализируемым проблемам в контексте разработки концептуальных основ теоретической модели уголовно-процессуального законодательства. В связи с чем, предпочтительнее сделать оговорку, что содержание монографического исследования отражает сугубо позицию лишь ее авторов. Авторы также далеки от мысли, что ими исследованы все проблемы действующего уголовно-процессуального законодательства, и с благодарностью воспримут и учтут все замечания и предложения, высказанные по содержанию издания.

В свою очередь, авторы выражают признательность доктору юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации Махову Вадиму Николаевичу, доктору юридических наук, профессору Искандарову Зайниддину Хамидовичу и кандидату юридических наук, доценту Власовой Светлане Владимировне за положительные оценки и рекомендации по улучшению текста монографического исследования, представленные ими при ее рецензировании.

Искренние слова признательности авторы выражают имени-тым ученым и практическим сотрудникам, оказавшим содействие в подготовке и издании авторских научных изысканий.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

1.1. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении и развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства¹

20 ноября 1864 г. царь Александр II подписал Указ, утвердивший четыре законодательных акта: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В последующем эти акты стали кратко именоваться «Судебными уставами». В Указе, в частности, отмечалось: "Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего".

19 октября 1865 г. было утверждено Положение о введении в действие Судебных уставов, которое предусматривало постепенное, планомерное распространение по всей территории России предписаний новых законодательных актов. В таком же русле и были частично распространены нормы Судебных уставов и на территории Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого и входил нынешний Таджикистан.

Значение судебной реформы 1864 г. трудно переоценить. Она была безусловно прогрессивной не только на фоне существовавших тогда на Западе судебных систем, но и в исторической перспективе – основные ее идеи сохраняют актуальность и в настоящее время.

---

¹ Материал данного раздела заимствован из одноименной авторской статьи, опубликованной в 2014 г. в научном журнале: Актуальные проблемы российского права. № 4. 2014. С. 645-651.

Российская судебная реформа отнюдь не была слепком с судебных систем, сложившихся в государствах Европы и Северной Америки. Ее основные положения строились с учетом специфики конкретных экономических, социальных, политических, демографических, этнических, религиозных и иных условий, сложившихся в Российской империи.

Одной из центральных достижений реформы было создание вместо множества сословных судов единой для всего государства системы судебных органов. К ним относились две группы судов: общие судебные установления и местные судебные установления. Наряду с ними были созданы и военные суды.

Тем не менее, созданная в 1864 г. судебная система России существовала до событий 1917 г. без каких-либо принципиальных изменений. В 1916 г. А.Ф. Кони, выдающийся дореволюционный юрист в своих заметках подчеркивал, что Судебные уставы за этот период приобрели много надстроек и пристроек, испытали значительные перестройки, но коренные их устои – гласность, устность, состязательность, непосредственность восприятия и руководство внутренним убеждением – сохранились так же, как и участие представителей общественной совести в деле суда¹.

Таким же темпом и распространялись нормы и положения Судебных уставов в дореволюционном Таджикистане, но стоит отметить, что с некоторыми изъятиями. Такой тенденции в основном способствовал прочный менталитет таджикского народа и действие имперского права наряду с мусульманским правом. В данном сочетании в основном развивались и апробировались каждый раз правоотношения, деятельность государственных органов и должностных лиц с местным населением и обратно.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. предусматривала установление буржуазного смешанного уголовного процесса. Но поскольку тип уголовного процесса в этот период мог быть лишь переходным (к буржуазному) ввиду сохранения значительной власти феодалам (помещиками), а смешанная форма уголовного процесса не соответствовала бюрократическому (деспотическому) политическому режиму царской власти, следовательно ожидать задержки, затруднений и реакционных изменений в действительном осуществлении судебной

---

¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1966. С. 417.

реформы. Историческая действительность это полностью подтверждает. Прежде всего, Судебные уставы 1864 г. вводилось в действие в течении 1866 г. только в Петербургском и Московском округах, а позднее – еще в нескольких округах центральной России. В большинстве губерний, включая все окраины Российской империи (Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику и т.д.), судебная реформа так и не была проведена¹. Такому противоречивому мнению отсутствуют какие-либо доказательственные факты и цифры.

Вся правовая система того времени условно была поделена на две части. Судя по рукописям историков, для местных жителей действовали нормы мусульманского права, для русскоязычного населения – нормы Судебных уставов. Судебные процессы также проходили в таком разрозненном варианте и в основном были направлены на определение норм, которыми необходимо было руководствоваться при решении конкретного конфликта интересов или случая.

В Бухарском эмирате источниками права служило мусульманское право, обычное право кочевых народов, некоторые нормы и правила, выработанные представителями купеческого сословия, а также нормы договоров между Бухарой и другими, в том числе русскими властями.

Одним из таких договоров и был мирный договор от 23 июня 1868 г. между Бухарой и Россией². Подписанный договор в основном регулировал торговые отношения между государствами и создавал благоприятные условия для русских купцов. Шесть из 12 статей договора были посвящены этим вопросам. Вопросы политических и правовых отношений между сторонами и их обязательства рассматривались в статьях 5, 8, 9 и 11.

В ст. 9 предусматривалось, что за проступки и преступления, совершенные русскоподанными на территории Бухары последние должны отвечать не перед бухарскими, а перед русскими властями. Россия изъяла своих граждан из ведения местных судов пока еще суверенного государства, договор устанавливал для них права экстерриториальности. Русскоподанные должны были за уголовные преступления отвечать перед туркестанскими властями.

---

¹ Цит. по Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969 // Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 395.

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х т. Т. 1. СПб., 1906. С. 388, 474.

Распространение общеимперских норм, теснивших специальные нормы и норму мусульманского права, шло постоянно, не прекращаясь. Об этом свидетельствует и проведенный анализ Положения от 1886 г. и его редакция в 1911 и 1916 гг.

В других сферах действие мусульманско-правовых норм и конкретных отраслей мусульманского права здесь не было ограничено. В Бухарском эмирате, в частности на территории дореволюционного Таджикистана, прежде всего, наблюдалось изымание дел субъектов правоотношений по признакам гражданства и вероисповедания, поэтому параллельное действие имперского и мусульманского права на последнее существенного влияния не оказало.

Особенностью действия мусульманского права на территории Туркестанского генерал-губернаторства, являлось то, что, несмотря на регулирующие сферы, оно играло второстепенную роль, которая устанавливалась и постоянно ограничивалась господствующим имперским законодательством, в отличие от территории бухарского эмиратства, где оно играло ведущую роль¹.

Профессор Ф.Т. Тахиров, изучая проблемы действия имперского права на территории дореволюционного Таджикистана и Средней Азии в целом, делит все действовавшие законы на две группы. Первые – это общеимперские законы, нормативно-правовые акты, издаваемые для всей империи, распространяющиеся и на территорию Туркестанского генерал-губернаторства с некоторыми изъятиями. Многие из этих законов применительно к колониальным условиям Туркестанского края содержали отдельные нормы, которые были направлены на то, чтобы обеспечить интересы империи и уже потом – интересы всех прочих. Конкретно это положение можно проследить в каждом законе или распоряжении царского правительства, регламентирующих вопросы подсудности имперских или местных судов².

Вторая группа – это специальные законы, изданные только для Туркестанского генерал-губернаторства. Именно в них находили свое яркое проявление реакционные положения и принципы законодатель-

---

¹ Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1-2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 210, 203, 204, 227, 229.

² Тахиров Ф.Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 26.

ства царской России, таких как великодержавные интересы, признание сословных привилегий и т.д.

Распространение имперского права и, как следствие этого, ограничение сферы действия мусульманского права происходило в основном четырьмя путями:

1) распространение общеимперских норм законодательства, 2) изданием специальных законов – Положений, последний из которых был принят 12 июня 1886 г. Издание специальных законов было обусловлено тем, что с помощью общеимперских законов нельзя было разрешить все вопросы, связанные с оперативным управлением и подавлением национально-освободительной борьбы угнетенных народов¹; 3) определения, выносимые Правительствующим Сенатом и его Департаментами; 4) на основе ввода норм имперского права, постоянное изменение норм специальных законов на нормы общероссийского законодательства.

Если с 1886 г. большинство вопросов правовой сферы, касающихся как управлением краем, так и компетенции судебных органов и процесса проведения суда, регулировались непосредственно Положением, то в дальнейшем по мере упрочения власти метрополии на местах ситуация изменяется. В издании Положения от 1903 г. и особенно 1910 г. большинство статей Положения изменено, дополнено или вовсе заменено общеимперскими нормами, регулирующими данное отношение. Так, в ст. 117 (прежде это была статья о системе суда) в редакции 1910 г. перечисляются законы империи, непосредственно действующие в Туркестанском крае. При анализе норм права второго раздела Положения, посвященного судебному устройству и судопроизводству, особенно ясно видно, какие изменения претерпело само Положение и в каком направлении. Статья 117 в редакции 1886 г. гласила: «В Туркестанском крае судебная власть принадлежит мировым Судам, Областным Судам и Правительствующему Сенату». По изменениям и дополнениям та же статья в издании 1911 и 1914 гг. устанавливает, что судебные органы действуют на основании правил, изложенных в Судебных Уставах. Также двумя приложениями к ст. 117 устанавливает круг ведомства имперского мирового суда в Бухарском и Хивинских ханствах. Таким же образом были заменены статьи от 119 до 128, от 130-139, от 145 до 192 и от

---

¹ Тахиров Ф.Т. Указ раб. С. 26.

194 до 206. Исключены или отменены ст. 129 (от 1898 г.), прим. 2 к ст. 140 (от 1901 г.) и ст. 193 (от 1902 г.) ввиду непосредственного регулирования отношений общероссийскими законами. В общей сложности из 137 статей Положения от 1886 г. (ст. 117-254) заменено 79 статей, т.е. больше половины. Предусматривалось распространение норм в связи с развитием новых отношений и видов услуг, ранее неизвестных населению края.

Таким образом, необходимо отметить, что второй и четвертый пути распространения основополагающих принципов и норм общероссийского права и законодательства в крае был главным. Кроме того, в Положение был введен пункт о председательствовании должностных лиц русской администрации в крае (до 1886 г.), о предоставлении им надзорных полномочий, а также право привлечения ими местного населения к дисциплинарным и административным наказаниям, что также вело к сужению действия мусульманско-правовых норм.

В правовой сфере единообразие норм права и процесса достигалось административными путями, т.е. правовая надстройка не соответствовала общественным отношениям и не вытекала из них¹. Изменения, введенные в крае в такой короткий срок, не учитывали изменений в правосознании людей, как известно, самом консервативном звене правовой системы. Поэтому констатация исследователями того факта, что «ни один туземец добровольно не шел судиться к имперским судам, несмотря на его преимущества²», является вполне закономерным выводом. Зная о недостатках судопроизводства, русские власти никаких мер, исправляющих положение дел не предпринимали³. Деятельность властей была направлена в основном на ограничение сфер применения мусульманского права и обычного; на взятие под свой контроль выборов казиев, на подкуп, взяточничество, уменьшение их роли в решении дел, что в свою очередь должно было привести к падению авторитета последних.

---

¹ Тахиров Ф.Т. Указ раб. С. 21.

² Южаков Ю.Д. Итоги 27 летнего управления Туркестанским краем. СПб., 1891. С. 9-10.

³ Буриев И.Б. Из истории деятельности мусульманских судов XXI в. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия «Философия и правоведение». 1996. № 2. С. 69.

В официальных документах не указывалось на наличие писанного мусульманского права и адата у местного населения. Решением Государственного Совета было признано, необходимым исключить всякое упоминание о письменном мусульманском праве, а равно и упразднить в законе название судей казиями и биями, присвоив суду лишь название народного и постановив, что этот суд руководствуется местными обычаями. Это решение вошло в Положение об управлении Туркестанским краем нормой ст. 210, гласившей: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев». Несмотря на это, К.К. Пален в своей работе утверждает, что мотивом разработки «Опыта»¹ было отсутствие правовых обычаев у местного населения², тезис, справедливо критикованный исследователями³. Главная цель, поставленная перед администрацией края, заключалась в том, чтобы максимально сблизить общественное, государственное, в том числе и судебное устройство Туркестана с другими областями империи с тем расчетом, чтобы облегчить управление краем.

Распространение и применение законодательства империи оказались возможными благодаря созданному аппарату колониального управления краем, полностью подчинившего своему влиянию все стороны его жизни, «царская Россия, распространяя общеимперские законы и создавая новые для Туркестанского края в праве, воплощала свою колониальную политику, закрепляла и регулировала важнейшие отношения, связанные с «устройством и деятельностью колониального государственного аппарата»⁴.

Несмотря на политическую волю и господство неких размышлений, правовая система дореволюционного Таджикистана медленными темпами шла вперед. Разделение и действие Судебных уставов в свою очередь сильно подтолкнули тогдашнюю судебную систему, которая с

---

¹ Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Ташкент, 1909. 126 с.

² Пален К.К. Правовой быт туземного населения. Т. IV. СПб., 1910. С. 6.

³ Усманов О.У. История становления и развития советского гражданского законодательства Таджикской ССР в период строительства социализма: дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1975. С. 14.

⁴ Тахиров Ф.Т. Указ раб. С. 22.

развитием и присоединением к Советской власти стала претерпевать кардинальные изменения.

Тогда во главе судебной власти в Бухаре стоял Верховный судья – казикалон. Судебная система состояла из Казикалона, казиев областей и бекств эмирата. В области могли назначать более одного судью. Судьи должны были решать дела по Шариату, выполнять нотариальные функции, подготавливать и удостоверить документы на куплю-продажу, брак и разводы, осуществлять надзор за имуществом малолетних наследников, их опекой, а также вакфным имуществом.

В осуществлении правосудия помогали муфтии, законоведы, назначенные на должность. Они составляли фетва – ривоят на основе мусульманских источников права, и скрепляли их своей печатью.

Казий тоже являлся важным чиновником местной администрации. Суд носил религиозный характер и возглавлялся представителями духовенства, который включался в государственный аппарат. Несмотря на то, что должность судьи была государственной, судьи за свою работу определенное жалование не получали. Они собирали специальный налог с населения. В осуществлении правосудия был причастен и муфтий, который подготавливал ривоят – справки по конкретным делам. В основу судопроизводства были положены нормы Шариата и адатов¹.

Интересные примеры из истории уголовного судопроизводства Таджикистана приводит профессор М.М. Муллаев по примирению сторон, где в отношении преступлений, не затрагивающих интересы государства, потерпевшим являлось отдельное частное лицо, вопрос о наказании становился частным делом в зависимости от требовательности потерпевшего. Если потерпевший не требовал возбудить дело, то он оставался безнаказанным. Дела об убийствах, кражах, телесных повреждениях и т.п., рассматривались в судах только по требованию потерпевшего или его родственника. В связи с этим часто дело кончалось тем, что обвиняемый уговаривал потерпевшего, или его родственника, давал им вознаграждение и дело не доводило до суда. Потерпевшие же в особенности из числа тру-

---

¹ Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1-2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 195, 199.

дящихся, зная, что доведение дела до суда влечет за собой хлопоты и расходы (для дачи взятки), соглашались с ними¹.

Вкратце хотелось бы проанализировать несколько норм и установлений Положения об управлении Туркестанским краем, который в свою очередь в то время являлся основным регулятором правоотношений в сфере власти и управления краем.

Разработанный проект Положения об управлении Туркестанским краем в 1867 г. Фон Кауфманом не был официально утвержден, только в 1886 г. было принято новое Положение. Положение об управлении Туркестанским краем (1886 г.)², внесло существенные изменения в управлении краем и в устройстве суда казиев.

В крае была установлена единая судебная система. Она состояла из общеимперских органов правосудия, в состав которых входили: мировые суды, Областной суд, Правительствующий Сенат (ст. 7) и суды местного права. Первую инстанцию последних составлял единоличный народный суд для оседлого населения или бийские для кочевых народов, а вторую – съезд народных судей. Администрация областей и уездов могли вызвать чрезвычайные съезды народных судов. Согласно ст. 249 Положения, они действовали на основании правил, установленных для обыкновенных съездов народных судов, но порядок их созыва, состав и конкретная сфера их компетенции в разборе и решении дел дает нам основание считать их отдельными инстанциями, как это сделано в Положении (ст. 230). В число рассматриваемых съездом дел входили разбор тяжб и споров между жителями разных уездов или волостей, и решения по ходатайствам съезда народных судей о высылке лиц местной национальности (ст. 247)³.

Предпосылки совершенствования законодательства и судебной системы в целом, несмотря на ряд ограничений в действиях, создали масштабную платформу для дальнейшего совершенствования и оптимизации данных сфер. В данном исследовании целиком и полностью, хоть и частично, но удалось сформировать комплекс тех знаний о

---

¹ Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР (До издания Уголовного кодекса Таджикской ССР 1935 г.) : дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1956. С. 17.

² См.: Положение об управлении Туркестанским краем // Свод законов Российской Империи. В 2-х томах. М., 1889. Т. 2. ч. 1. С. 234-260.

³ Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1-2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 216.

судьбе и роли Судебных уставов, которые слепили и сформировали, в том числе, и уголовно-процессуальное законодательство дореволюционного и советского Таджикистана.

Неоценимый вклад Судебных уставов в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства, принимается в научных кругах неоднозначно, как в России, так и в Таджикистане. В Таджикистане данная проблематика не исследована и составляет целый комплекс научных знаний, который требует своего анализа и тщательного переосмысления. Единственная научная работа, которая посвящена развитию уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР¹, оставила не исследованным этот особенный исторический этап развития и становления отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Шестой период, как утверждают ученые, предусматривал введение буржуазного смешанного уголовного процесса (Судебные уставы 1864 г.), но в действительности устанавливает уголовный процесс переходного (к буржуазному) типа в преимущественно розыскной форме с одновременным сохранением элементов смешанной (следственно-обвинительной) формы по общеуголовным делам в судебных округах Центральной России. Лишь в конце этого периода после победы февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. буржуазное Временное правительство, оказавшееся слишком непоследовательным и нерешительным в деле окончательной ликвидации феодального общественного строя и бюрократического политического режима, пыталось восстановить и провести в жизнь основные положения Судебной реформы 1864 г. Но и для этого у него не оказалось ни сил, ни времени. Победа Великой Октябрьской социалистической революции впервые в мире привела к возникновению и открыла дорогу развитию социалистического общественного строя и Советского государства с соответствующим ему советским социалистическим уголовным процессом².

Даже 25 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об образовании комиссии для восстановления основных

---

¹ Раджабов С.Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. С. 124.

² Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 398.

положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменной в государственном устройстве»¹.

Резюмируя все вышеизложенное, приходим к такому выводу, что роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении и дальнейшем развитии таджикского уголовно-процессуального законодательства неопределимо и по сей день. Корни и оттенки этого законодательного акта и в настоящее время не потеряли свою актуальность. Спорные точки зрения ученых – историков, теоретиков права и других не умаляют достоинство Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а наоборот раскрывают в той или иной степени весь реальный механизм реализации, пробелы, спорные моменты и формирование нового смешанного уголовно-процессуального законодательства в тогдашнем Таджикистане. Все это в совокупности, хоть и частично, но также свидетельствует о неопределимом вкладе в общем всех норм и положений Судебных уставов, которые заметно сдвинули и перевернули все уголовное судопроизводство на территории дореволюционного и советского Таджикистана.

Поэтапное развитие и дальнейшее становление уголовно-процессуального законодательства Таджикистана в Советский период его развития, шло параллельно на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, УПК Узбекской ССР 1926, 1929 гг., УПК Таджикской ССР 1935 г. и УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) в шаблонном порядке, но с исключениями, которые характеризовали отечественную систему уголовного судопроизводства.

---

¹ Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. С. 397.

1.2. Конституционная реформа и уголовно-процессуальное законодательство: влияние и перспективы

Провести сравнение или соотношение названия раздела, скорее всего, будет голословным. Хотя на первый взгляд, сама постановка такого названия кажется абсурдной, но Конституция Республики Таджикистан как база, основа действующего законодательства и на ее основе формирование уголовно-процессуальных норм – оправдано и нуждается в дополнительном научном анализе. Однако, у автора нет ни малейшего намерения каким-либо образом дискредитировать такое обуславливающее обстоятельство, но тем не менее, есть цель анализа и ее необходимо достичь.

В данной части научного исследования подвергаются анализу глубоко процессуальные институты, которые берут свое начало из Конституции Республики Таджикистан. В целом, конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства составляют основу УПК Республики Таджикистана и представляют научную и практическую значимость в период проведения судебно-правовых реформ и их итогов. Разработка и тщательный анализ этих положений позволят выявить ряд новых и неизвестных отечественной науке уголовного процесса новелл и механизмов, посредством которых, регулируются ряд важных процессуальных институтов и функций.

Для упрощения целей данного анализа, в первую очередь определим основными составляющими данного анализа. Во-первых, это функция уголовного преследования, и во-вторых, принцип состязательности и равноправия сторон в нормах, как Конституции, так и УПК Республики Таджикистан.

1. История возникновения и закрепления функции уголовного преследования имеет довольно продолжительную историю. Вплоть до принятия первого УПК Таджикской ССР¹ 1935 г. все уголовно-процессуальные правоотношения на территории тогдашнего Таджикистана регулировались УПК Узбекской ССР², а до этого, начиная с образования Туркестанского генерал-губернаторства на территории Средней Азии, действовали нормы и положения Судебных уставов, которые были приняты 20 ноября 1864 г. Следует отметить и тот факт, что

---

¹ Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик: сборник (Основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. М., 1957. С. 308.

² Там же. С. 190.

нормы Судебных уставов действовали на всей территории современного Таджикистана, но с некоторыми изъятиями. Данные изъятия или пробелы в основном составляли переходные положения и коллизии норм имперского и мусульманского права, а иногда их соотношение и расхождение. Со временем все правоотношения стали регулироваться нормами и положениями Судебных уставов.

Уголовное преследование в УПК Таджикской ССР 1935 г. рассматривалось в качестве производства расследования, и не было четких разграничений между «уголовным преследованием», и производством расследования по уголовным делам, как в УПК Узбекской ССР 1926, 1929 гг., так и в УПК Таджикской ССР того периода времени.

Из изложенного можно придти к выводу, что в УПК Таджикской ССР термины «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования» на законодательном уровне использовались как синонимы, были идентичны друг другу и регулировали на тот момент все уголовно-процессуальные правоотношения.

В УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) об институте уголовного преследования забыли, или как называется, заменили данное словосочетание со словосочетанием «возбуждение уголовного дела». На уровне современного уголовно-процессуального законодательства «уголовное преследование» как термин «прозвучал» в связи с принятием 06 ноября 1994 г. на всенародном референдуме Конституции Республики Таджикистан¹. Приведем дословно ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан, поскольку она имеет не только сугубо теоретическое, но и научно-практическое значение в настоящем исследовании. В нем закреплено: *«Никто не может быть привлечен к ответственности после истечения срока уголовного преследования, а также за деяния, которые в момент их совершения не считались преступлением <...>»*. Принципиальное значение имеет словосочетание *«<...> после истечения срока уголовного преследования <...>»*. Именно они формируют основание, как будто в уголовном или в уго-

---

¹ Конституция Республики Таджикистан (с изменениями и дополнениями от 1999 и 2003 гг.) // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. 2008. № 1. С. 5-21. Следует отметить, что до издания работы новая редакция Конституции после референдума (22.05.2016 г.) официально не была опубликована, в связи с чем, авторы ссылаются на официальный источник опубликования, но с учетом внесенных изменений и дополнений.

ловно-процессуальном законодательстве установлены определенные сроки для уголовного преследования определенного лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства. Аналогичная формулировка была закреплена в проекте Конституции Республики Таджикистан, но только в ч. 2 ст. 22¹.

В свое время А. В. Голошапов справедливо обращал внимание на то, что понятия «уголовное преследование» и «уголовная ответственность» необоснованно смешиваются: «В таком случае можно подумать, что уголовная ответственность – это понятие материально-правовое, относящееся к сфере уголовного права, в то время как уголовное преследование – это понятие уголовно-процессуальное, отражающее наименование одной из основных уголовно-процессуальных функций»². Такое же смешение понятий «уголовной ответственности» и «уголовного преследования» случилось у разработчиков Основного закона, т.е. в ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан.

После этого институт уголовного преследования перенесло в ст. 295 Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998 г. (далее – УК Республики Таджикистан) в п. 2 примечания, где в частности закреплено: *«Если деяние, предусмотренное данной статьей, причинило вред исключительно коммерческой организации, не являющимся государственным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. При причинении вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства уголовное преследование осуществляется на общих основаниях»*. В данном положении остается не вполне понятной система и цель внедрения уголовно-процессуальной категории «уголовное преследование» в текст УК Республики Таджикистан.

Высказывая свое мнение относительно использования термина «уголовное преследование» в УК Российской Федерации, профессор В. П. Божьев справедливо отметил, что «такой феномен, как «уголовное преследование», действующему УПК РСФСР не известен. По своему содержанию он (термин) носит уголовно-процессуальный характер и до получения им «права гражданства» в уголовно-процессу-

¹ Конституция Республики Таджикистан (проект). Душанбе : «Ирфон», 1994. С. 33.

² Голошапов А.В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования // Юридическая наука Сибири. Кемерово, 1997. С. 182.

альном законодательстве внедрять его в другие отрасли законодательства представляется преждевременным»¹.

Следует полностью согласиться с высказанным в свое время мнением В. П. Божьева, что не только преждевременно, но и нецелесообразно использовать сугубо процессуальные институты и смешивать их с уголовно-правовыми понятиями в Конституции Республики Таджикистан, которая является на сегодняшний день основной действующей законодательной базой страны. Конституция, обладающая высшей юридической силой должна быть предельно ясной каждому человеку, а ее нормы служат основой и отправной точкой для всего законодательства определенного государства.

Составители и разработчики Конституции Республики Таджикистан под истечением срока уголовного преследования, что подразумевали все еще остается неясным? В Российской Федерации подобная неясность случилась в действующем УПК Российской Федерации в п. 3 ч. 1 ст. 24 *«истечение сроков давности уголовного преследования»*.

Для выяснения и уяснения данной проблемы обратимся к праворазъяснительной и правоприменительной практике уголовного судопроизводства Российской Федерации. Комментируя отдельные пункты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, профессор В. П. Божьев четко указал, что, формулируя рекомендации по применению п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК Российской Федерации (п. 20), Пленум Верховного Суда Российской Федерации не избежал распространенной ошибочной трактовки этого положения. Напомним, что еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. признавал «истечение давности» обстоятельством, исключающим уголовное преследование (п. 2 ст. 16). Позже это основание получило отражение в УПК РСФСР 1923 г. (п. 4 ст. 4), а затем получило отражение в УПК РСФСР 1960 г. (п. 3 ст. 5).

Разработчики проекта УПК Российской Федерации сохранили данное основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования, но изменили его формулировку, указав, что дело подлежит прекращению ввиду «истечения сроков давности уголовного преследования» (п. 3 ч. 1 ст. 24). Между тем в указанном случае речь должна

---

¹ УПК РСФСР : С постатейными материалами / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2000. С. 75.

идти не об исчислении сроков уголовного преследования, а об истечении сроков давности, в течение которых лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности, так как это основание предусмотрено не УПК Российской Федерации, а УК Российской Федерации (ст.78)¹.

В нашем случае сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности предусмотрены ст. 75 УК Республики Таджикистан. Сообразно этому в указанном случае уголовное дело может быть прекращено ввиду истечения сроков давности уголовной ответственности, а не в связи с истечением давности уголовного преследования, как ошибочно указано в УПК Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 24) и в Конституции Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 20). Как в УПК Российской Федерации, так и в УПК Республики Таджикистан² пока что, не установлены сроки давности уголовного преследования, и в этом нет необходимости³.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать основополагающий вывод, что используемый термин «истечение сроков давности уголовного преследования» в уголовно-процессуальном законе России, и в тексте Конституции Республики Таджикистан является абстрактным феноменом и не имеет под собой никакой уголовно-процессуальной основы (в правовом смысле этого мнения), т.е. давностные сроки предусмотрены только уголовным (материальным) правом, и только по отношению к привлечению лица к уголовной ответственности. Здесь же следует указать и на то, что в ряде случаев и в текстах нормативных актов Российской Федерации очень часто используется указанный абстрактный феномен, а также в научных работах⁴.

---

¹ Комментарий к УК Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М., 2007. С. 201-203.

² Закон Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. № 564 «О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан» // АМО Республики Таджикистан. 2009. № 12 (1409). Ст. 816.

³ Божьев В.П. Пленум Верховного суда Российской Федерации о применении норм УПК Российской Федерации, регулирующих деятельность судов второй инстанции // Уголовный процесс. № 4. 2009. С. 40.

⁴ Курнышева Е.А. Прекращение уголовного дела по истечению сроков давности уголовного преследования в контексте норм Конституции Российской Федерации / Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений // мат-лы Межд. науч. практ. конф-ции (Москва, 14.11.2013 г.) в 3-х ч. Ч. 2. М. ИПК СК РФ, 2013. С. 238-242.

Решение данной проблемы видится в необходимости внести изменения в ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан, и изложить ее в следующей редакции:

Статья 20. Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу

«Никто не может быть привлечен к уголовной ответственности после истечения срока давности уголовной ответственности, а также за деяния, которые в момент их совершения не считались преступлением. Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление».

<...>

Вместе с тем, в УПК Российской Федерации в п. 3 ч. 1 ст. 24 словосочетание «уголовного преследования» следует заменить словосочетанием «уголовной ответственности» и изложить ее в следующей редакции:

Статья 24. Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела

<...>

«3) истечение сроков давности уголовной ответственности».

<...>

2. Исследование проблем принципа состязательности и равноправия сторон, который закреплен в ст. 88 Конституции Республики Таджикистан, в настоящем исследовании является актуальным направлением. Содержание данного принципа, его закрепление и характеристика в полной мере оправдывает его существование и построение уголовного судопроизводства на основе и по типу состязательности.

После проведения первого этапа судебно-правовых реформ в Таджикистане был принят новый УПК Республики Таджикистан, в котором особое значение приобретает принцип состязательности и равноправия сторон. От ее законодательного разрешения (регулирования) в нормах закона и применения на практике зависит развитие отечественного уголовного судопроизводства.

Одновременно, решение этой задачи является одним из приоритетных направлений в реформе уголовного судопроизводства. В этой связи, актуальность данного исследования обусловлено прошедшими процессами осуществления судебно-правовой реформы в Таджикистане, которая в настоящее время испытывает дефицит фундаментальных научных исследований, в том числе и в сфере уголовно-процессуального права.

Следовательно, анализ УПК Республики Таджикистан приводит к выводу о недостаточном правовом регулировании данного принципа в досудебных и судебных стадиях производства по уголовному делу, а также ряда концептуальных положений, касающихся демократических преобразований уголовного судопроизводства. Среди таких основополагающих положений наиболее значимой и «пострадавшей» законодательной новеллой является принцип состязательности и равноправия сторон, которая, по сути, предопределила совершенно новые правовые предписания, направленные на полное и всестороннее обеспечение прав всех участников уголовного судопроизводства.

Современный уголовный процесс в Таджикистане, хотя официально и провозглашен состязательным, но в реальности и по существу является смешанным процессом. УПК Таджикистана сохранил смешанную форму уголовного процесса с присущим ей предварительным производством при широких полномочиях органов расследования и прокурора, принимающих решения о возбуждении уголовного дела, проведении расследования и разрешении дела по существу.

Следует отметить, что в данном направлении в Таджикистане за несколько лет в рамках судебно-правовой реформы были приняты ряд программ и концепций, которые одновременно закрепляют обеспечение состязательности и равноправие участников процесса на всех стадиях уголовного судопроизводства¹ и других отраслей системы законодательства.

---

¹ Указ Президента Республики Таджикистан от 23.06.2007 г. за № 271 «Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2007-2010 г.»; Указ Президента Республики Таджикистан от 03.01.2011 г. за № 976 «Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2011-2013 гг.»; Указ Президента Республики Таджикистан от 05.01.2015 г. за № 327 «Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2015-2017 г.»; Указ Президента Республики Таджикистан от 19.02.2011 г. за № 1021 «Об утверждении Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан» (ч. 44); Постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.03.2012 г. за № 97 «Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг.» // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 13.09.2016 г.).

Отсюда очевидно, что Концепцией прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан и Государственной программой по реализации данной Концепции предусмотрена законотворческая деятельность, комплекс мероприятий в целях дальнейшей систематизации процессуального законодательства, где основным направлением признано совершенствование принципа состязательности и равноправия сторон в процессе (ч. 16 п. 48 подпункт «в»). В силу стараний или теоретических заблуждений составителей и разработчиков данных документов, остается некорректно сформулированной концепция о систематизации процессуального законодательства, а именно уголовно-процессуального законодательства.

Для обоснования данных выводов проанализируем ряд позиций таджикских ученых, адвокатов и практикующих юристов в сфере уголовного судопроизводства. Так, по мнению С. Рахмонова, принятие УПК Республики Таджикистан является прогрессивным положением, среди которых особое место занимает принцип состязательности и равноправия сторон¹.

Как указывает в своей работе Ш.О. Салимзода, основными целями принятия нового УПК Республики Таджикистан были определены: реализация судебно-правовой реформы в республике; дальнейшая демократизация уголовного судопроизводства и приведение уголовного судопроизводства в соответствии с международными стандартами; усиление защиты прав и свобод человека и гражданина; укрепление статуса и роли судебной власти в Таджикистане; упрощение уголовного судопроизводства и обеспечение равноправия участников процесса на всех стадиях уголовного процесса². Далее Ш.О. Салимзода в своей работе утверждает, что, коллектив авторов и законодательный орган, проделав огромную работу, обеспечили достижение поставленных целей.

Следует отметить, что данный вывод ни чем не обоснован, и не нуждается в дополнительных утверждениях, так как в результате подготовки и теоретико-практических недостатков законодательного корпуса или лоббирования определенных интересов, УПК Республики Таджикистан превратился в «симбиоз». Для подтверждения данного

---

¹ Рахмонов С. Некоторые размышления о новом УПК Республики Таджикистан // Известия Академии наук Республики Таджикистан. № 2. 2010. С. 116.

² Салимзода Ш.О. Новый УПК Республики Таджикистан: основные цели и достижения // Прокурорская и следственная практика. № 1. 2011. С. 44.

вывода дополнительно проанализируем ст. 20 УПК Республики Таджикистан «Состязательность и равноправие сторон», где закреплено, что суд не является органом уголовного преследования (ч. 2). Данную норму под большие сомнения ставит п. 15 ч. 1 ст. 35 УПК Республики Таджикистан, где предусмотрено право суда (*судьи – Р.Ю.*) в случаях, предусмотренных УПК Республики Таджикистан возбуждать уголовное дело и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы. Данная норма не предусматривает принятие (*возбуждение – Р.Ю.*) к своему производству и рассмотрение уголовного дела частного обвинения¹. Уместно возникает вопрос о том, как данную деятельность суда по возбуждению уголовного дела представляли разработчики УПК Республики Таджикистан, где фактически суд становится органом уголовного преследования². Здесь же следует отметить и высказывание экс-генерального прокурора Республики Таджикистан, который в рамках обсуждения законопроекта о лишении некоторых депутатов статуса неприкосновенности в парламенте высказался в пользу того, что отныне по необходимости в отношении депутатов местных маджлисов могут быть возбуждены уголовные дела со стороны соответствующих судебных органов и органов прокуратуры. Далее он отметил, что принятие вышеназванных поправок соответствуют главному принципу правосудия – «все равны перед законом»³.

Думается, что в случаях рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве по существу, если судом (судьей) выявляются признаки другого преступления (которое не является предметом настоящего судебного разбирательства), судья обязан вынести частное определение о перенаправлении данных материалов из рассматриваемого уголовного дела в подследственные органы предварительного расследования (ч. 3 ст. 35 УПК Республики Таджикистан). Отсюда и возникают трудности по определению выносимого судом решения

---

¹ Отдельно данный вопрос будет рассмотрен в главе 4 параграфа 4.1.2.

² В СМИ Таджикистана появилась информация, что «*в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, Чкаловский городской суд Согдийской области возбудил новое уголовное дело против осужденного В. Радивилового*» // Кассационная коллегия суда Согда снизила сумму ущерба по делу Радивилового / Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj/> (дата обращения: 09.11.2012 г.).

³ В Таджикистане отменена неприкосновенность местных депутатов / Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj/> (дата обращения: 13.06.2013 г.).

(постановления о возбуждении уголовного дела, определения и т.д.) в подобных случаях. В связи с изложенным, представляет некий интерес изложенная позиция адвоката А.Х. Бадридинова, который утверждает, что для полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве Таджикистана основным барьером выступает УПК Республики Таджикистан¹.

Тем не менее, по мнению адвокатов и правозащитников судьи до сих пор занимают позицию обвинителя, то есть берут инициативу на себя при допросе обвиняемых, свидетелей и потерпевших, что в корне нарушает принцип состязательности во время судебного процесса. Это доказывается и результатами мониторинга судебных процессов. Существенное отличие нового УПК Республики Таджикистан от ранее действовавшего в том, что была изменена роль и процессуальное положение судьи, а именно судья перестает играть активную роль при допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей (по мнению большинства респондентов).

Таким образом, УПК Республики Таджикистан предусматривает осуществление судебного следствия на началах состязательности и равноправия сторон, что проявляется, прежде всего, в том, что инициатива и активная роль в ведении допроса с позиции соответственно обвинения и защиты принадлежит сторонам. Так, согласно ч. 2 ст. 311, ч. 3 ст. 314 УПК Республики Таджикистан судья задает вопросы последним после допроса, проведенного сторонами, при этом уточняющие вопросы судья может задавать в любое время в течение судебного процесса (но не обязан начинать допрос первым). В свою очередь судьи, следуя старой практике, продолжают вести допрос, нарушая норму УПК Республики Таджикистан в части порядка ведения допроса на судебном следствии и соответственно одновременно нарушая принцип состязательности и равноправия сторон. Так, проведенный мониторинг выявил, что в 15 случаях судья первым начинал допрос подсудимого².

Следует подчеркнуть, что данный мониторинг проводился Центром по правам человека в Республике Таджикистан с мая по ноябрь

---

¹ Бадридинов А.Х. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве // Законодательство. № 4. 2011. С. 80.

² Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Душанбе, 2011. С. 25.

2010 г. среди высококвалифицированных судей республики¹. Несмотря на все позитивные нововведения в уголовно-процессуальном праве с позиции адвокатов, мало что изменилось на практике. В соответствии с требованиями УПК Республики Таджикистан значительно увеличились права, как представителей защиты, так и самих задержанных, подозреваемых или подсудимых. Эти меры были приняты для того, чтобы обеспечить принцип состязательности во время уголовного процесса².

Также следует отрицательно отнестись к высказыванию, что новый УПК Республики Таджикистан существенно перераспределяя полномочия между судом и прокуратурой, расширяет границы участия суда в уголовном процессе³. Данная позиция является неверной, так как при данном распределении не всегда учитываются права и свободы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, нарушается равноправие сторон в уголовном судопроизводстве, создается искусственная волокита и излишняя процессуальная нагрузка для органов предварительного следствия и дознания. Обобщение аналитических исследований независимых экспертов в области эффективности действия нового УПК Республики Таджикистан дало следующие результаты. Большинство опрошенных (65 %) респондентов отметили, что с принятием УПК Республики Таджикистан специфика работы изменилась. Изменения относительно передачи санкционирования избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу от органов прокуратуры судебным органам, было принято неоднозначно. Представители следственных подразделений МВД жаловались на трудоемкий и длительный процесс получения санкции. Около 60 % респондентов следственных сотрудников МВД выразились, что *«стало больше бумажной волокиты»*. Представители прокуратуры и следственных органов в основном жаловались на длительный процесс решения вопроса об избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу, что по мнению по-

---

¹ Расул-заде Т. Новому УПК Таджикистана – один год. Перемены есть? 28.04.2011 г. // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj/> (дата обращения: 09.11.2012 г.).

² Результаты мониторинга практики применения УПК Республики Таджикистан. С. 24.

³ Салимзода Ш.О. Указ раб. С.45.

следних, создает барьер для своевременного сбора и закрепления необходимых доказательств¹.

По единогласному утверждению адвокатов, УПК Республики Таджикистан нуждается во внесении изменений и дополнений в процедуры рассмотрения судьями ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в проведении подлинно состязательных процессов и при фактическом равенстве сторон. Как было отмечено, по новому УПК Республики Таджикистан участие прокурора обязательно в судебном разбирательстве кроме дел частного обвинения (ст. 279 ч. 1), в то время как участие защитника обязательно только в 5 случаях (ст. 51 ч. 1). В таких случаях, отдельные нормы УПК Республики Таджикистан нарушают баланс полномочий двух противоборствующих сторон, что в правоприменительной деятельности нарушает принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

Также было отмечено, что канцелярии судов часто отказываются принимать уголовные дела, до тех пор, пока они не рассмотрены судьей. Кроме того, несмотря на то, что суд не выступает на стороне обвинения и должен выступать в качестве независимого «арбитра», копию обвинительного заключения подсудимому вручает по-прежнему суд, а не государственный обвинитель², который утверждает данное заключение и направляет уголовное дело в суд.

Обобщение судебной практики по реализации норм УПК Республики Таджикистан свидетельствует, что во многих случаях по определенным аспектам (дела частного обвинения, возбуждение уголовного дела судом) в правоприменительной практике зачастую возникают трудности, внутренние противоречия и пробелы³, которые нуждаются в законодательном устранении.

По утверждению Ш.О. Салимзода, в целях эффективной защиты прав и свобод человека, УПК Республики Таджикистан устанавливает необходимость судебного порядка санкционирования 11 видов следственных действий, связанных с ограничением прав и свобод человека и

---

¹ Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. Душанбе: Общественный Фонд «НОТАБЕНЕ», 2012. С. 20.

² Там же. С. 27-28.

³ Результаты мониторинга практики применения УПК Республики Таджикистан. С. 16-20.

гражданина¹. Данный вывод носит сугубо дискуссионный характер. Следует подчеркнуть, что этими законодательными новеллами уровень защищенности населения не повысился. На уровень и качество предварительного расследования данное нововведение также положительно не повлияло, не рассуждая о судебном производстве в целом.

В этой связи опрошенные адвокаты отмечают, что сама процедура выдачи судьями санкции на арест, противоречит требованиям справедливого уголовного процесса. Статья 289 УПК Республики Таджикистан не предусматривает обязательного участия адвоката при решении вопроса о санкционировании, обсуждении возможности продления сроков ареста, изменении или отмены меры пресечения, в то время как участие прокурора в данном случае обязательно. По мнению стороны защиты, такой подход нарушает принцип состязательности и равноправия сторон и создает перевес в пользу обвинения². Здесь также не учитывается правовой статус прокурора как субъекта уголовного преследования в механизме осуществления данной деятельности.

В основном судьи отмечают, что расширились границы участия суда в уголовном процессе. Суд не является органом уголовного преследования, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам равные и необходимые условия для реализации их прав на полное исследование обстоятельств дела³. Трудно воспринимаемый факт, но, увы, о каких судьях идет речь в проведенном мониторинге авторы не указали. Традиционно судья (суд) в уголовном процессе занимал особое место и в рамках судебных стадий решаются основные задачи уголовного судопроизводства. Как и было указано в работе Ш.О. Салимзода, так и авторы мониторинга единогласно утверждают о расширении границ деятельности судей в УПК Республики Таджикистан. К сожалению, данные выводы имеют дискуссионный характер и по некоторым направлениям противоречат действующей правоприменительной практике и предшествующим проведенным анализам по УПК Республики Таджикистан, которые осуществлялись в рамках

---

¹ Там же. С. 46.

² Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. С. 26.

³ Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. С. 20.

различных проектов Центра по правам человека в Таджикистане. Как справедливо отмечает С.А. Пашин, состязательное устройство судопроизводства, по замыслу, лишает судью функции уголовного преследования, сохраняя за ним лишь обязанность разрешить дело правовым образом¹.

Подводя итоги, вкратце хотелось бы отметить, что векторы развития и действия принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве Таджикистана проходит этапы становления, развития и апробации в научном и правоприменительном секторе. От правильной селекции зависит дальнейшая продуктивность заложенной идеи состязательного типа / модели уголовного судопроизводства, которая требует немалых усилий в доработке и усовершенствовании. Актуальными и по сей день остаются выводы М.С. Строговича о том, что состязательность – сложное орудие, пользование которым дает положительный результат лишь в том случае, если основные участники процесса им владеют в совершенстве².

В конце данного анализа, следовательно, было бы целесообразным, если ст. 88 Конституции Республики Таджикистан подкорректировать, грамматически и логически выверить термины (судебный процесс, разбирательство дел, судопроизводство) и изложить ее в следующей авторской редакции:

Статья 88. Судьи рассматривают дела коллегиально и единолично
Судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон.

Судопроизводство во всех судах открытое, кроме случаев, предусмотренных законом.

<...>

Несмотря на подобные критические замечания, они не снимают остроты выявленных проблем и необходимость их дальнейшего исследования. Как нам представляется, данные пробелы могут быть устранены путем проведения референдума (посредством внесения изменений и дополнений) в текст Конституции Республики Таджикистан³.

---

¹ Пашин С.А. Состязательный процесс. М.: Р. Валент, 2006. С.12.

² Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 250.

³ Третий референдум Конституции (22.05.2016 г.) кардинальным образом усовершенствовал текст, но проанализированные нами вопросы остались нерешенными.

1.3. Стабильность уголовно-процессуального законодательства: правки, недостатки и рекомендации экспертов

Интенсивность поправок, своевременный мониторинг действующего уголовно-процессуального закона и варианты оптимизации, которые предлагает законодательный корпус и инициаторы некоторых законопроектов, дополнительно подтверждают о необходимости совершенствования отдельных норм и положений закона.

Необходимо отметить, что за годы действия уголовно-процессуального закона правоприменительная практика в достаточной мере освоила новые нормы закона, хотя в повседневной уголовно-процессуальной деятельности встречаются затруднения в уяснении и применении некоторых уголовно-процессуальных норм, которые диктуют необходимость формирования единых подходов в их толковании с целью последующего их применения.

Анализ указанных и иных проблем, недостатки и преимущества правоприменительной практики и законодательной деятельности в данном направлении, еще раз свидетельствуют об актуальности данного анализа, а рекомендации, предложения и выводы авторов, прежде всего, направлены на усовершенствование отечественного уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, необходимо проанализировать изменения и дополнения УПК Таджикистана с момента его вступления в действие и до 1 января 2019 г. включительно. Анализ указанных поправок включает в себя как количественные, так и содержательные характеристики внесенных поправок.

За анализируемый период в УПК Республики Таджикистан были внесены изменения и дополнения 19 законами Республики Таджикистан, которые подвергли существенным обновлениям порядка 154 уголовно-процессуальных норм. Из них: **новые статьи** – ст. 35¹ *Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий*; ст. 88¹ *Недопустимые доказательства*; ст. 167¹ *Восстановление уголовного дела*; **статьи в новой редакции** – ст. 88 *Оценка доказательств*; ст. 94 *Порядок задержания подозреваемого*; ст. 203 *Особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего*; **редакционные и технические уточнения статей** – пункты 21, 22,

25, 26, 28, 36, 41, 42, 45-51, 53, 54, 56-59, 61-65, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 94-97, 99, 100, 107¹. В основном эти изменения и дополнения носят редакционно-содержательный, иной раз орфографический характер. Также присутствуют (хотя и частично) существенные нововведения.

В конце очередного отчетного периода или краткого обзора по состоянию того или иного законодательства, традиционно принято подводить итоги и определять дальнейшие перспективы развития данной сферы. Уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана в этом плане не исключение из общих правил. Как и на протяжении всех последних лет, текущий год принес свои результаты в виде существенных изменений и дополнений в ее текст. Основные из них мы отразили в таблице. В нее вошли правки, действующие на данный период времени.

По годам принятия первых 19 законов они распределяются в следующих таблицах.

Таблица № 1
Внесение изменений и дополнений в УПК Республики
Таджикистан с 2009 по 2014 гг.

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)					
Год	2010	2011	2012	2013	2014
Количество законов	1	2	5	2	2
Количество изм. и доп.	2	44	12	5	18
В % соотношении	0,02	0,88	0,6	0,1	0,36
Всего	12 (1,96 %)				

¹ См. : Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 67-122.

Таблица № 2

**Внесение изменений и дополнений в УПК Республики
Таджикистан с 2015 по 2018 гг.**

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)				
Год	2015	2016	2017	2018
Количество законов	1	4	1	1
Количество изм. и доп.	5	33	5	5
В % соотношении	0,05	1,32	0,05	0,05
Всего	7 (1,47 %)			

Следует также отметить, что количество изменений, вносимых каждым из принятых законов в УПК Республики Таджикистан, различно по содержанию и не имеет однозначной связи с численностью последних, что выделяется в приведенных таблицах. Масштабные правки были в 2011 г. – 2 законами 44 правок (0,88 %), а в 2016 г. – 4 законами 33 правок (1,32 %).

В общем если посчитать, то 19 законами Республики Таджикистан в текст УПК Республики Таджикистан было внесено порядка 129 изменений и дополнений. В процентном соотношении вышеуказанные правки составляют порядка 3,43 %.

Изменения и дополнения текста УПК Республики Таджикистан, которые касаются как содержания, так и отдельных недостатков, и не всегда имеют цель систематизации и конкретизации его норм (к ним можно отнести ст. 111, 350, 396 и ряд других норм), как в общем плане, так и в отдельных аспектах. Концептуальные основы в реформировании того или иного законодательства порой, а то и часто законодателем не учитываются и разрабатываются проекты законов без их учета и общего согласования однородных норм. К этой категории законо-

дательных актов можно отнести Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 года за № 1332¹ который, как представляется, стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения². Единственным слабым отличием стала норма, которая также указывает на тот шаблонный подход, где в случае примирения лица, пострадавшего от преступления с обвиняемым и возмещения нанесенного вреда пострадавшему, производство по делу прекращается. Подобные требования также включены в полномочия следователя.

В контексте данной работы, посчитали необходимым перечислить законы Республики Таджикистан, которыми вносились изменения и дополнения в отдельные нормы УПК Республики Таджикистан³.

1. *Закон Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г. № 618.*
2. *Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 692.*
3. *Закон Республики Таджикистан от 02 августа 2011 г. № 755.*
4. *Закон Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 809.*
5. *Закон Республики Таджикистан от 03 июля 2012 г. № 864.*
6. *Закон Республики Таджикистан от 01 августа 2012 г. № 878.*
7. *Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 927.*
8. *Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 932.*
9. *Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982.*
10. *Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 983.*
11. *Закон Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. № 1067.*
12. *Закон Республики Таджикистан от 27 ноября 2014 г. № 1134.*
13. *Закон Республики Таджикистан от 23 ноября 2015 г. № 1229.*

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. за № 1332 «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» // Джумхурият. 2016. № 146-149. 28 июля.

² Дополнительно об этом см. § 4.8 главы 4 настоящего исследования.

³ Полная версия изменений и дополнений приведен в Сравнительной таблице изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 67-122.

Здесь необходимо отметить, что законодатель впервые установил специальное уточнение по факту вступления внесенных поправок в законную силу. Так, ч. 1 и 2 указанного Закона вступят в силу с 27 марта 2016 г., тогда как ч. 3 и 5 Закона, вступают в действие уже с момента официального их издания.

14. Закон Республики Таджикистан от 15 марта 2016 г. № 1275.

15. Закон Республики Таджикистан от 14 мая 2016 г. № 1306.

16. Закон Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1332.

17. Закон Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1333.

18. Закон Республики Таджикистан от 24 февраля 2017 г. № 1381.

19. Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2018 г. № 1516.

Частично проанализированные новшества и соответствующие правки в УПК Республики Таджикистан подтверждают отсутствие системного подхода в процессе разработки отдельных норм закона. Редакционная правка УПК Республики Таджикистан еще раз доказывает, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании. Рассогласованность и отсутствие должной апробации (еще до введения в действие проекта УПК) с представителями различных институтов гражданского общества, независимыми экспертами, а также учеными-процессуалистами отдельных разделов, глав и некоторых статей, в свою очередь в процессе правоприменительной деятельности создают трудности и диктуют буксовку в их реализации и понимании. Уяснение для себя и разъяснение для других – это скорее основа деятельности правоприменителя, который действует в режиме полного царствования и слепого следования указаниям руководства в рамках расследования по отдельным уголовным делам. Но до какого времени так будет продолжаться, ведь на кону жизнь и здоровье, а то и часто грубое повсеместное нарушение и не соблюдение конституционных прав и свобод личности. Все эти факторы свидетельствуют о низкой квалификации правоприменительных органов. Дополнительный импульс для осуществления подобных действий им предлагает текст закона и двоякое его содержание.

На первый взгляд наши суждения выглядят лозунгами, вешанием ярлыков, клеймением, но о них и других системных ошибках и про-

блемах выступал Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон¹.

В качестве ориентира, национальным экспертам следует анализировать и учитывать последовательную законотворческую деятельность некоторых развитых стран СНГ (к примеру, Российская Федерация, Республика Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Армения и др.), где при выявлении подобных проблем акцентируют свое внимание на мировую практику и освоению необходимых знаний для координации и оптимизации правотворческой деятельности в сфере уголовно-процессуального законодательства. Все это делается в целях недопущения максимального противоречия в нормах уголовно-процессуального законодательства, но с учетом специфических особенностей отечественного законодательства и дальнейшей ее гармонизации и унификации.

Рассуждая о квинтэссенции отечественного уголовно-процессуального закона, ориентирах для исправления системных ошибок, следует также проанализировать роль и деятельность неправительственных организаций.

В Таджикистане Центр по правам человека, Общественный Фонд «Нота бене», Филиал Американской Ассоциации Юристов в Республике Таджикистан и ряд других организаций проводят различные по содержанию мониторинги действия УПК Республики Таджикистан и исследования проблем доступа к правосудию. Во многих экспертных исследованиях² частично анализируются основные направления проводимых реформ в сфере уголовно-процессуального законодательства (иногда и смешиваясь с другими отраслями законодательства), а с другой стороны проводится научно-практическая апробация и анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных исследователей по наиболее актуальным проблемам уголовно-процессуальной деятельности в контексте выявления, раскрытия, расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел, что является дополнительным материалом к различным научным исследованиям.

---

¹ Выступление на встрече с работниками органов прокуратуры // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: www.president.tj/ru/node/17272 (дата обращения: 13.04.2018 г.); Торжественное собрание по случаю Дня таджикской милиции // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://www.president.tj/node/18876> (дата обращения: 11.11.2018 г.).

² Полный перечень исследований приведен в приложении № 3.

В контексте нашего анализа, уместно будет упомянуть и о суждениях Фары Лоуренс, которая утверждает об уголовном процессе как ключевом показателе ситуации с правами человека в стране. Его применение, по ее мнению, отражает соблюдение (или несоблюдение) нескольких фундаментальных прав человека, закрепленных не только в Европейской конвенции о защите прав человека, но и во Всеобщей декларации прав человека (Статьи 10 и 11) и в ряде международных договоров, включая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, которые ратифицировали все республики Центральной Азии.

Также ею утверждается, что эволюция системы уголовно-процессуального права в Центральной Азии поэтому была под пристальным вниманием международного сообщества, особенно таких международных организаций, как ПРООН, УВКПЧ ООН, УНП ООН, ЮНИСЕФ, ЮНИФЕМ, Европейских и общеевропейских организаций, в числе которых ЕС ТАСИС, ОБСЕ, неправительственных организаций и фондов: АВА/СЕЕЛ, Freedom House, Human Rights Watch, Amnesty International, Конрада Аденауэра, Фридриха Эберта, Института открытого общества, Международной кризисной группы и т.д. Всякий раз, когда это было возможно, эти организации непрерывно оказывали содействие и поддержку и оценивали реформы в области уголовно-процессуального права в Центральной Азии с неодинаковым успехом.

В данном анализе, Фара Лоуренс высказывает свои соображения относительно уголовно-процессуальной реформы в странах Центральной Азии в контексте трех замечаний, которые процитируем дословно, так как они имеют научное и теоретико-методологическое значение в настоящем исследовании.

«Три замечания можно сделать на региональном уровне в отношении более активного участия этих международных организаций/фондов в уголовно-процессуальной реформе. Прежде всего, некоторые организации способствовали внедрению элементов англосаксонского/общего права в Центральной Азии с сильным акцентом на состязательную систему (равенство сторон, противоречия, сделки о признании вины, хабеас корпус и т.д.). Введение каждого отдельного элемента считалось успехом, о котором много говорили, при этом необязательно учитывая всю картину, например, в том, как он на самом деле вписывается в общую культурную, экономическую и социальную инфраструктуру и соответствует ли он условиям конкретной страны.

То же самое можно было бы написать о реформах, вдохновленных европейскими странами. Как будет обсуждаться позже (анализ отдельных реформ), некоторые из этих реформ могут иметь нежелательные последствия (например, сделки с правосудием без надлежащей правовой помощи или процессуальных гарантий могут создать двухскоростную систему уголовного правосудия) или легко уйти от своих первоначальных целей (например, наделение адвокатов важными прерогативами в ходе досудебного производства по уголовному процессуальному кодексу без предоставления им навыков или статуса, позволяющего им выполнять свою роль должным образом). При отсутствии реальной политической воли некоторые из принятых реформ не достигли намеченной цели.

Во-вторых, в третьей части цитируемого отчета будет рассматриваться реализация конкретных осязаемых реформ, таких как принятие новых законодательных актов. Следует, однако, иметь в виду важную роль правовой культуры, менталитет судебной системы, полиции и юристов, ответственных за исполнение законов. Международные эксперты и профессионалы часто замечают сильные расхождения между буквой закона и практическим его исполнением.

В-третьих, в силу тесных взаимосвязей между уголовно-процессуальным правом и защитой основных прав человека, уголовно-процессуальные реформы, как правило, весьма политически чувствительны.

В Центральной Азии различия между политическими противниками режима (например, борцами за права человека – «правозащитниками») и иностранными или местными сторонниками либерализации и совершенствования уголовно-процессуального права, к сожалению, не всегда были ясны. Таким образом, иностранные институты, которые наиболее активно оказывали техническую помощь для поддержки уголовно-процессуальных реформ в регионе, как правило, имели сложные отношения с органами государственной власти. Как новички в области правовых реформ в Центральной Азии, эксперты Европейского Союза должны учиться на опыте и ошибках других международных организаций/фондов до начала планирования и осуществления дальнейшей деятельности в рамках Платформы верховенства права Европейского Союза, чтобы найти баланс между реалистичными реформами и реформами, ориентированными на воздействие»¹.

---

¹ Алимбаев И., Лоуренс Ф., Осмоналиев К., Романов С. Уголовно-процессуальная реформа. С. 44-45.

Не последнее место занимают в исследовании и выводы автора. Таким образом, Фара Лоуренс правильно указывает на практические рекомендации экспертам по разработке общей правовой политики для стран Центральной Азии, а именно: 1. Принять целостный подход к реформам УПК: положительные реформы, на основе международного/европейского опыта могут легко отойти в сторону от своих первоначальных целей или не заработать как планировалось, если они несоответствуют социально-экономической обстановке и реалиям судебной системы в конкретной стране. Международный опыт следует учитывать, но при этом следует избегать бездумного копирования европейского законодательства. 2. Оказывать поддержку независимости судебной системы от исполнительной власти за счет дополнительной поддержки реформы, касающейся статуса и профессии судей (отбора, процедуры назначения и длительности срока службы, социальной защиты, иммунитетов и привилегий, дисциплинарных процедур). 3. Содействовать плавному и адекватному переходу к более состязательному процессу путем укрепления роли судьи и адвоката в ходе досудебного и судебного разбирательств¹.

Выводы эксперта весьма оригинальны и своевременны, требуют системного анализа и координации внимания, как ученых-теоретиков, так и практиков-руководителей. Усложнять или систематизировать все вышеизложенные позиции автора – вопрос риторический. Скорее всего, необходимо прислушаться к оптимальному и рациональному мышлению и готовится к своевременному процессу систематизации вышеупомянутых усилий, чтобы в дальнейшем не допускать пробелов и противоречий в сфере уголовного производства по материалам и конкретным делам.

Проанализированные проблемы и предложенные пути их решения являются своеобразным ориентиром в исправлении системных ошибок, которые были допущены при кодификации, а в последующем их исправление и использование достигнутых результатов при усилении стабильности отечественного уголовно-процессуального законодательства. Проведенный анализ еще раз засвидетельствовал тот факт, что процесс модернизации отечественного уголовного судопроизводства плавно прогрессирует. Качество и результаты зависят от правильного подхода и выбранной стратегии.

---

¹ Алимбаев И., Лоуренс Ф., Осмоналиев К., Романов С. Уголовно-процессуальная реформа. С. 61.

ГЛАВА 2

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК СТРАТЕГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ¹

Введение к главе.

В рамках 3-х Форумов по Верховенству закона в Таджикистане обсуждаются различные актуальные вопросы повседневной правоприменительной и праворазъяснительной деятельности органов государственной власти по утверждению инициаторов. Указанные Форумы являются своеобразной платформой, где представители государственных органов и различных институтов гражданского общества активно обсуждают вопросы, направленные на решение существующих проблем в области верховенства закона и доступа к правосудию. По результатам обсуждения различных вопросов, ежегодно разрабатываются рекомендации, которые оформляются в форме деклараций.

Исходя из обсуждения проблемных вопросов в рамках работы, и подведения соответствующих итогов в Декларации первого Форума были намечены ряд направлений, которые требовали своего разрешения. В частности:

- продолжить совершенствование процессуального порядка рассмотрения дел, и в целях обеспечения доступа всех групп населения к правосудию внедрить механизм оказания им бесплатной правовой помощи;

- уделить основное внимание вопросу правосудия в отношении несовершеннолетних, нацелить работу в направлении совершенствования законодательства, относящиеся к реабилитации несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом;

- для совершенствования системы административного процесса и административного права необходимо провести всесторонний

---

¹ Настоящая глава заметно доработана. Для сравнения см.: Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.). Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. С. 17-40.

анализ для приведения ее в соответствие с законодательством Таджикистана и существующей практикой;

- продолжить правовые меры для укрепления независимости судов, и предпринять меры для совершенствования исполнительного производства.

Исходя из актуальности и проблематичности, вышеуказанные вопросы активно прорабатываются в рамках различных мероприятий республиканского и международного уровня.

Вопросы уголовной политики, обсуждаемые в рамках последних 2-х Форумов, оказались точечными, своевременными и требующими своего должного рассмотрения. Не последнюю роль в данном процессе играют соображения и рекомендации участников Форумов.

Цитируя авторов-составителей основных направлений работы Второго Форума по Верховенству закона, необходимо отметить, что вторая группа должна была обсуждать различные вопросы гуманизации уголовного законодательства Республики Таджикистан. Так, как правильно определяют авторы-составители, гуманизация уголовного законодательства Таджикистана, включая вопросы назначения наказания и декриминализации ряда статей, являются самыми обсуждаемыми за последние годы. Было предпринято несколько существенных шагов в этом направлении. Действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан был принят в 1998 году, с тех пор в него были внесены множество изменений и дополнений. Принятие новой редакции Уголовного кодекса с целью обеспечения его в соответствии с принципами гуманизма и нормам международно-правовых актов, было предусмотрено еще Программой судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2011-2013 годы. В частности, предусматривалось рассмотреть сокращение соотношения сроков лишения свобод за одно деяние, пересмотра видов уголовных наказаний и декриминализации отдельных деяний, совершенствования принципов уголовного закона и уголовной ответственности, конкретизация и упрощения их содержания при применении. Например, некоторыми экспертами, предлагается

перевести и предусмотреть число деяний, которые наказываются в порядке уголовного судопроизводства и за которые сейчас в уголовном порядке назначается наказание, в качестве административной ответственности или же ответственность в порядке гражданского судопроизводства. Целью работы данной группы являлось обсуждение следующих вопросов: *По каким видам преступлений назрела необходимость пересмотра санкций с целью их смягчения? Какие виды преступления могут в настоящее время быть признаны проступками и перенесены из Уголовного кодекса в Кодекс об административных правонарушениях и другие нормативные правовые акты.*

Выбранные контексты Форумов и обсуждаемые вопросы в рамках работы в группах показали свои реальные результаты в форме публикаций докладов участников в отдельном сборнике. К примеру, во втором сборнике были отдельно проанализированы вопросы: «Гуманизм уголовного законодательства», «Гуманизация уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствии с уголовно-правовой политикой», «Вопросы совершенствования правил производства по уголовным делам в период независимости» и «Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики»¹.

Работа в рамках Третьего Форума в группе IV предусматривала обсуждение вопросов уголовной и уголовно-процессуальной политики Республики Таджикистан. В частности, на обсуждение выносились три основных блока вопросов:

---

¹ Саидвализода Б. Гуманизм уголовного законодательства // Второй национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан. Душанбе, 2017. С. 82-86; Бахриддинзода С.Э. Гуманизация уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствии с уголовно-правовой политикой // Второй национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан. Душанбе, 2017. С. 87-92; Рахматулов А.Э., Иноятова А.И. Вопросы совершенствования правил производства по уголовным делам в период независимости // Второй национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан. Душанбе, 2017. С. 172-178; Рогова Е.В., Юлдошев Р.Р. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики // Второй национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан. Душанбе, 2017. С. 202-233.

1. Гуманизация уголовного законодательства.
2. Ювенальная юстиция: уголовно-правовые аспекты.
3. Проблемы исполнения уголовных наказаний.

Как правильно определяют составители программы Третьего Форума, одним из важнейших элементов внутренней политики государства считается уголовная политика, занимающая заметное место в системе правовой политики страны. Уголовная политика (или политика борьбы с преступностью) представляет собой такое направление политики, в рамках которого формулируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер (правовых, экономических, методологических, социальных, медицинских, образовательных и др.), создания и применения правовых норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда нужно – декриминализацию и депенализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых мер – средств и форм противодействия преступности. Тщательно продуманная и разумно осуществляемая уголовная политика является необходимым условием эффективного функционирования экономической, идеологической и социальной политики государства.

В свете этого заслуживает внимания разработка подходов и внедрение так называемых примирительных и компенсационных средств деятельности уголовной юстиции, внедрение ювенальной юстиции, развитие деятельности мировых судей и других направлений «щадящего» правосудия. В этих целях концептуального осмысления требуют такие направления уголовной политики, как: а) гуманизация уголовного законодательства в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, социально нуждающихся лиц – беременных женщин или женщин имеющих несовершеннолетнего ребенка, несовершеннолетних и лиц, совершивших преступления в пре-

клонном возрасте; б) частичное замещение органов уголовной юстиции иными юридическими органами, не относящимися к данной категории; в) перенос центра тяжести с императивности уголовно-правовых норм и публичности обвинения к усилению диспозитивных начал уголовного судопроизводства и формы частного обвинения; г) ориентация уголовной политики на восстановление правопорядка – право жертвы преступления на доступ к механизмам правосудия и справедливое обращение, право на реституцию, на компенсацию со стороны государства (в случае, когда ее в полном объеме невозможно получить от правонарушителя). Право на социальную помощь, оказание необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи жертве преступления по различным каналам, что в своей массе формирует достаточно лояльную позицию населения к деятельности правоохранительных органов – субъектов уголовной политики; д) реальные достижения в области ресоциализации преступников – не допущения излишнего «клеймения» лиц преступивших закон, чтобы избежать формирования у них комплекса «преступной личности», «изгоя общества», которое достижимо путем вывода (на стадии досудебного расследования) из сферы применения уголовного законодательства лиц, совершивших не столь тяжкие преступления, применения к подавляющему большинству подсудимых, признанных виновными, наказаний не связанных с лишением свободы, или осуждения их к лишению свободы на продолжительные сроки, дифференцированность подхода к обращению с заключенными, осуществления широкой программы контроля и воспитания в отношении лиц условно-досрочно освобожденных из мест заключения и т.д.

Вышеизложенные проблемы и вопросы, требующие своего решения, поднимались в работе 3-х Форумов. Рекомендации независимых экспертов, представителей государственных органов и институтов гражданского общества после их тщательного обсуждения направлялись в оргкомитет с последующим включением в

итоговые документы форумов¹. Следует отметить, что не все рекомендации участников-экспертов включались в итоговые документы форумов.

По результатам исследования, нами предлагаются несколько рекомендаций, которые могут быть использованы в дальнейшей деятельности по совершенствованию уголовной политики.

1. Осуществлять ежегодный мониторинг Деклараций Форума на предмет их использования в законотворческой и правоприменительной деятельности.

2. Эффективность работы Форума зависит от закрепления отдельных блоков проблемных вопросов, проработанных в группе в итоговом документе Форума.

3. Все рекомендации участников Форума, которые проходят обсуждение и согласование в работе группах должны быть зафиксированы в Декларации Форума.

4. Необходимо создать рабочие группы по проработке вопросов, которые были предметами обсуждения в рамках работы отдельных групп Форума.

5. На официальном сайте определенного ведомства необходимо организовать платформу, где можно было бы обсуждать вопросы механизма реализации рекомендаций Форума.

Все соответствующие поправки в УК, УПК, КИУН Республики Таджикистан и другие отрасли законодательства должны быть согласованы между собой и внесены пакетным способом.

И в продолжение нашего исследования, хотели бы осветить современные тенденции преступности в Таджикистане. Анализ сведений о зарегистрированной преступности в Таджикистане свидетельствует о неоднозначных ее тенденциях. За последние 38 лет наблюдался то ее рост, то снижение.

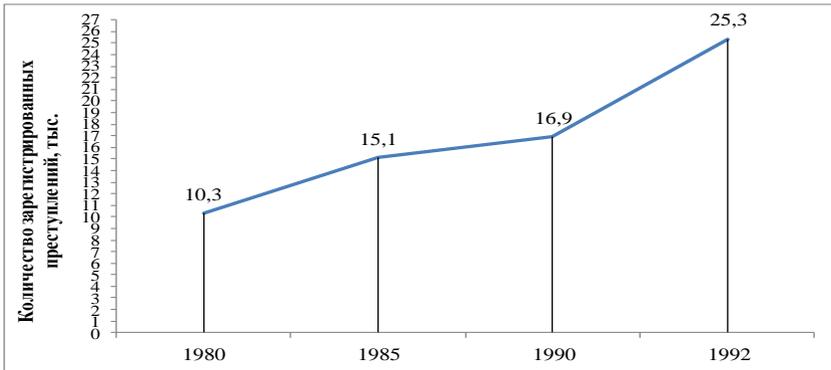
С 1980 года к 1992 году произошел ее резкий рост более, чем в два раза (график 1).

---

¹ Первый Национальный Форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2015 г.). Душанбе, 2016. 123 с.; Второй Национальный Форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2016 г.). Душанбе, 2017. 234 с.; Третий Национальный Форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2017 г.) // Жизнь и Закон, 2018. 192 с.

График 1

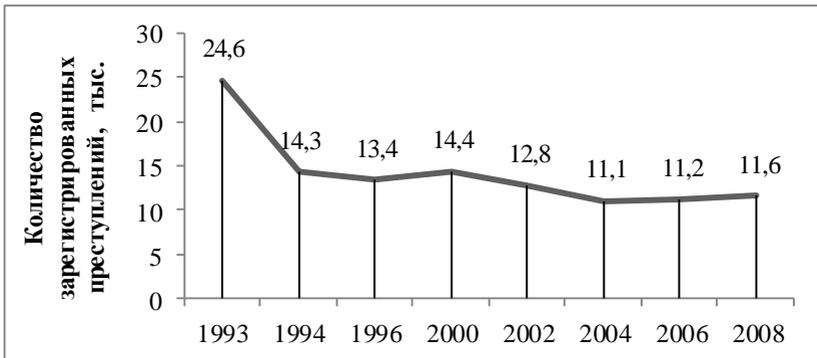
**Рост зарегистрированной преступности
в Таджикистане с 1980 г. по 1992 г. (в тыс.)**

Но начиная с 1993 г. по 2008 г. в Таджикистане зарегистрированная преступность резко снизилась в количественном аспекте (график 2).

График 2

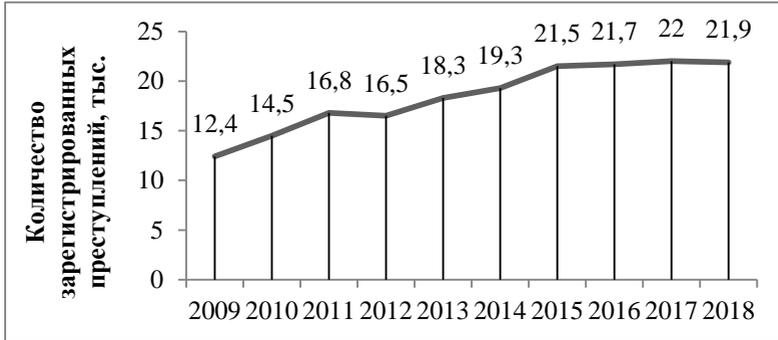
**Снижение зарегистрированной преступности
в Таджикистане с 1993 г. по 2008 г. (в тыс.)**

С 2009 г. по 2017 г. резко увеличилось количество зарегистрированных преступлений (график 3), однако в 2018 г. преступность снизилась примерно на 10 % в сравнении с аналогичными показателями прошлого года.

График 3

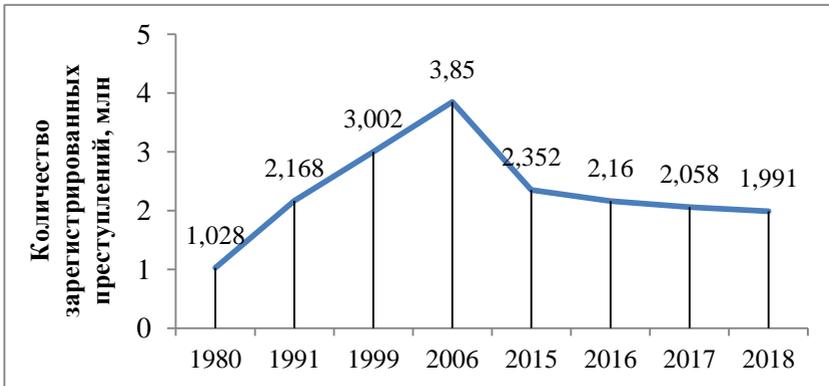
Рост и снижение зарегистрированной преступности с 2009 г. по 2018 г. (в тыс.)

Изложенные позиции о тенденциях роста и снижения преступности присутствуют и во многих других государствах СНГ. К примеру, в России на протяжении последних 26 лет сформировался тренд роста преступности в каждое последующее десятилетие, а последние 12 лет постепенное снижение (см. график 4).

График 4

Показатели преступности в России с 1980 г. по 2018 гг. (в млн.)

О недостоверности российской статистики о преступности и ее латентности свидетельствует сравнение количественных характеристик с данными о состоянии преступности в других странах¹.

Исходя из приведенных цифр и фактов, следует также проанализировать и раскрываемость ежегодно регистрируемых преступлений в Таджикистане; количество зарегистрированных и нераскрытых преступлений; количество расследованных уголовных дел; количество приостановленных уголовных дел; количество истечения сроков расследования по уголовным делам и общий процент раскрываемости преступлений (см. таблицы 1-5²).

Таблица 1

**ДИНАМИКА
зарегистрированных преступлений в Республике Таджикистан
за 1980-1990 гг.**

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Прирост к предыдущему году (%)
1980	10 380	-
1985	15 145	+1,45
1986	13 880	-0,91
1987	12 798	-0,92
1988	13 755	+1,07
1989	16 399	+1,19
1990	16 887	+1,02

¹ Подробнее об этом см.: Рогова Е.В., Юлдошев Р.Р. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики : монография. Душанбе: Издательство «Эр-граф», 2017. С. 16-18; Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.). Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. С. 43-49.

² Статданные таблиц №№ 2-4 доработаны и частично цитируются из диссертационного исследования Самиева Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 211-213.

Таблица 2

ДИНАМИКА
зарегистрированных преступлений в Республике Таджикистан
за 1991-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Прирост к предыдущему году (%)
1991	18 476	+1,09
1992	25 296	+1,36
1993	24 651	-0,97
1994	14 278	-0,57
1995	14 530	+1,01
1996	13 388	-0,92
1997	13 201	-0,98
1998	13 161	-0,99
1999	14 413	+1,09
2000	14 455	+1,00
2001	14 117	-0,97
2002	12 754	-0,91
2003	11 150	-0,87
2004	11 037	-0,98
2005	12 074	+1,09
2006	11 223	-0,92
2007	12 115	+1,07
2008	11 658	-0,96
2009	12 408	+1,06
2010	14 548	+1,17
2011	16 864	+1,15
2012	16 593	-0,98
2013	18 336	+1,10
2014	19 352	+1,05
2015	21 585	+1,11
2016	21 756	+1,00
2017	22 018	+1,01
2018	21 957	-0,99

Таблица 3

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
о зарегистрированных и нераскрытых преступлениях
по Республике Таджикистан за 1991-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Количество приостановленных уголовных дел п. 1-3 ч.1 ст. 230 УПК РТ	% раскрываемости
1	2	3	4
1991	18 476	6 387	63,3
1992	25 296	8 339	69,8
1993	24 651	13 408	76,4
1994	14 279	6 964	56,1
1995	14 530	5 778	61,4
1996	13 388	5 243	41,4
1997	13 201	5 524	47,7
1998	13 161	4 353	51,1
1999	14 413	4 716	59,0
2000	14 455	3 544	67,74
2001	14 117	3 167	69,29
2002	12 754	2 787	73,84
2003	11 150	1 778	79,00
2004	11 037	1 651	80,55
2005	12 074	1 523	82,26
2006	11 223	1 696	84,15
2007	12 115	1 563	85,38
2008	11 658	1 412	86,66
2009	12 408	1 399	87,52
2010	14 548	1 268	85,39
2011	16 864	1 485	90,00
2012	16 593	1 651	87,52
2013	18 336	1 857	86,88
2014	19 352	1 778	87,71
2015	21 585	1 735	88,48
2016	21 756	1 855	87,15
2017	22 018	2 440	83,4
2018	21 957	2 408	83,6

Таблица 4

**РАСКРЫВАЕМОСТЬ
ежегодно регистрируемых преступлений
в Республике Таджикистан**

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	% раскрываемости
1	2	3
1991	18 476	63,3
1992	25 296	69,8
1993	24 651	76,4
1994	14 279	56,1
1995	14 530	61,4
1996	13 388	41,4
1997	13 201	47,7
1998	13 161	51,1
1999	14 413	59,0
2000	14 455	67,74
2001	14 117	69,29
2002	12 754	73,84
2003	11 150	79,00
2004	11 037	80,55
2005	12 074	82,26
2006	11 223	84,15
2007	12 115	85,38
2008	11 658	86,66
2009	12 408	87,52
2010	14 548	85,39
2011	16 864	90,00
2012	16 593	87,52
2013	18 336	86,88
2014	19 352	87,71
2015	21 585	88,48
2016	21 756	87,15
2017	22 018	83,4
2018	21 957	83,6

Таблица 5

ОБЩИЙ МАССИВ
зарегистрированных преступлений в Республике Таджикистан
(по состоянию на 01 января каждого отчетного года)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Количество расследованных уголовных дел	Количество приостановленных уголовных дел п. 1-3 ч.1 ст. 230 УПК РТ	Истекли сроки расследования ¹	% раскрываемости
1991	18 476	11 012	6 387	-	63,3
1992	25 296	8 337	8 339	-	69,8
1993	24 651	8 767	13 408	-	76,4
1994	14 279	8 916	6 964	-	56,1
1995	14 530	9 182	5 778	-	61,4
1996	13 388	8 901	5 243	-	41,4
1997	13 201	9 389	5 524	4 771	47,7
1998	13 161	8 975	4 353	4 243	51,1
1999	14 413	10 438	4 716	2 546	59,0
2000	14 455	11 190	3 544	1 786	67,74
2001	14 117	11 356	3 167	1 865	69,29
2002	12 754	10 877	2 787	1 066	73,84
2003	11 150	9 590	1 778	771	79,00
2004	11 037	9 349	1 651	606	80,55
2005	12 074	10 138	1 523	664	82,26
2006	11 223	10 133	1 696	212	84,15
2007	12 115	10 377	1 563	214	85,38
2008	11 658	10 240	1 412	164	86,66
2009	12 408	11 077	1 399	181	87,52
2010	14 548	11 178	1 268	644	85,39
2011	16 864	16 439	1 485	342	90,00
2012	16 593	14 875	1 651	471	87,52
2013	18 336	15 823	1 857	533	86,88
2014	19 352	17 498	1 778	674	87,71
2015	21 585	19 118	1 735	755	88,48
2016	21 756	19 670	1 855	1 045	87,15
2017	22 018	19 025	2 440	1 349	83,4
2018	21 957	19 126	2 408	1 341	83,6

¹ Здесь необходимо отметить, что в настоящее время в базе данных МВД Таджикистана отсутствуют статданные за 1991-1996 и 1997 гг., которые специально помечены знаком « - » в соответствующем разделе таблицы.

В последние отчетные периоды (2001-2016 гг.) наметилась перманентная тенденция к росту преступности примерно на 9-11 %¹. Несмотря на рост и снижение отдельных видов показателей преступности, различные вариации учетно-регистрационной дисциплины в Таджикистане оставляют желать только лучшего.

Начиная с 2010 года на основании Постановления Правительства Республики Таджикистан от 22 декабря 2009 г. № 676 утвержден «Порядок ведения единого учета, регистрации преступлений и лиц их совершивших», в связи с чем, начиная с 2010 года в республике ведется единый учет преступлений, субъектами регистрации, которого являются: МВД; Генеральная прокуратура; ГКНБ; Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией; Агентство по контролю за наркотиками при Президенте; Таможенная служба; ГУ-ИН Министерства юстиции; Главная военная прокуратура и судебные органы.

Повышение раскрываемости преступлений в Таджикистане свидетельствует, прежде всего, о несовершенстве системы регистрации учета и регистрации преступлений, которое сводит на нет все разрабатываемые и внедряемые концепции, стратегии и программы в сфере уголовно-правовой и уголовной политики в целом.

Надеемся, что разработанный и внедряемый в контексте реформы милиции проект «Электронная книга учета преступлений», наведет соответствующий порядок².

---

¹ Бахридинзода С.Э. О введении криминологической экспертизы в Республике Таджикистан : мнение и перспективы // Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И.Т. Душанбе: «Визави», 2016. С. 23.

² Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.). Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. С. 104-114.

2.1. Уголовно-правовая политика Республики Таджикистан

Современный этап становления и развития уголовной политики Республики Таджикистан непосредственно связан с принятием действующих УК, УПК и КИУН Республики Таджикистан, которые во многом предопределили попытку кардинальным образом провести реформу в указанных областях. Предпринимаемые шаги инициаторов-реформаторов побудили авторов данных строк еще раз переосмыслить «движущую силу» – направление планируемых системных изменений в контексте формирования отечественной уголовной политики.

Отрадно отметить, что в рамках формирования консистенции уголовной политики сделано многое, приняты необходимые документы, но также присутствует ряд тенденций, которые требуют более детального обсуждения в рамках определения будущих перспектив, идей и замыслов инициаторов-разработчиков.

Так, Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. точно указывает, что в эпоху современности уголовное законодательство выступает в качестве одного из наиболее важных средств регулирования общественных отношений, защищает интересы личности, общества и государства от преступных посягательств. Глобализация, появление новых форм преступности, таких, как терроризм, экстремизм, коррупция, незаконный оборот наркотических средств, и киберпреступности, требуют от государства периодически совершенствовать уголовное законодательство.

Если взглянуть в современный этап истории уголовного законодательства, то впервые в соответствии с распоряжением Президента страны Э. Рахмона была создана рабочая группа из числа ученых и практических сотрудников для разработки проекта Уголовного кодекса. Был установлен срок подготовки проекта с 20 августа по 20 октября 1995 г., а потом этот срок был продлен до 20 декабря 1995 г. Из-за отсутствия опыта законотворческой работы у членов созданной группы проект Кодекса был подготовлен только в мае 1997 г., и от имени Президента Республики Таджикистан был представлен для дачи заключения и принятия в Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

Текст проекта кодекса обсуждался во всех юридических вузах, учреждениях и правоохранительных органах специалистами. Профессором М.М. Муллаевым был разработан альтернативный проект Уголовного кодекса, и в связи с совпадением концептуальных идей, пре-

дусмотренных обоими проектами, было принято решение о создании согласованного проекта Уголовного кодекса.

Во время разработки и первичной стадии обсуждения данного проекта рабочая группа организовала несколько встреч с депутатами, сотрудниками правоохранительных органов, преподавателями и студентами высших учебных заведений страны по вопросу усовершенствования кодекса. В ходе встреч поступило много предложений, большинство из которых было учтено. Например, со стороны депутатов поступило более 50 таких предложений, которые были учтены в проекте кодекса; со стороны Министерства внутренних дел, прокуратуры и судебных органов было сделано около 100 предложений. Много предложений сделали также ученые-правоведы. В общем плане было предложено около 200 изменений¹.

Разработчики проекта Уголовного кодекса сделали многое, чтобы в кодексе использовались самые передовые идеи и взгляды, выработанные в теории и практике советского и постсоветского уголовного права. Сохранена преемственность традиций, сложившихся в советской и национальной школах уголовного права, как, например, сохранение традиционного для советского уголовного права разделения Уголовного кодекса на Общую и Особенную части, материальное определение права и т.д. Сравнительный анализ Уголовного кодекса Таджикской ССР 1961 г. и Уголовного кодекса 1998 г. показывает, что разработчики нового кодекса не старались обновить каждую норму кодекса, поскольку эти нормы соответствовали новым общественным отношениям и современному этапу развития нашего общества.

Разработчики достаточно широко использовали практику законотворческой деятельности других зарубежных государств. В частности при конструировании институтов преступления и наказания в проекте Уголовного кодекса Республики Таджикистан разработчиками широко были использованы прогрессивные идеи, заложенные в Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ, уголовные кодексы некоторых государств СНГ, особенно Российской Федерации. Также были учтены идеи, содержащиеся в уголовных кодексах Франции, США, Германии, Кубы, Италии, Японии и некоторых других стран.

---

¹ Азизов У.А. Развитие уголовного законодательства Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 60-66.

21-22 мая 1998 г. состоялась девятая сессия Маджлиси Оли Республики Таджикистан первого созыва, на которой депутаты Маджлиси Оли обсудили проект Уголовного кодекса Республики Таджикистан и в соответствии с постановлением Маджлиси намояндагон Республики Таджикистан 21 мая 1998 г. был принят Закон Республики Таджикистан «О принятии Уголовного кодекса Республики Таджикистан». В соответствии с этим законом утратил силу прежний Уголовный кодекс и все другие нормативно-правовые акты, которыми в нем в период его действия были внесены изменения и дополнения. Устанавливалось, что кодекс будет введен в действие с 1 сентября 1998 г. и все другие нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, связанные с преступлениями и наказаниями, подлежат приведению их в соответствие с принятым Уголовным кодексом Республики Таджикистан.

Рассматриваемый уголовный закон также, в отличие от предыдущих аналогичных законов, более расширенно и полно обеспечивает правовое регулирование общественных отношений нормами институтов преступления и наказания, т.е. отношений, связанных с совершением преступлений и применением к ним наказаний. Это свидетельствует о достаточной полноте нормативного материала в системе его расположения, в структуре и архитектонике самого кодекса¹.

Следует напомнить, что в Таджикистане продолжается судебно-правовая реформа, приняты четыре программы. Протяженность их действия исчисляется началом 2007 г. и концом 2021 гг. Указанными документами законодатель не ограничился, а поэтапно стал разрабатывать и принимать другие нормативные правовые акты, которые стали «постулатом» в оптимизации государственной уголовной политики.

Анализ промежуточных и итоговых результатов реформ², их реальное воплощение и хаотичное направление в совершенствовании уголовной политики со всеми ее вытекающими последствиями,

---

¹ Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана : историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 332-335, 338.

² Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. Душанбе, 2013. 85 с.; Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. 124 с.

свидетельствуют о неточном прогнозировании взаимообусловленности и взаимосвязанности принимающих документов и их последующей реализации. Авторы считают необходимым еще раз подчеркнуть, что одной из целей реформирования системы уголовной юстиции в целом и судебной реформы в частности должно стать *обеспечение доступа граждан к правосудию и его эффективное функционирование через создание условий объективности уголовно-статистической информации*, однако ни одна из принятых Программ такой цели перед собой не ставила.

Совершенно по-другому подошли к решению этой проблемы авторы-разработчики Стратегии реформы милиции Таджикистана на 2013-2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года за № 1438.

Разработчики отмечают, что «изменения, вносимые в работу судов, и других правоохранительных органов, с неизбежностью повлияют на характер деятельности других частей этой системы, в том числе и на работу органов внутренних дел и, прежде всего, милиции. Но существующая практика работы этих структур может ограничить позитивный эффект от судебно-правовой реформы. По этой причине судебно-правовая реформа должна также сопровождаться реформированием и развитием милиции Таджикистана, а также других элементов правоохранительной системы¹».

Поэтому, на их взгляд, «реформа милиции должна стать первым шагом, который будет дополнен и усовершенствован соразмерными изменениями в работе других правоохранительных и судебных органов».

По мнению разработчиков Стратегии, фокус профилактической работы по предупреждению преступлений и правонарушений должен быть смещен в сторону повышения уровня защиты и восстановления прав лиц, пострадавших от преступных посягательств. Первоочередность задачи защиты прав лиц, пострадавших от преступлений, предполагает усиление работы по обеспечению безопасности потерпевших и их близких в случае возникновения угроз, создание условий, располагающих потерпевших к сотрудничеству с

---

¹ Указ Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. за № 1438 «О Стратегии реформы милиции на 2013-2020 годы» // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

правоохранительными органами, а также обеспечение реализации процессуальных прав потерпевших и их эффективного участия в юридических процедурах. Как и в случае с профилактикой правонарушений и преступлений, эта цель должна найти адекватное отражение в системе оценки работы милиции, в организационной структуре, а также в методах работы милиции.

Кроме того, Стратегия предполагает повышение уровня процессуальной роли жертв преступлений, гарантий возмещения вреда потерпевшим от преступлений, усиление правовой и социальной защиты участников уголовного процесса. Авторы считают необходимым законодательно закрепить права жертвы преступления на возмещение ущерба и на помощь со стороны государства (компенсацию).

В целом, Стратегия подчеркивает взаимозависимость реформирования милиции, уголовной юстиции, административной реформы, реформы органов государственной власти и органов местного самоуправления: реформирование милиции, по мнению авторов, должно происходить в рамках коррекции уголовной политики государства, встроенной в процессе административной и судебно-правовой реформы, а также учитывать особенности текущего состояния экономики, государственного управления, развития гражданского общества и пр.

Далее была принята Концепция уголовно-правовой политики Таджикистана¹ (далее – Концепция), которая состоит из: 1) Общих положений; 2) Целей и задач уголовно-правовой политики; 3) Основных направлений уголовно-правовой политики; 4) Обеспечения условий эффективности уголовно-правовой политики; 5) Эффективности уголовно-правовой политики Республики Таджикистан; 6) Условий и предпосылок изменения уголовного законодательства и 7) Сроков реализации Концепции.

Если учитывать сроки реализации Концепции, то на первом этапе (2014-2017 гг.) необходимо создание организационных, информационных и научно-методических предпосылок для совер-

---

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 02 ноября 2013 г. за № 492 «Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан» // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 15.01.2018 г.).

шенствования уголовного законодательства Республики Таджикистан и практики его применения, а на втором этапе (2018-2020 гг.) будут продолжаться реализовываться основные направления совершенствования уголовного законодательства.

По утверждению разработчиков Концепции, она является основой для разработки перспективных и ежегодных планов законопроектной деятельности Правительства Республики Таджикистан в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства, проектов нормативных правовых актов в области совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, а также основой для оценки и последующей корректировки уголовно-правовой политики (Раздел 1.5 Концепции).

Другим положительным моментом является научно-методическое обеспечение эффективности уголовно-правовой политики, которое предполагает ее надлежащее доктринальное сопровождение на всех этапах законотворчества. Далее указывается, что приоритетными направлениями научных исследований в области уголовно-правовой политики являются: мониторинг уголовного законодательства Республики Таджикистан и практики его применения; прогнозирование и уголовно-правовое и криминологическое моделирование; изучение причин и обстоятельств совершения преступления с криминологической обусловленности и эффективности уголовного законодательства; анализ системы и практики реализации мер уголовно-правового характера и иных правовых последствий совершения преступления; разработка эффективных методик криминологической, антикоррупционной, правовой, лингвистической и иных экспертиз уголовного законодательства; использование сравнительного правоведения в сфере уголовного права (Раздел 4.23 Концепции). Частично изложенные утверждения раскрывают своевременность принятия данного документа, что в общем свидетельствует о качественном и количественном уровне ее подготовки авторским коллективом.

К отдельным общим недостаткам анализируемой Концепции следует отнести нелогичное изложение некоторых идей и рекомендаций, частые повторы в тексте, и т.д. Например, одной из целей уголовно-правовой политики государства указано достижение «ка-

чественного улучшения реального состояния преступности¹». К сожалению, из этих целей вообще выпала *задача создания условий построения объективной системы выявления, регистрации, учета и оценки преступлений*.

Основой данного анализа являются следующие компоненты Концепции, а именно: осуществление уголовно-правовой политики государства как политика предупреждения преступности, которая осуществляется совместно с уголовным правом, криминологией, уголовным процессом и исполнением уголовного наказания (Раздел 3.14 Концепции). Следует полагать, что именно в данном положении и закрепляются основы для полного реформирования уголовной политики Таджикистана. Утверждения авторов Концепции наводит на мысль, что они разработали данный документ в целях полного воплощения идей второй Программы судебно-правовых реформ (2011-2013 гг.), которая предусматривала принятие Уголовного кодекса в новой редакции. По завершении данной программы и в указанные сроки, уголовный закон не был подготовлен и в этой связи своевременно была принята Концепция, чтобы продолжить работу по общему реформированию уголовной политики.

Также в Концепции дополнительно утверждается, что развитие уголовно-правовой политики связано с комплексной взаимосвязанностью реформ уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права, а также и правоприменения, и является основным звеном правовой политики государства. В связи с этим, уголовно-правовая политика предусматривает совместное совершенствование уголовного законодательства, исполнения наказания и уголовного процесса (Раздел 3.15 Концепции). Данные подразделы охватывают почти все основные ветви уголовной политики, но в официальном тексте документа их содержание вообще не определяется. В основном это поверхностное указание на эти сферы. Проанализированный контекст документа свидетельствует о том, что требуется эффективная и равномерная реализация всех направлений уголовной политики. И хотя у нас могут появиться оппоненты, указывающие на целевое содержание критикуемого документа, раскрывающего основы *уголовно-правовой политики*, а

---

¹ Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj/ru/Government-programs/concept/jinoyat> (дата обращения: 15.01.2018 г.).

не *уголовной политики* государства. Не вдаваясь в содержание различных аспектов уголовной политики, мы констатируем лишь те факты, которые характеризуют отсутствие системности и стабильности в отраслевом законодательстве, приводящее к его неправильному осмыслению и применению.

По утверждению У.А. Азизова, принятие Уголовного кодекса в независимом Таджикистане положило начало реформе уголовного законодательства, для реального осуществления которой необходимо решить еще много проблем. Поэтому на основе распоряжения Председателя Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан от 13 сентября 2011 г. за № 23.4/97 была создана рабочая группа по разработке проекта нового Уголовного кодекса, поскольку действующий кодекс, несмотря на внесенные многочисленные изменения и дополнения, уже не соответствует современным потребностям противостояния преступности и его современным реалиям. В данное время первый вариант проекта Кодекса членами группы подготовлен и находится на стадии первичной переработки и обсуждения специалистов¹.

В рамках исполнения вышеуказанных пунктов, идей и рекомендаций процитированных документов в сфере уголовной политики, распоряжением Президента Республики Таджикистан от 13 мая 2013 г. была сформирована рабочая группа по разработке новой редакции Уголовного кодекса. По предварительным данным, проект Уголовного кодекса в новой редакции после согласования с министерствами и ведомствами страны находится на завершающей стадии доработки со стороны рабочей группы². Исходя из утверждений авторов мониторинга, следует отметить, что их доводы не оправдались и работа заметно переходит на другой этап своего продолжения.

В связи с объективными причинами работа по согласованию и окончательной доработке затянулась и вновь распоряжением Президента Республики Таджикистан от 26 февраля 2016 г. за № АП-684 была сформирована новая рабочая группа, которая планирует завершить работу над текстом Уголовного кодекса в новой редак-

---

¹ Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана : историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 353-354.

² Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. С. 73.

ции. По неофициальным данным – это был конец 2016 года. В таком положении, дело остается за окончательными итогами процесса согласования, публичного обсуждения и соответствующим решением законодателя.

Принятие в новой редакции уголовного закона, независимо от его структурного и формального содержания, придаст заметный «оттенок» другим направлениям уголовной политики государства. Качественный подход и профессионализм составителей должны сыграть ключевую роль в оптимизации государственной уголовной политики.

В общем, процесс формирования современной отечественной уголовной политики и исходящих от нее результатов зависит от тех тенденций, которые диктуются преобразованиями социально-экономических процессов в стране. Эти процессы, в свою очередь, активно довлеют над количественной характеристикой преступности в целом.

Также необходимо отметить, что Концепция уголовно-правовой политики скопировала раздел 20.57 Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан. В данном разделе указывается, что в целях дальнейшей гуманизации уголовного законодательства республики целесообразно принять уголовный кодекс в новой редакции с учетом в ней следующих задач: приведение в соответствии с требованиями международных актов признанных Таджикистаном Уголовный кодекс, в частности с Конвенцией ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью и борьбы с коррупцией; исключить из Уголовного кодекса вопросы повторности преступлений; усилить уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений; декриминализация отдельных преступлений и установление штрафов для экономических преступлений; проанализировать рецидив преступлений как связующий признак; смягчение наказания для некоторых категорий граждан, в частности для несовершеннолетних; исключение ограничения свободы как вид наказания из Уголовного кодекса и внести вместо нее другой вид наказания, не связанный с лишением свободы. Цитируемые тенденции, по-видимому, и будут превалировать при окончательном определении основных векторов формирования современной отече-

ственной уголовной политики в контексте тенденций регионального и республиканского уровней.

В этом направлении необходимо отметить, что на основании пункта 26 Концепции уголовно-правовой политики была разработана и утверждена Методика оценки показателей эффективности уголовно-правовой политики Республики Таджикистан¹, которая устанавливает основы оценки показателей эффективности уголовно-правовой политики.

На основании анализируемого документа предметом оценки является анализ и подведение итогов деятельности правоохранительных и судебных органов в сфере применения уголовно-правовой политики Республики Таджикистан. Далее указывается, что Генеральная прокуратура Республики Таджикистан в согласовании с другими правоохранительными и судебными органами, в установленном порядке представляет Правительству Республики Таджикистан предложения по совершенствованию оценки показателей эффективности уголовно-правовой политики.

В соответствии с целями данного документа задачами оценки показателей эффективности уголовно-правовой политики являются:

- с учетом определенных требований и правовой стабильности недопущении к расширительному толкованию состава преступления;
- реальное обеспечение адекватности уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности;
- полного соответствия уголовного законодательства и практики его применения Конституции Республики Таджикистан и международно-правовым актам в области защиты прав человека и общественной безопасности;
- развитие основ и механизмов гармонизации и унификации уголовного законодательства в рамках международного сотрудничества Республики Таджикистан;

---

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2018 г. за № 97 «О методике оценки показателей эффективности уголовно-правовой политики Республики Таджикистан» // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

- обеспечение надежной гарантии неизблемости права государства на применение мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления, и гарантии безопасности уголовно-правового суверенитета государства от внешних и внутренних угроз;

- гарантирование прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, обеспечение их безопасности, создание условий для максимально полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливого суда и компенсации причиненного преступлением вреда;

- модернизация системы уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социально-реинтеграционных и превентивных задач;

- достижение качественного улучшения реального состояния преступности, в том числе снижения объема и уровня общественной опасности отдельных ее видов: рецидивной, организованной, корыстной, коррупционной, насильственной преступности, терроризма, экстремизма и преступности среди несовершеннолетних.

Как указывают авторы-разработчики, показатели эффективности уголовно-правовой политики оцениваются на основе следующего комплекса данных:

- анализа состояния преступности (соотношение состояния преступности, установленного на основании регулярных виктимологических опросов, с данными правоохранительных органов о количестве зарегистрированных и расследованных преступлений);

- опросов общественного мнения и экспертных оценок определения качества работы правоохранительных органов в части своевременного, обоснованного и результативного реагирования на угрозы криминологической безопасности;

- обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел;

- соотношения масштабов причиненного преступлением вреда с сопоставимыми данными о компенсационных и иных выплатах потерпевшим от преступлений;

- анализа данных социологических опросов в сфере криминологической безопасности, а равно эффективности и достаточности мер уголовно-правового реагирования на криминальные угрозы.

Эффективность уголовно-правовой политики Республики Таджикистан обеспечивается с учетом внедрения комплексного подхода к реализации уголовно-правовой политики и надлежащего нормативного, кадрового, информационного, финансового и иного ресурсного обеспечения. Надлежащая координация и программно-целевая организация работы системы органов, реализующих основные направления уголовно-правовой политики, охватывают организационное обеспечение этой политики.

Совершенствование организационных основ уголовно-правовой политики требует усиления сотрудничества между органами государственной власти, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием уголовного и иного законодательства по противодействию преступности. В связи с этим, в рамках данного сотрудничества необходима разработка предложений по совершенствованию основных направлений уголовно-правовой политики, проведение экспертизы проектов законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан и проектов других нормативных правовых актов в сфере уголовного законодательства, проведение анализа практики применения Уголовного кодекса Республики Таджикистан и разработка предложений о внесении в него необходимых изменений, а также представление пакета предложений по разработке проектов законов и других нормативных правовых актов в сфере уголовного законодательства.

Эффективность уголовно-правовой политики на почве оптимизации системы формирования, анализа, публичного представления и оценки данных о результатах реализации уголовно-правовой политики и перспективах ее развития зависит от информационного обеспечения. В результате усовершенствуется система сбора и анализа статистической информации о состоянии прак-

тики применения уголовного законодательства правоохранительными органами и судами Республики Таджикистан.

Целесообразны организация и проведение на регулярной основе вневедомственных общереспубликанских и региональных виктимологических и иных социологических опросов населения о качестве реализации уголовно-правовой политики, и на этой почве формирование базы данных о состоянии преступности и криминологической безопасности в стране, проведение прогнозных исследований, полный доступ граждан к информации о состоянии преступности в стране и в рамках международного сотрудничества регулярный обмен информацией о перспективных и эффективных моделях уголовно-правового регулирования. Эффективность уголовно-правовой политики также зависит от ее научно-методического обеспечения. Осуществлению этой задачи способствуют приоритетные направления научных исследований, предусмотренных в Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан.

В итоговой части документа указывается, что мониторинг показателей эффективности уголовно-правовой политики осуществляется Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан, которая ежегодно составляет доклад о реализации уголовно-правовой политики в Республики Таджикистан и представляет его Президенту Республики Таджикистан. Оценка показателей, эффективности уголовно-правовой политики заканчивается разработкой соответствующего отчета. Отчет об оценке показателей эффективности уголовно-правовой политики должен охватывать заключения, связанные с оценкой и рекомендациями об улучшении эффективности уголовно-правовой политики.

Содержательная часть отчета, как нам кажется, станет свидетельством реального положения уголовно-правовой политики, которая укажет на векторы дальнейших совместных скоординированных действий. Сам факт принятия Методики оценки эффективности уголовно-правовой политики говорит о важности этой сферы жизнедеятельности нашего общества.

Следует особо подчеркнуть, что в Плане мероприятий на 2018-2019 по реализации Концепции правовой политики Республики Тад-

Таджикистан на 2018-2028 гг.¹ указано на изучение и представление предложений по приведению норм уголовного законодательства в соответствие с международно-правовыми актами, признанными Таджикистаном (пункт 3) представлена отдельным блоком, где исполнителями выступают Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции и Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. Там же отдельно указывается на укрепление противодействия международному терроризму, экстремизму, сепаратизму, транснациональной организованной преступности и т.д. (пункт 29). Исполнителями данного пункта являются: Министерство внутренних дел; Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Генеральная прокуратура, Государственный комитет национальной безопасности, Верховный Суд и Комитет по делам религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан.

В контексте исследования, считаем необходимым проиллюстрировать количество внесенных изменений и дополнений в действующий УК Республики Таджикистан в рамках двух таблиц.

Таблица № 1

**Внесение изменений и дополнений в Уголовный кодекс
Республики Таджикистан
с 1998 по 2008 гг.**

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)									
Год	1998	1999	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2008
Количество законов	1	1	2	2	2	2	3	1	6
Количество изм. и доп.	1	5	2	2	7	311	19	5	25
В % соотношении	0,01	0,05	0,04	0,04	0,14	6,22	0,57	0,05	1,5
Всего	20 (8,62 %)								

¹ Утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 31 августа 2018 г. № 450 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

Таблица № 2

**Внесение изменений и дополнений в Уголовный кодекс
Республики Таджикистан
с 2009 по 2018 гг.**

Количество законов, которыми вносились изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Таджикистан (по годам, в количественном и процентном соотношении)										
Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество во законах	2	2	2	2	4	3	4	7	3	4
Количество во изм. и доп.	4	56	6	9	22	12	9	43	7	22
В % соотношении	0,08	1,12	0,12	0,18	0,88	0,36	0,36	3,01	0,21	0,88
Всего	33 (6,84 %)									

В общем 53 законами Республики Таджикистан в текст УК Республики Таджикистан было внесено порядка 567 изменений и дополнений. В процентном соотношении вышеуказанные правки составляют порядка 15,46 %.

Следует отметить, что в 2000 и 2006 гг. в УК Республики Таджикистан не вносились изменения и дополнения. Масштабные правки были в 2004 г. – 2 законами 311 правок (6,22 %), в 2010 г. – 2 законами 56 правок (1,12 %), и в 2016 г. – 7 законами 43 правок (0,21 %). Интенсивность правок и их количество по всем параметрам показывает, что второе десятилетие действия УК Республики Таджикистан по сравнению с первой проходил в режиме конкретной доработки текста, как в количественном, так и в процентном соотношении. Этой активной правотворческой деятельности поспособствовали ряд объективных факторов, во-первых, активизация транснациональной организованной формы преступности в регионе в целом, и во-вторых – дифференциация уголовной ответственности в сторону криминализации ряда деяний и усиления санкций определенных норм.

Как мы видим, дисбаланс определенных тенденций негативно сказывается на стабильности уголовно-правовой политики.

Заслуживают приведения в контексте нашего анализа некоторые цитаты из выступления в работе международной конференции, организованной юридическим факультетом Российско-Таджикского (славянского) университета¹ доктора юридических наук Сергея Александровича Маркунцова², посвященной сравнительной характеристике новеллизации УК Российской Федерации и УК Республики Таджикистан.

Изменения и дополнения в УК Российской Федерации, по утверждению С.А. Маркунцова, были внесены 198 федеральными законами, тогда как в УК Республики Таджикистан внесены 51 законом (от вышеприведенных нами данных эти данные чуть отличаются, и по видимому разница ощущается в использовании базы данных, где приведены более точные цифры).

Далее уважаемый С.А. Маркунцов отмечает, что количество законов, которыми вносились изменения в УК Российской Федерации (по годам) начиная с 1998–2011 гг. – 108 (55 %), а с 2012 по 2016 гг. 89 (45 %), тогда как количество законов, которыми вносились изменения в УК Республики Таджикистан (по годам) начиная с 1998–2013 гг. – 30 (59 %), а с 2014 по 2018 гг. 21 (41 %) соответственно.

С 1997 по 2016 гг. в Особенную часть УК Российской Федерации включены **99 новых статей**, а именно: **9 (17%)** статей в раздел **VII**; **31 (66%)** статья в раздел **VIII**; **36 (51,5%)** статьи в раздел **IX**; **21 (37,5%)** статья в раздел **X** и **2 (25%)** статьи в раздел **XII**.

С 1998 по 2018 гг. в Особенную часть УК Республики Таджикистан включены **46 новых статей**: **8 (11%)** статей в раздел **VII**; **25 (36%)** статей в разделы **VIII, IX, X, XII**; **3 (5,5%)** статьи в раздел **XI**; **9 (15%)** статей в раздел **XIII** и **1 (9%)** статью в раздел **XV**.

С 1997 по 2016 гг. из Особенной части УК Российской Федерации исключены **10 статей**: **3 статьи** из раздела **VII**; **5 статей** из раздела **VIII**; **1 статья** из раздела **IX** и **1 статья** из раздела **X**.

---

¹ Маркунцов, С.А. Сравнительная характеристика масштабов новеллизации УК Российской Федерации и УК Республики Таджикистан (к 20-летию вступления в силу последнего из них). Увы, но доклад С.А. Маркунцова не был опубликован в сборнике конференции.

² Профессор Департамента дисциплин публичного права, заместитель декана факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

С 1998 по 2018 гг. из Особенной части УК Республики Таджикистан исключены **7 статей**: **2 статьи** из раздела **VII**; **2 статьи** из раздела **XI**; **1 статья** из раздела **XIII** и **2 статьи** из раздела **XIV** соответственно.

Особенная часть УК Российской Федерации за двадцать лет дополнилась 99 новыми статьями (т.е. примерно на 39%), а Особенная часть УК Республики Таджикистан за двадцать лет дополнилась 46 новыми статьями (т.е. примерно на 15%).

Резюмируя приведенные данные, свидетельствующие об актуальности дальнейшего изучения и перспектив развития порядка внесения изменений и дополнений в отраслевые законы, которые требуют пристального внимания и концентрации всех возможностей.

Анализируя многие аспекты выступления С.А. Маркунцова, необходимо отметить, что столь детального анализа за 20-лет действия УК Республики Таджикистан никто в республике не проводил. Эти моменты обуславливают углубленно проводить научные исследования в области уголовно-правовой политики.

2.2. Уголовно-процессуальная политика Республики Таджикистан

Современный этап эволюции уголовно-процессуальной политики Таджикистана, непосредственно связан с принятием действующего УПК Республики Таджикистан, который во многом предопределил состязательный уголовный процесс взамен постсоветского типа закона. Разработка, принятие и введение в действие масштабного уголовно-процессуального законодательства вызвало шквал комментариев, как отечественных, так и международных экспертов¹.

Не вдаваясь в название и раскрытие дефиниции «уголовно-процессуальная политика», авторами ставится задача в максимально тезисном варианте определить основные направления исследования и предложить авторское видение.

Основой для принятия нового УПК Республики Таджикистан послужило принятие Программы судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2007-2011 гг. В соответствии с этим документом в тексте УПК Республики Таджикистан должны были предусмотреть: а) обеспечение равенства прав участников судебного разбирательства на всех судебных инстанциях; в) предоставить сторонам право ознакомления с материалами прекращенного дела либо отказного материала; г) не считать признание вины в ходе следствия либо суда в качестве доказательства, подтверждающего виновность; д) расширить права сторон в части собирания и приобщения доказательств; е) возложить на органы дознания только проведение на начальном этапе безотлагательных действий, ограниченные временем; ё) принять эффективные меры защиты в от-

---

¹ Азизов Ш. В Таджикистане принимают новый уголовно-процессуальный кодекс // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 19.10.2009 г.); В Душанбе обсудят вопросы по усовершенствованию УПК Республики Таджикистан // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 28.02.2012 г.); Ковалёв Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Общественный Фонд «Nota Bene» Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека [Электронный ресурс]: URL: <http://www.notabene.tj> (дата обращения: 15.05.2015 г.); Хамрабаева Н. Исследование: 85% респондентов не имели доступа к обсуждению проекта УПК // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 30.03.2012 г.).

ношении лиц, содействующих органам предварительного следствия и суда.

С такими требованиями и с их минимальным учетом при дальнейшей разработке был принят новый УПК Республики Таджикистан, а достижения и недостатки частично подвергаются анализу со стороны отечественных ученых и практиков¹. Следует указать, что вышеуказанные цели (идеи) частично нашли свое реальное воплощение в тексте уголовно-процессуального закона. Безусловно, это прогресс отечественного уголовно-процессуального законодательства, направленный на поддержание идеи об истинном состязательном уголовном процессе. Но, от неслаженной разработки и дальнейшей доработки уголовно-процессуального закона со стороны рабочей группы, официальный текст УПК Республики Таджикистан превратился в документ, у которого отсутствует *«системность»* и *«стабильность»*. Расхождения и противоречия поэтапно по мере их выявления устраняются законодателем в соответствующем порядке. Следует также отметить, что не всегда «ремонт» текста УПК Республики Таджикистан приводит к реальным достижениям. Иногда законопроекты готовятся без соответствующих согласований с внутрен-

---

¹ Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А.М., Камоловой Е.Д. Душанбе, 2012. 228 с.; Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. Душанбе : «Ирфон», 2014. 283 с.; Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И. Т. Душанбе: «Визави», 2016. 372 с.; Роль судебной экспертизы в расследовании преступлений : материалы республиканской научно-практической конференции (г. Душанбе, 25 апреля 2018 г.) // под редакцией к.ю.н., доцента Назарова А. К. Душанбе : «Издательство ТНУ», 2018. 180 с.; Предварительное расследование и перспективы его развития : материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе : «ЭР-граф», 2018. 250 с.; Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе : «ЭР-граф», 2018. 334 с.; Роль юридической науки в современных условиях : теория и практика : материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). Душанбе : РТСУ, 2018. 544 с.

ними нормами-положениями, регламентирующими основную уголовно-процессуальную деятельность органов и должностных лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Необходимо также отметить, что в очередной Программе судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2011-2013 гг. как говорится «забыли» о совершенствовании тех или иных институтов уголовного судопроизводства. Традиционно основная цель программ заключалась в совершенствовании судебной системы и вытекающих из нее полномочий. С окончанием первой и второй программы судебно-правовых реформ некоторые актуальные направления уголовно-процессуальной политики все еще требуют переосмысления в научном, теоретико-правовом и практическом аспектах, что необходимо учитывать законодателю (в основном разработчикам или авторам) и имеют первостепенное значение. Следует оговориться, что с принятием новых законов в виде поправок или кодексов не решаются наиболее острые проблемы уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов.

Свидетельством вышеизложенных авторских позиций могут выступить 19 поправок действующего уголовно-процессуального законодательства. Системный анализ поправок и их количество характеризуют о рассогласованности ряда норм УПК Республики Таджикистан. Абсолютное большинство указанных поправок нами критично проанализированы в соответствующих научных исследованиях¹.

Между двумя программами была принята Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, которая в свою очередь косвенно напомнила о консистенции уголовно-процессуальной политики Таджикистана. Как указывалось по тексту Кон-

---

¹ Алиева П.Х. Правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : монография. Душанбе : «Андалеб-Р», 2016. 144 с.; Юлдошев Р.Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. 226 с.; Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 407 с.; Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. – 124 с.; Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2021 гг. Душанбе : Центр по правам человека, 2018. 85 с. и другие научные работы.

цепции, дальнейшая систематизация процессуального законодательства должна осуществляться по следующим направлениям: совершенствовать принцип состязательности и равенства сторон в процессе, которое предусматривает *совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем пересмотра отдельных его институтов, не изменяя общей концепции Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. При этом представляется целесообразным: а) перерассмотреть сумму залога в сторону уменьшения его минимального размера в целях расширения круга лиц, к которым он мог бы быть применен; б) обеспечение механизмов обжалования действий и решений судов в срок и в порядке предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством* (Ч. 14, п. 48).

Здесь же следует процитировать и утверждение разработчиков, что в историческом периоде развития всех отраслей общественной жизни Таджикистана обеспечиваются условия по переходу от одного социального устройства к другому устройству. В этой связи новые общественные отношения в первую очередь нуждаются в законодательном регулировании и гарантии судебной защиты. Укрепления гарантии судебной защиты обеспечивает развитие общественных отношений, которое является необходимым и значимым для развития и перемены общества. Эти объективные факторы требуют, чтобы судебно-правовая реформа в стране продолжилась (Ч. 19, п. 54). Данная цель находить свое дополнительное подтверждение в другом пункте, который указывает, что в целях дальнейшего укрепления судебной власти и повышения их роли по защите прав и свобод человека и гражданина, охраны государственных интересов предусмотреть разработку нового продолжения программы судебной реформы (Ч. 20, п. 54).

Далее по тексту документа утверждается, что направленная на защиту жертв преступлений и других участников процесса, концепция уголовно-процессуального законодательства должна содержать следующие направления:

➤ повышение процессуальной роли жертв преступлений: возможность альтернативных способов разрешения криминальных событий путем расширения сферы декриминализации преступлений, не предоставляющих большой общественной опасности, развитие согласительных процедур; расширение перечня нетяжких правонарушений, по которым возбуждение уголовных дел, их прекращение в

любой стадии зависело бы от добровольного волеизъявления потерпевшей стороны;

➤ повышение гарантий возмещения вреда потерпевшим от преступлений, в том числе создание специализированных фондов возмещения ущерба жертвам преступлений в тех случаях, когда преступники, страховые общества и иные организации не в состоянии обеспечить возмещение ущерба;

➤ усиление правовой и социальной защиты участников уголовного процесса.

Выглядит неординарной следующая идея разработчиков: в перспективе в целях укрепления судебной власти, защиты прав и свобод человека и граждан, эффективности проведения следствия в будущем *исключить ведение предварительного следствия (предварительное дознание и следствие) путем введения судебного следствия по уголовным делам* (Ч. 19, п. 55).

Думается, что такое решение может привести в тупик и без того смешанную уголовно-процессуальную модель Таджикистана, которая стремится стать истинно состязательной при которой стороны станут равноправными. Ведь если в гражданском процессе предварительная подготовка по делу имеет относительно несложный характер и ведется сторонами и судом, который будет его рассматривать по существу (гл. 6 ГПК РТ), то в уголовном судопроизводстве (по крайней мере, по делам публичного и частно-публичного обвинения) этому препятствует ряд факторов. По уголовным делам установление фактической истины часто осложнено ввиду неочевидного характера многих преступлений, заpirationства и противодействия со стороны обвиняемых и т. п. Поэтому, в отличие от истца в гражданском процессе, обвинитель не может сразу окончательно сформулировать свои требования и обратиться с ними к суду. Он вынужден делать первый шаг, порой не имея достаточных доказательств. Прежде ему необходимо безотлагательно обнаружить и закрепить следы преступления, установить и разыскать подозреваемого, собрать и проверить необходимые доказательства, определить предмет уголовно-правового спора и предъявить первоначальное обвинение, проверить доводы, выдвинутые против него защитой, и наконец, обеспечить личное участие обвиняемого в процессе. Только после этого возможно представить в суд окончательное обвинение. Все это обычно требует значительного времени и усилий. Словом, необходимо официальное предварительное расследова-

ние, которое в современном уголовном процессе не может осуществляться самим судом. Для этого существуют особые государственные органы уголовного преследования (предварительного расследования), наделенные специальными ресурсами и полномочиями.

Дискуссионность анализа должна поспособствовать дальнейшей оптимизации уголовной политики, оживлению научной полемики и выработке конкретных перспективных направлений с учетом всех обстоятельств, которые в совокупности могут оказать равномерное влияние на дальнейшее формирование и развитие уголовной политики Таджикистана, которая в свою очередь находится в поиске оптимальных векторов развития и дальнейшего совершенствования. Не является в этом ключе исключением и уголовно-процессуальная политика Таджикистана.

Следует отметить, что продолжающаяся судебно-правовая реформа в Республике по своей сути является неотъемлемой составной частью общих реформ органов государственной власти. Введенная в действие Программа судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг. в Таджикистане, свидетельствовала о кардинальном и продолжающемся реформировании органов уголовной юстиции.

В Программе судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг. во вводной ее части констатировалось, что ведется работа по разработке Уголовного кодекса Республики Таджикистан. В пункте 8 раздела 2 Программы судебно-правовых реформ на 2019-2021 гг.¹ в рамках совершенствования уголовного законодательства утверждается об ускорении разработки УК Республики Таджикистан в новой редакции.

Главное в этих стремлениях законодателей не забыть о других родственных отраслях, которые могут пострадать в результате одностороннего совершенствования / реформирования без учета положений других отраслей права, координирующих друг друга в регламентации смежных общественных правоотношений.

Как традиционно утверждают авторы Программы судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг., главной целью судебно-правовой реформы является укрепление судебной власти, демократизация судебного процесса, повышение роли суда в защите прав и свобод человека и гражданина, интересов государства, организаций и учреждений, обеспечение законности и справедливости и на их основе совер-

---

¹ Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19 апреля 2019 г., № 1242 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

шенствование структуры и деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан.

В свою очередь уголовная политика нуждается в тщательном и системном подходе при реформировании уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Разобщенность при принятии ключевых законодательств и не учитывание особенностей различных отраслей права и их взаимообусловленность приводят к разночтению и недопониманию в правоприменительной практике. В итоге получается полный парадокс, сводящий все старания реформаторов к нескончаемым поправкам законодательной базы, вместо концентрированной деятельности в законотворческом процессе.

Как мы указывали во введении данной работы, уголовное судопроизводство Таджикистана переживает эпоху нового становления и развития. Прежде всего, эпоха (если так можно ее назвать!) связана с периодом проведения в стране судебно-правовых реформ, часть которых благополучно завершилась. Завершение в свою очередь не определяет окончание периода реформ, а является своего рода предварительной подготовкой к следующему этапу¹. Принимаемые нормативные правовые акты и ключевые документы в области уголовно-процессуального законодательства влияют на содержание и направления науки и практики. Вышеизложенные моменты в свою очередь свидетельствуют о развитии и влиянии региональной уголовно-процессуальной политики на отечественную уголовно-процессуальную науку и практику, которые также обогащаются за счет институтов активными лоббистами.

В свою очередь отечественная уголовно-процессуальная наука нуждается в тщательном и системном планировании. Исходя из достигнутых результатов, опубликованных научных работ уголовно-процессуальная наука Таджикистана заметно продвинулась. Количество защищенных научных исследований свидетельствуют о росте и набирающем обороте научного потенциала.

Свое обогащение уголовно-процессуальная наука также берет на стыке различных отраслей права и их взаимообусловленности

---

¹ С начала 2018 г. велась работа по разработке и согласованию новой программы судебно-правовой реформы на 2019-2021 гг. Наше мнение относительно уголовно-процессуальной политики изложено в работе: Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 31-42.

друг с другом, когда проводятся конкретные исследования. Следует заметить, что в последние годы, таких исследований проводится крайне мало.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ современной уголовно-процессуальной науки Таджикистана, является необходимым указать на отсутствие координации между учеными-процессуалистами в деле развития науки. Нам также представляется, что отсутствие цельного комментария к нормам уголовно-процессуального закона¹ также свидетельствует о безынтересности изложенной позиции, не говоря о систематизации и взаимодействии определенных научных школ и направлений.

Следует также отметить, что многие отечественные научные школы и отдельные ученые-процессуалисты давно уже не занимаются конкретными исследованиями, не говоря об отсутствии коллективных исследований. В данном контексте мы собрали данные по всем опубликованным исследованиям наших ученых, и даже диссертации, которые защищались по соответствующим специальностям – 12.00.09 и 12.00.12 (в прошлом 715 и 717 шифры специальностей) в хронологическом порядке². Список внушительный, который дополнительно свидетельствует об отсутствии научных школ уголовного процесса и криминалистики в современном этапе развития науки, чего нельзя сказать про советскую эпоху и ее достижения.

Развитие научной специальности и ее «метание по сторонам» указывает на уточнение и поиск соответствующей модели и ее содержания. Как обоснованно утверждает в этом плане профессор В.К. Зникин, история становления и развития научной специальности 12.00.09 за последние полтора десятка лет выглядит следующим образом:

- «уголовный процесс и криминалистика»;

---

¹ Ковалёв Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Общественный Фонд «Nota Bene» Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека [Электронный ресурс]: URL: <http://www.notabene.tj> (дата обращения: 15.05.2015 г.); Юлдошев Р. Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. 226 с.

² См.: Приложение № 2. Список защитившихся диссертаций. Более точные данные приведены в издании: Рахмаджонзода Р. Р. (Юлдошев Р. Р.). Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров : научное издание. Душанбе: «ЭР-граф », 2019. 304 с.

- «уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности»;
- «уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»;
- «уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»;
- «уголовный процесс»!¹.

Отечественная уголовно-процессуальная наука развивается поэтапно и тому есть несколько причин, за исключением вышеуказанных моментов. Причины, способствующие появлению барьера, мы условно разделяем на несколько подпунктов.

1. Отсутствие научных школ и направлений.
2. Отсутствие взаимодействия между учеными.
3. Отсутствие четких ориентиров, комплексных планов научных исследований.

Не вдаваясь в обоснование каждой из выделенных подпунктов, необходимо отметить, что государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать проявляющиеся слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм проработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются соответствующие решения государственных органов на высшем уровне. На этой основе и зиждутся демократические и нравственные основы современного уголовного судопроизводства в контексте реализации уголовно-процессуальной политики. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма и мастерства которых многое зависит. Научное обеспечение в указанных видах деятельности обуславливает системность ключевых документов и представляет собою конвергенцию научных и практических ее составляющих.

В этой связи, как точно утверждается в Концепции правовой политики Республики Таджикистан основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне анализируются различные злободневные вопросы, рас-

---

¹ Зникин В.К. Диагноз, прогноз и развитие научной специальности 12.00.09 // Оперативник (сыщик). № 3 (32). 2012. С. 7-9.

крываются их различные аспекты, в том числе закономерности их развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности (пункт 63).

Как нам представляется, наши исследования также должны корреспондироваться с основными требованиями Перечня приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Таджикистане на 2015-2020 годы¹, в котором усовершенствование методологии научных исследований в области права и государствоведения; устранение законодательных коллизий и обеспечение координации и единого законодательного пространства в Таджикистане особо выделены наряду с другими актуальными и глобальными проблемами современной науки и практики.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать выявленные слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм проработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются соответствующие решения государственных органов. На этой основе и зиждутся демократические и нравственные основы современного уголовного судопроизводства в контексте реализации уголовно-процессуальной политики. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма последних многое зависит.

Не отрываясь от контекста исследования, нам представляет особый интерес ориентир авторов-разработчиков Концепции правовой политики государства на 2018-2028 гг. Здесь мы процитируем пункты 55 и 57 Концепции правовой политики, так как они имеют научно-практическую направленность и более приближены к правоприменительной практике.

В соответствии с УПК Республики Таджикистан уголовный процесс осуществляется на основе принципов судебной защиты, презумпции невинности, состязательности и равноправия сторон, гласно-

---

¹ Перечень приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015-2020 годы : утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 04 декабря 2014 года за № 765 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. 2014. № 12. Ч. 1.

сти судебного производства и других. Уголовный процесс из обвинительного производства перешел в состязательный процесс. Уголовный процесс, как известный способ защиты прав человека от уголовных посягательств, незаконного ограничения права и безосновательных преследований по уголовному делу, направлен на обеспечение справедливости. Такое понимание уголовного процесса, являясь основной идеей, отражает перспективу развития правовой политики государства в области уголовной юстиции.

Взаимные отношения личности и государства зависят от справедливого разрешения дел следственными, и судебными органами. Стандарт справедливого разбирательства уголовного дела предусматривает именно уголовно-процессуальное законодательство, которое ввиду повседневно увеличивающихся требований человека должен совершенствоваться на постоянной основе.

В рамках обеспечения справедливого судебного производства по уголовным делам должны проводиться следующие работы:

- донести суть концепции правовой политики государства до сознания каждого человека. Важно, чтобы содержание уголовного судебного разбирательства было воспринято обществом как известный способ защиты права человека от уголовных посягательств, незаконного ограничения права и безосновательных преследований по уголовному делу. Целью такого разбирательства является обеспечение правовой справедливости и спокойствия;

- развивать уголовно-процессуальное право на основе конституционных идей уголовного процесса, стандартов справедливого судебного разбирательства, в зависимости от требований жизни, практики и возможностей государства;

- всесторонне и совершенно разработать и реализовать механизмы и процессуальный порядок исполнения конституционных положений и международных стандартов справедливого судебного разбирательства (в том числе правовая помощь, залог, возвращение дела на дополнительное расследование со стадии судебного разбирательства, порядок судебного рассмотрения жалобы на решение прокурора или порядок кассационного рассмотрения жалобы на применение предварительного заключения и т.д.);

- признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, его приоритет при разработке процессуального статуса потерпевшего и подозреваемого учитывается но механизм его осуществления не ус-

вершенствован посредством процессуального порядка. С учетом цели уголовного процесса, т.е. обеспечения правосудия, обеспечения баланса интересов личности и государства, с учетом признания достоинства человека, плохого состояния потерпевшего, возможности прощения вины друг друга в уголовном судебном разбирательстве, разрабатывать программы, направленные на восстановление справедливости, права и ущемленных интересов. Другими словами, судебная справедливость должна иметь не карающий, а воспитательный и восстановительный характер. Основная цель восстановительного правосудия заключается в том, что виновный обязуется компенсировать ущерб, нанесенный им потерпевшему, законным путем, а государство содействует этому. Поэтому, следует широко использовать в уголовной юрисдикции встречи потерпевшего с подозреваемым, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба потерпевшему, заменять наказания лишения свободы другими наказаниями, реализовывать возможности лечения от алкоголизма или наркомании взамен уголовного преследования; использовать стимулирующие меры по содействию и помощи уголовному процессу;

- соблюдать режим законности в уголовном процессе. Это касается органов и должностных лиц, и других участников процесса. В противном случае, судебное разбирательство (соответствующий юридический порядок) утрачивает свой смысл. Следовательно, должно быть разработано и внесено в УПК правило отмены последствий незаконных действий, исключения доказательств полученных незаконным путем, и реализована процессуальная ответственность участников;

- относиться к оперативно-розыскной деятельности, как важной деятельности, способствующей уголовному процессу, осуществляемой скрытно и односторонне, и в будущем разработать процессуальные стороны этой деятельности, законодательно закрепить ее результаты в соответствии с правилами представления доказательств, которые могут быть использованы в уголовном процессе;

- пересмотреть положения, касающиеся возвращения уголовного дела со стадии судебного производства на дополнительное расследование, поскольку это противоречит принципу судебной защиты, праву на справедливое судебное разбирательство, праву на осуждение без бесосновательного отложения;

- активизировать принципы свободы и добровольности в уголовном процессе. Соответственно этому, должны совершенствоваться

институты отрасли уголовно-процессуального права. В частности, количество преступлений, которые расследуются в частном порядке, должно быть увеличено, а их расследование и рассмотрение осуществлены только судом;

- рассмотреть использование взыскания ущерба, нанесенного лицу в результате незаконных действий суда и следственных органов, как гарант правильных и законных действий государства;

- разработать специфику расследования уголовных дел в отношении определенных должностных лиц;

- пересмотреть проведение экспертизы органами, одновременно осуществляющими дознание и предварительное следствие с учетом принадлежности и приемлемости доказательств, собранных для расследования уголовных дел.

Указанные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства представляют собой попытку переосмысления и пересмотра специфики уголовного судопроизводства в сторону ее демократизации и полной модернизации.

И как нам кажется, таким представляются основные векторы развития и совершенствования отечественной уголовно-процессуальной политики в перспективе на 2018-2028 гг.

2.3. Уголовно-исполнительная политика Республики Таджикистан

В рамках поэтапной реализации уголовно-исполнительной политики Республики Таджикистан принимаются соответствующие меры в целях выполнения задач по гуманизации исполнения наказания, улучшения условий содержания лиц, лишенных свободы и приближения их к требованиям международных стандартов.

В соответствии с Национальным планом реализации рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека в связи с Универсальным периодическим обзором Республики Таджикистан по правам человека¹ осуществляются мероприятия в целях принятия последующих мер по реформе системы исполнения уголовных наказаний, усиление потенциала учреждений системы исполнения уголовных наказаний и улучшения защиты прав осужденных, в том числе их права на питание, безопасную питьевую воду и санитарные условия. Выполнение и приведение в соответствие с требованиями и стандартами в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина прав обсуждалось в рамках поэтапных и заказных анализов независимых экспертов и организаций².

Опираясь на стратегию Национального Плана выполнения рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека Правительством Республики Таджикистан в рамках Универсального периодического обзора с 2012-2015 гг., в первую очередь необходимо отметить, что в конце февраля 2012 г. Правительство Республики Таджикистан предоставило окончательную позицию по оставшимся рекомендациям, полученным в ходе обзора рабочей группой Универсального периодического обзора Совета ООН по правам человека в начале октября 2011 года. В течение одного года

---

¹ Утвержден Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 3 апреля 2013 года, № РП-2200 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

² Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. Душанбе, 2013. 85 с.; Анализ выполнения рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека Правительством Республики Таджикистан в рамках Универсального периодического обзора с 2012-2015 годы. Душанбе : Бюро по правам человека и соблюдению законности, 2015. 304 с., Универсальный периодический обзор по правам человека, подготовленный общественными организациями Республики Таджикистан. Отчет № 1 «Гражданские и политические права». Душанбе, 2015. 32 с.

велись консультации между организациями гражданского общества и Правительством Республики Таджикистан по разработке Национального Плана по реализации рекомендаций Универсального периодического обзора. Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 03 апреля 2015 г. был утвержден Национальный план Республики Таджикистан по реализации рекомендаций Универсального периодического обзора с 2013-2015 гг.

Несмотря на то, что Национальный план был принят спустя год после подтверждения полученных рекомендаций, считается, что рекомендации Универсального периодического обзора для Таджикистана «вступили в силу» в начале марта 2012 года. Согласно календарю сессий Универсального периодического обзора Совета ООН по правам человека, результаты исполнения рекомендаций Таджикистаном должны быть представлены во время второго цикла Универсального периодического обзора, который наступит для Таджикистана в 2016 году.

Отделом гарантий прав человека при Исполнительном аппарате Президента совместно с Уполномоченным по правам человека и Бюро по правам человека и соблюдению законности и при поддержке Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека были проведены 7 национальных тематических консультаций в рамках подготовки ко второму раунду по Универсальному периодическому обзору и подготовки национального отчета.

Это первые подобного рода консультации и гражданское общество со своей стороны приветствовало эту инициативу. Кроме того, Отделом гарантий прав человека в последний год была начата практика подготовки и распространения полугодовых отчетов по ходу выполнения обязательств в рамках Универсального периодического обзора и иных договорных органов ООН (в частности по национальным планам действий – по мигрантам, по пыткам, по гражданским и политическим правам, по ликвидации дискриминации в отношении женщин). Как стало известно в ходе подготовки настоящего анализа, государственные органы образовали около 30-ти самостоятельных и совместных рабочих групп для целей выполнения рекомендаций в рамках Универсального периодического обзора. К сожалению, представители гражданского общества не были официально вовлечены в рабочие группы в большинстве случаев. Как было отмечено, для промежуточного обзора были отобраны

рекомендации, согласно срокам их исполнения, указанным в Национальном плане. Сроки исполнения некоторых рекомендаций разделены на два этапа, в связи с чем, предметом для настоящего анализа стали обязательства и мероприятия, которые определены на период 2013-2014 гг.

При разработке Национального Плана действий по Универсальному периодическому обзору рекомендации государств-членов Совета ООН по правам человека были обобщены по тематикам. Таким образом, План содержал 40 пунктов по различным рекомендациям, из них выполнено – 10, выполнены частично – 19, не выполнены – 11.

Реализация международных обязательств Таджикистана тесно связано с реформой уголовно-исполнительной политики государства.

Начиная с 2002 года¹, и далее в Таджикистане были приняты несколько важных отраслевых документов. Последующий документ был принят в 2003 г. Программа реформирования уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан на 2004-2008 гг.², где приоритетными направлениями Программы являлись: гуманизация системы исполнения наказаний; усиление гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных в процессе исполнения наказаний; улучшение условий содержания лиц, в следственных изоляторах, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях и обеспечение социальной защищенности сотрудников уголовно исполнительской системы.

Ожидаемые результаты от реализации программы были следующие: максимальное приближение условий отбывания наказания к требованиям международных норм и стандартов в сфере исполнения наказаний, создание условий для социальной реабилитации и адаптации осужденных, подготовка их к жизни в обществе после освобождения, повышения уровня безопасности в органах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Мини-

---

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 12.09.2002 года № 367 "О реализации Указа Президента Республики Таджикистан от 26 июля 2002 года" № 855 "О реформировании уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан" и другие нормативно-правовые акты // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

² Утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 5 декабря 2003 года № 533 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

стерства юстиции Республики Таджикистан, улучшение системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества путем расширения их функций, увеличение количества осужденных, занятых трудом, существенное повышение профессиональной подготовки сотрудников. О полной или частичной реализации цитируемого документа соответствующих публикаций не было издано. С отчетами мы также не знакомы и не будем делать преждевременных необоснованных выводов.

Принятые в данном направлении программы, в частности, Программа «Развития системы исполнения уголовных наказаний на 2015-2020 годы»¹ и «Программа организации труда и промышленного производства в исправительных учреждениях Республики Таджикистан на 2015-2020 годы» являются всему изложенному свидетельством комплексного реформирования анализируемой сферы.

Следовательно, Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 февраля 2015 года за № 101 «О Программе развития системы юстиции на 2015-2020 годы» был принят указанный документ, характеризующий и планирующий перспективный пересмотр действующей системы юстиции. В целях реализации пункта 2 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 28 февраля 2015 года за № 101 «О Программе развития системы юстиции на 2015-2020 годы» Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 ноября 2015 года №729 был утвержден другой документ «О Плане мероприятий по реализации Программы развития системы юстиции на 2015-2020 годы».

Далее был разработан проект Стратегии реформирования системы исполнения уголовных наказаний в Таджикистане до 2025 года, который свидетельствует о комплексном подходе законодателя и разработчиков-исполнителей в контексте реализации проанализированных документов. Как указывается во введении данного документа, с передачей уголовно-исполнительной системы из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции были определены новые приоритеты дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан в новых условиях, главными из которых является гуманизация системы исполнения наказаний, необходимость

---

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан за 2015 годы. Душанбе, 2016. С. 149.

приближения условий содержания осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к международным нормам и стандартам и их правового положения к требованиям Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Реализация названных приоритетов требует выработки системного и комплексного подхода к исполнению уголовных наказаний, поиска и внедрения новых форм и методов воздействия на лиц, осужденных судами к отбыванию уголовных наказаний. Во всех учреждениях и следственных изоляторах идет интенсивная работа по изменению морально-психологического климата, приведению условий содержания осужденных и подследственных к требованиям международных норм и стандартного содержания.

Вышеизложенные позиции по наиболее принципиальным вопросам совершенствования уголовно-исполнительной системы указаны отдельным пунктом в Национальном плане действий по выполнению рекомендаций государств-членов Совета Организации Объединенных Наций по правам человека согласно процедуре Универсального периодического обзора (второй период) на 2017-2020 гг¹.

На данном этапе внесены изменения и дополнения в соответствующие ведомственные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность исправительных учреждений по усилению гарантий соблюдения законности при исполнении наказаний, более эффективной социальной и правовой защищенности осужденных, снижению количества ограничений и запретов, расширению оснований для досрочного освобождения.

Отрадно отметить, что по решению руководителя Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан Рахмон О.Э. от 10 июля 2017 г. был утвержден состав рабочей группы по разработке проекта Уголовно-исполнительного кодекса Республики Таджикистан. Срок разработки и представления в целях обсуждения и согласования указано первое полугодие 2018 г. По неофициальным данным проект кодекса разработан и проходит процедуру обсуждения и согласования.

---

¹ Утвержден Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 7 июня 2017 г. № РП-901 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

И как нам кажется, консолидация усилий и точечный подход, придадут уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политике поистине демократический характер, где будут превалировать общие интересы взамен чуждых напутствий специалистов-экспертов различного ранга. Главное в анализируемой сфере совместить все аспекты правоохранительной и правоприменительной деятельности различных государственных органов и их должностных лиц с целью сведения в единое русло взаимообусловленность их взаимодействия в контексте достижения общих целей реформирования уголовно-исполнительной политики.

Резюмируя изложенное, следует также отметить, что Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 гг. раскрывает комплексные проблемы уголовно-исполнительной политики. В пункте 27 указывается, что проблема исполнения уголовного наказания в целом оказывает значительное влияние на общее состояние преступности в стране, в частности на качество и степень защиты прав и законных интересов граждан. На этой основе, организация эффективной системы исполнения уголовного наказания и реальная социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, имеют огромное значение.

При всех определенных достижениях в области уголовно-исполнительной политики, в Таджикистане до сих пор в этой сфере существует ряд неразрешенных проблем. В частности, требуют дальнейшего совершенствования пенитенциарная система, процессы воспитания и исправления осужденных лиц в исправительных учреждениях, их социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы (пункт 28).

Далее указывается, что для решения проблем, касающихся исполнения уголовного наказания, необходимо:

- повысить эффективность наказания лишения свободы путем надлежащего осуществления методов педагогически-психологического воспитания осужденных. Учитывая тот факт, что этот вид наказания остается основным, содержание, формы и методы исправительно-воспитательного воздействия на осужденных должны совершенствоваться на основе принципа индивидуализации исполнения наказания;

- улучшить качество медицинских услуг для профилактики инфекционных заболеваний среди заключенных;

- расширить правовые возможности применения наказаний, не связанных с лишением свободы. С учетом условий и возможностей государства, законодательство исполнения уголовного наказания необходимо усовершенствовать, одновременно согласовав его с уголовным, уголовно-процессуальным законодательством и международно-правовыми актами;

- усовершенствовать законодательство для создания условий по привлечению осужденных, к труду в зависимости от режима исправительного учреждения, улучшить производственно-хозяйственную деятельность в рамках системы исполнения уголовного наказания и повысить экономическую эффективность труда осужденных;

- предотвращать пытки и другие виды дурного обращения и наказания осужденных, унижающие честь и достоинство путем разъяснительной работы, наглядной пропаганды и других информационных средств среди сотрудников системы исполнения уголовного наказания и осужденных;

- разработать новые формы и методы организации труда и деятельности осужденных, ориентированные на поддержание их психического и физического здоровья, развивать различные формы самоуправления среди осужденных и активизировать процесс их реабилитации;

- совершенствовать систему получения осужденными среднего и среднего профессионального образования;

- повысить эффективность законодательства об исполнительном производстве.

Таким образом, проанализированные вопросы уголовной политики государства были подытожены на основе направлений их совершенствования в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг.

Отдельные подпункты Концепции правовой политики на 2018-2028 гг. приведены в Плане мероприятий на 2018-2019 по реализации Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг.¹, где разработка проекта Кодекса исполнения уголовных наказаний в новой редакции запланирована на 2018 г.

---

¹ Утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 31 августа 2018 г. № 450 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

ГЛАВА 3

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ОБНОВЛЕНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

3.1. Роль и значение актов Конституционного Суда Республики Таджикистан в регламентации норм уголовно-процессуального закона

В настоящей части исследования анализируются некоторые заметные достижения отечественного Конституционного Суда Республики Таджикистан по формированию истинно состязательной уголовно-процессуальной реальности. Не стоит преувеличивать, но в отличие от других государственных органов и иных ведомств, роль Конституционного Суда в корректировке уголовно-процессуального законодательства велика, в чем не приходится сомневаться. В нашем понимании, корректорская ее деятельность, прежде всего, заключается в разборе и уточнении смысла и содержания тех или иных положений закона, которые послужили предметом спора и соответствующего разбирательства. Профессионализм, а иногда и тонкое прописывание тех или иных решений Конституционного Суда, являются примером и образцом для подражания.

Продолжение незыблемых традиций и новаций в формировании концепции истинно состязательного уголовного производства, требует консолидации усилий всех государственных органов, которое в настоящее время осуществляется стихийно. Единственным исключением из правил, является не учитывание, а порой и игнорирование отдельных положений ряда решений Конституционного Суда, направленных на устранение существующих пробелов. Отказы или не учитывание тех или иных решений Конституционного Суда, с одной стороны, свидетельствуют о проблемах правоприменительной практики, связанные с неправильным применением правовых норм, а с другой стороны, доказывают слабые позиции отраслевого законодательства, которое требует законодательного реагирования. Как уместно высказывается в этой связи профессор В.Д. Зорькин, если закон по-настоящему качественный, он не мо-

жет плохо применяться, а если он оставляет возможность плохого применения, он уже некачественный. Законодатель же должен предусматривать не только «хитрость» правоприменителя, но и возможность низкого качества его работы, а также ненамеренное искаженное понимание нормы и исключать такую возможность¹.

Данная часть анализа своеобразна по содержанию. Прежде всего, поэтапно анализируются решения Конституционного Суда, которые имеют своей целью уточнение содержания отдельных норм уголовно-процессуального кодекса, свидетельствующие о некоторых барьерах в осуществлении защиты прав и свобод человека и гражданина, а с другой стороны, они показывают особенности действующего кодекса по сравнению с его предшественником.

Кроме того, утратила силу ч. 5 ст. 124 «Судебный порядок рассмотрения жалоб на решение прокурора» УПК Республики Таджикистан, которая ограничивала право на обжалование и опротестование решений судьи (суда), вынесенное в соответствии с правилами данной статьи. Законом Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982 о внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан Постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан от 20.12.2012 г. «Об определении соответствия ч. 5 ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ст. 14 и 19 Конституции Республики Таджикистан»² нашло свое непосредственное воплощение.

Необходимо также отметить, что 27 сентября 2013 г. в Конституционном Суде Республики Таджикистан состоялось рассмотрение дела по ходатайству гражданки Н.А. Саидовой «Об определении соответствия ч. 2 ст. 363 УПК Республики Таджикистан в части, касающейся того, что не подлежит обжалованию и опротестованию вынесенное в ходе судебного разбирательства определение (постановление) в отношении избрания, изменения или отмены меры пресечения ст. 5, 14, 18 и 19 Конституции Республики Таджикистан».

В рассмотрении данного вопроса приняли участие полномочные представители Президента Республики Таджикистан, Маджлиси мил-

---

¹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и конституция. М.: Норма, 2010. С. 375.

² Сборник постановлений Конституционного суда Республики Таджикистан (1996-2015). Душанбе : «Эр-граф», 2015. С. 366-373; Акты Конституционного суда Республики Таджикистан в области уголовной политики (1996-2015 годы). Душанбе : Издательство «ЭР-граф», 2016. С. 70-77.

ли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли в Конституционном Суде Республики Таджикистан, представители Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Совета юстиции, а также представители других министерств и ведомств республики.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне рассмотрев вопрос, ставший предметом спора со стороны Н.А. Саидовой, отметил, что обращение является важнейшим способом взаимосвязи человека с государством и устойчивой основой участия всех граждан в государственном управлении и деятельности органов государственного управления, в том числе судебной власти, в осуществлении правосудия.

Право на обращение в государственные органы, в том числе органы судебной власти, является важнейшим показателем демократического и правового общества, наряду с устранением ошибок в деятельности государственных органов, а также направлено на устранение правонарушений, восстановление и защиту нарушенных прав и законных интересов обращающихся.

Положение ч. 2 ст. 363 УПК Республики Таджикистан, на основании которой запрещается участникам судебного процесса обжаловать и опротестовывать вынесенное в ходе судебного разбирательства определение (постановление), касающееся избрания, изменения или отмены меры пресечения, является ограничением конституционных прав граждан на обращение в судебные органы, что не соответствует сущности и содержанию ст. 5, 14, 18 и 19 Конституции Республики Таджикистан,

В частности, ст. 23 УПК Республики Таджикистан, именуемая «Право обжалования процессуальных действий и решений», в качестве одного из важнейших принципов уголовно-процессуального законодательства признает обжалование участниками судебного процесса действия или решения суда (судьи), прокурора, следователя и дознавателя.

В связи с чем, Конституционный Суд Республики Таджикистан отмечает, что любой способ, ограничивающий права участников судебного процесса по защите их процессуальных прав, является препятствием для их осуществления, в том числе права обжалования судебных актов, и считается ограничением гарантии судебной защиты и права обращения в государственные органы, установленной Консти-

туцией, законами и уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан.

На основании вышеизложенного, Конституционный Суд Республики Таджикистан положение ч. 2 ст. 363 УПК Республики Таджикистан в части, касающейся того, что не подлежит обжалованию и опротестованию вынесенное в ходе судебного разбирательства определение (постановление) в отношении избрания, изменения или отмены меры пресечения, считает не соответствующим ст. 5, 14, 18 и 19 Конституции Республики Таджикистан»¹. Депутаты Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по представлению Конституционного Суда Республики Таджикистан молниеносно отреагировали на данное постановление и на очередном своем заседании внесли поправки в некоторые нормы УПК Республики Таджикистан². На таком высоком уровне положительные решения Конституционного Суда Республики Таджикистан требуют своего продолжения и тщательного системного анализа со стороны соответствующих должностных лиц. Таких примеров, огромное множество, что и каждый раз доказывает Конституционный Суд Республики Таджикистан. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, по своей юридической природе решения Конституционного Суда являются правовыми актами особого рода, обладающими определенными прецедентными и преюдициальными свойствами³.

Теперь можно с уверенностью утверждать, что это очередной уверенный шаг Конституционного Суда Республики Таджикистан в сфере оптимизации норм УПК Республики Таджикистан. Необходимо также отметить, что признание не соответствующим Конституции Республики Таджикистан ряда норм УПК Республики Таджикистан

---

¹ Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 27 сентября 2013 г. «Об определении соответствия части 2 статьи 363 УПК РТ в части, касающейся того, что не подлежит обжалованию и опротестованию вынесенное в ходе судебного разбирательства определение (постановление) в отношении избрания, изменения или отмены меры пресечения статьям 5, 14, 18 и 19 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник постановлений Конституционного суда Республики Таджикистан (1996-2015). Душанбе : «ЭР-граф», 2015. С. 342-351; Акты Конституционного суда Республики Таджикистан в области уголовной политики (1996-2015 годы). Душанбе : Издательство «ЭР-граф», 2016. С. 78-87.

² Юлдашев А. Депутаты подкорректировали УПК Таджикистана // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

³ Зорькин В.Д. Современный мир, право и конституция. М.: Норма, 2010. С. 164.

стало приоритетным направлением Конституционного Суда. Надеемся на продолжение «корректорской деятельности» Конституционного Суда, о чем и свидетельствует история его деятельности.

Резюмируя все изложенное, следует констатировать тот факт, что в решениях Конституционного Суда Республики Таджикистан в основном затронуты наиболее острые и проблемные вопросы уголовно-процессуальной деятельности, затрагивающие права и свободы человека и гражданина. Анализ этих решений позволяет увидеть наиболее типичные недостатки в деятельности органов уголовного преследования, судебного корпуса, и допускаемые правоприменителями ошибки в толковании законодательных норм, а сформулированные в них правовые позиции представляют собой необходимые ориентиры в оптимизации и дальнейшей регламентации отечественного уголовно-процессуального законодательства.

3.2. Правовая позиция Конституционного Суда Республики Таджикистан относительно содержания и применения института преюдиции

Преюдиция – один из немногих институтов уголовно-процессуального права, связывающих разные отрасли права, как гражданский, уголовный и административный процессы. В связи с этим интересной представляется ст. 89 УПК Республики Таджикистан. Общеизвестно, что ст. 89 УПК Республики Таджикистан редактировалась в ноябре 2014 г.¹. Статья 89 УПК Республики Таджикистан в ином контексте определяет сущность преюдиции: «Вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, судьи, прокурора, следователя, дознавателя при производстве по уголовному делу в отношении установленных обстоятельств и их правовой оценки. Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому, семейному, экономическому делам, постановление суда по делам об административных правонарушениях обязательно для суда, прокурора, следователя, дознавателя при производстве по уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само событие или действие, и не должно предрешать выводы о виновности или не виновности подсудимого».

Данная трактовка преюдиции и другие существующие в доктрине уголовного процесса не были идеальными и подвергались критике, в частности, из-за неопределенности предполагаемых сомнений и установленных обстоятельств, и их правовой оценки. Как известно, если приговор вступил в законную силу и не был обжалован, то его выводы формально бесспорны. По справедливому утверждению В.П. Божьева, такая редакция закона как бы допускала возможность (вероятность) предрешения виновности лиц, участвовавших в процессе по ранее рассмотренному делу, а это не соответствует важнейшим положениям закона (ст. ст. 17, 88, 299, 307 и др. УПК Российской Фе-

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 27 ноября 2014 г. за № 1134 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» // АМО Республики Таджикистан. 2014. № 3.

дерации). Далее профессор указывает, что не вполне удачным было и другое положение ст. 90 (в первой редакции), согласно которому прокурор, следователь, дознаватель признают обстоятельства, установленные вступившим в силу приговором суда, если они не вызывают сомнений у суда. При такой ориентации указанные процессуальные субъекты, прежде чем признать (не признать) указанные обстоятельства, должны выяснить наличие (отсутствие) сомнений у суда, что в принципе совершенно нереально¹.

Так получилось, что в тексте УПК Республики Таджикистан появилась непроверяемая преюдиция. Двенадцатая поправка УПК Республики Таджикистан усилила прежнюю редакцию преюдиции за счет частично вышеизложенных судебных решений. Следовательно, в некоторой степени, таджикский законодатель пошел вперед своих российских коллег, включив в спорные решения судов еще и решения по семейным делам, что признать целесообразным, представляется крайне сомнительным и чрезмерно спорным.

Как указывает профессор В.П. Божьев, в УПК Российской Федерации 2001 г., как известно, статью о преюдиции авторы проекта кодекса поместили в третьем разделе, посвященном доказательствам (гл. 10) и доказыванию (гл. 11). О причинах и основаниях такого перемещения указанной нормы может быть известно разработчикам проекта УПК Российской Федерации, но они не сочли возможным известить об этом тех, кому она (эта норма) адресована и кому предстоит ее применять на практике². То же самое можно сказать и про УПК Республики Таджикистан, которое хаотично регламентирует место, роль и предназначение преюдиции в уголовном судопроизводстве.

В самой уголовно-процессуальной норме, по утверждению И.В. Чащиной, закрепляющей преюдицию, законодатель не установил четких механизмов ее реализации. В этой связи в следственной и судебной практике при наличии вступивших в законную силу решений судов по гражданским или арбитражным делам, основанных на сфальсифицированных доказательствах или на обстоятельствах, признанных сторонами гражданско-правового спора и судом истинными

---

¹ Божьев В.П. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. № 6. С. 3-7.

² Там же. С. 4.

без проверки, достоверность которых с учетом собранных по уголовному делу доказательств вызывает сомнения, возникают ошибки при применении преюдиции, принимаются юридически необоснованные решения, что нередко связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства¹.

Для полноты анализа, сделаем некий экскурс к истории вопроса и современному его состоянию, который в полной мере в своей работе проанализировал крупный российский ученый-процессуалист В.П. Божьев².

Напомним, что УПК Российской Федерации 2001 г. не первый российский уголовно-процессуальный закон, в котором представлено нормативное решение проблемы преюдиции в уголовном судопроизводстве. Пределы действия преюдиции в уголовном процессе регулировал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 29), УПК РСФСР 1923 г. (ст. 12) и 1960 г. (ст. 28).

В Уставе уголовного судопроизводства было подчеркнуто, что цель новеллы о преюдиции – необходимость разграничения компетенции гражданского и уголовных судов (как их тогда именовали) в оценке событий, порождающих, с одной стороны, спор о праве гражданском, а с другой – обвинение в совершении преступления. В связи с этим Уставом уголовного судопроизводства (ст. 29) было установлено, что окончательное (т.е. вступившее в законную силу) решение суда по гражданскому делу обязательно для уголовного суда "<...> только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого". Да и то, как подчеркивал Э. Немировский, "<...> решение гражданского суда обязательно для суда уголовного лишь при условии, если уголовному суду предстоит разрешать тот же вопрос в отношении тех же лиц и на том же основании"³.

Идея введения в систему уголовно-процессуальных норм преюдиции, как было отмечено, впервые в России была реализована в

---

¹ Чашина И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 2.

² Божьев В.П. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. № 6. С. 3-7.

³ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М.Н. Гернета. Вып. 1. М., 1914. С. 137.

Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Творцы этого закона подчеркивали, что тем самым они пытались урегулировать ситуации, когда одни и те же события порождали возникновение спора о праве гражданском и одновременно создавали предпосылки для обвинения тех или иных людей в совершении преступления. В его ст. 29 указывалось, что обязательный характер для уголовного суда имеет лишь окончательное (говоря современным языком – вступившее в законную силу) решение суда. Знаменательно, что, по разъяснению Сената, обязательно для судов, рассматривающих уголовные дела, было только решение суда в отношении "действительности события или действия"¹. В связи с этим уместно напомнить предостережение известного российского ученого-процессуалиста В. Случевского, который обращал внимание на то, что при выяснении значения приговоров и решений уголовного и гражданского судов не следует терять из виду, что у каждого из этих судов существует свой особый порядок проверки доказательств, свои особые цели, свои особые способы и средства действия и, наконец, свои особые порядки постановления приговоров и решений².

Далее уважаемый профессор утверждает, что вслед за Уставом уголовного судопроизводства аналогичные установки судам были даны УПК РСФСР 1923 г. (ст. 12) и УПК РСФСР 1960 г. (ст. 28). Сложилась соответствующая судебная практика. Однако УПК Российской Федерации 2001 г. изменил содержание и пределы действия преюдиции в российском уголовном процессе, закрепив в ст. 90 УПК положение об обязательности для суда, прокурора, следователя, дознавателя лишь обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором по ранее рассмотренному уголовному делу. Текст этой статьи содержал ряд положений, не вполне соответствующих теории уголовного процесса и некоторым общим нормам действующего УПК Российской Федерации. Некоторые положения этой статьи затем были "благополучно" повторены в последней редакции (в редакции ФЗ РФ от 29 декабря 2009 г. № 383).

Согласно предписаниям ныне действующей ("обновленной") ст. 90 УПК обстоятельства, установленные вступившим в законную

---

¹ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М.Н. Гернета. Вып. 1. М., 1914. С. 136.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство. М., 2008. С. 116.

силу приговором или иным вступившим в законную силу судебным решением, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом без дополнительной проверки. При этом указанный приговор или иное решение не могут предрешать виновности лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Столь неудачная формулировка ст. 90 УПК может породить ошибочные представления о возможности наступления негативных последствий для лиц, участвовавших в ранее состоявшемся судебном заседании, хотя в действительности это не так.

Действующий закон в отличие от Устава уголовного судопроизводства и УПК РСФСР (1923 и 1960 гг.) не указывает, в какой части ранее состоявшиеся судебные решения обязательны для суда, рассматривающего уголовное дело. Как известно, Устав уголовного судопроизводства (ст. 29) указывал об обязательности не вообще решения по гражданскому делу для суда уголовного, а лишь в отношении действительности и свойства события или деяния. УПК РСФСР констатировал, что для суда, разрешающего уголовное дело, обязательны решения и постановления суда по ранее рассмотренному гражданскому делу "<...> только по вопросам, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого" (ст. 28). Не установив в тексте действующей ст. 90 УПК никаких ограничений, законодатель тем самым не определил пределов прав и обязанностей в этой части властных субъектов уголовного процесса, ответственных за ведение дела. Видимо, авторы текста ст. 90 сочли "подобные мелочи" несущественными. Но тем самым они, по сути дела, предложили судьям, следователям, дознавателям и прокурорам всего лишь "половинчатое решение" указанных вопросов, что может негативно повлиять на определение следователем (дознавателем) и судом предмета и пределов доказывания по конкретному уголовному делу, находящемуся в их производстве. Между тем от правильного решения этих вопросов зависят ход и исход предварительного расследования и судебного разбирательства. И не только это. Неопределенность прав и обязанностей властных субъектов уголовно-процессуальных отношений при решении рассматриваемых вопросов может вызвать нарушение (несоблюдение) прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений (потерпевших, обвиняемых, гражданских истцов и ответчиков, их представителей).

Знаменательно, что разработчики проекта ГПК Российской Федерации (2002 г.) отвергли путь, избранный авторами ст. 90 УПК, сохранив устоявшиеся положения закона. Согласно предписанным положениям ч. 4 ст. 61 ГПК Российской Федерации, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, по вопросам, **имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.**

Перемещение текста статьи УПК о преюдиции в раздел о доказательствах и доказывании – это не только и не просто техническая акция, а повышение требований к тексту ст. 90, который должен соответствовать находящимся в этом разделе базовым нормам закона о доказывании, доказательствах, их видах, содержании, форме и правилам оценки. Вместо этого, ослабив требования в одном (отказ от перечня признаваемых обстоятельств), разработчики проекта УПК РФ попытались ослабить требования и в другом, провозгласив упрощенный порядок признания ранее установленных обстоятельств при производстве по другому делу.

Кроме того, авторы последней версии проекта УПК (как и последующие реформаторы), перемещая правовую норму из первого раздела кодекса (ст. 28 УПК РСФСР) в третий раздел (ст. 90 УПК Российской Федерации), невольно изменили ближайшую "систему координат", в которой ей предстоит функционировать. Проще говоря, они не учли существующую в третьем разделе более строгую и жесткую иерархию (соподчиненность) норм, лишь во взаимодействии с которыми она может исполнять свое регулятивное предназначение. Имеются в виду нормы о доказательствах, доказывании (ст. ст. 73, 74, 76-81, 83-88 УПК) и их оценке (ст. 17).

В соответствии с положениями ст. 90 УПК и других ранее действовавших норм преюдицию можно считать уголовно-процессуальным правилом, согласно которому для суда, рассматривающего уголовное дело, в определенной части обязательны вступивший в законную силу приговор по ранее рассмотренному уголовному делу, а также судебные решения, принятые в рамках других процессуальных отношений.

Вопреки общим правилам доказывания и сущности доказательств (ст. ст. 74, 76-84, 85-88 УПК) разработчики текста ст. 90 уклонились от указания на то, что из себя представляет документ, адресованный суду или им истребованный и содержащий сведения об об-

стоятельствах, установленных приговором или иным вступившим в законную силу решением суда, к какому виду доказательств он относится. ГПК Российской Федерации приговоры, решения и иные постановления судов относит к письменным доказательствам (ч. ч. 1 и 2 ст. 71). Видимо, в уголовном процессе речь, скорее всего, может идти об иных документах (ст. 84 УПК), для которых, как известно, ни ст. 17, ни ст. 88 УПК не предусмотрено и не может быть предусмотрено особых правил оценки. Положения ст. 90, предусматривавшие упрощенные способы получения доказательств, непротиворечивы. Полагаю, что, учитывая занимаемое ими место и значение в системе норм, они не могут блокировать действия общих базовых правил собирания, проверки и оценки доказательств (ст. ст. 17, 73, 74, 85-89 УПК).

С учетом вышесказанного профессор В.П. Божьев полагает, что следовало бы принять необходимые меры к подготовке нового текста ст. 90 УПК, так как в существующем виде он может способствовать принятию ошибочных решений при рассмотрении судами уголовных дел и тем самым способствовать нарушению законности и ущемлению прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Так тонко прочувствовать суть проблемы преюдиции, профессор В.П. Божьев несомненно и своевременно раскритиковал законодателей-реформаторов, которые в спешке и без необходимой надобности разрабатывают и принимают соответствующие непродуманные законопроекты.

В Таджикистане, из-за отсутствия формулировки: «при этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле», без проведения соответствующего расследования выносят судебные решения, основывая свои решения только на предшествовавшем приговоре в отношении остальных лиц, которые в отличие от других участвовали в ходе рассмотрения данного уголовного дела, что не раз доказано правоприменительной практикой.

Теперь перейдем к основному ядру анализа. Гипотезу анализа изложим на конкретном примере решения Конституционного Суда Республики Таджикистан. Гражданин Джураев Низомхон Хайдарович и его полномочный представитель – адвокат Вохидова Ф.М., обратились с ходатайством в Конституционный Суд Республики Таджики-

стан в котором указали, что в производстве следственного управления Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан в отношении Н.Х. Джураева возбуждено уголовное дело № 2054 по части 3 статьи 289, части 2 статьи 291, части 2 статьи 292 и другим статьям Уголовного кодекса Республики Таджикистан, которое находится в стадии предварительного следствия.

Это уголовное дело является выделенной в отдельное производство самостоятельной частью уголовного дела № 1752 в отношении Одилова Д., Джураева Ф. и других, в отношении которых вынесен приговор судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Таджикистан от 9 июня 2009 года, вступивший в законную силу с 1 февраля 2010 года.

По уголовному делу № 1752 28 июня 2007 года ему заочно было предъявлено обвинение, и в тот же день, с согласия прокурора Согдийской области, в отношении его была заочно избрана мера пересечения в виде заключения под стражу, и он был объявлен в розыск.

9 апреля 2012 года, после его добровольной явки в правоохранительные органы, его уголовное дело было возобновлено следственным управлением Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан и проведено предварительное следствие.

Далее обратившийся и его адвокат отмечают, что при проведении предварительного следствия по его уголовному делу, выделенному в отдельное производство, были выявлены новые обстоятельства, которые ранее не были подвергнуты расследованию и не получили правовой оценки.

Кроме того, он, как обвиняемый, не согласен с заключениями экспертиз, проведенных по уголовному делу №1752, и ходатайствовал о проведении дополнительной экспертизы. На основе заключения комиссионной судебно-товароведческой экспертизы от 24 мая 2012 года, проведенной по его ходатайству, бесспорно, были выявлены новые обстоятельства по данному делу.

Но через два месяца, т.е. 20 июня 2012 года, заместитель Генерального прокурора Республики Таджикистан на основании части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджики-

стан отменил решение от 17 апреля 2012 года следственного управления Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией о назначении комиссионной судебно-товароведческой экспертизы.

Н.Х. Джураев и его полномочный представитель, не согласившись с решением Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, на основании статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан обжаловали его в суд.

Постановлением суда района Сино города Душанбе от 2 октября 2012 года, которое также обосновано частью 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, их жалоба об отмене решения прокурора была оставлена без удовлетворения.

По их мнению, часть 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, согласно которой «вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, судьи, прокурора, следователя и дознавателя при производстве по уголовному делу в отношении установленных обстоятельств и их правовой оценки», – ущемляет его конституционные и процессуальные права в качестве обвиняемого в представлении доказательств, в защите от уголовного преследования и принципа равенства сторон, так как на основании части 3 статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы всеми средствами и способами, не противоречащими закону и настоящему кодексу, и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите.

Н.Х. Джураев также в своем ходатайстве отмечает, что положение статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан с учетом требования части первой статьи 20 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой «никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу», – противоречит положению части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан.

Исходя из этих соображений, Н.Х. Джураев просил Конституционный Суд на основании его ходатайства возбудить конституционное судопроизводство и определить соответствие статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне изучив и рассмотрев ходатайство и приложенные к нему материалы, пришел к выводу, что Н.Х. Джураев, хотя и может быть субъектом обращения в Конституционный Суд, однако в его ходатайстве об определении соответствия статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан не усматривается неопределенность, которая могла бы стать основанием для возбуждения конституционного судопроизводства и проведения конституционной проверки.

То есть положения статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан не являются нормами, ограничивающими гарантии судебной защиты граждан и отрицающими положения части первой статьи 20 Конституции, и не могут быть преградой для осуществления конституционной гарантии судебной защиты и реализации прав граждан на рассмотрение их дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом. Также названные нормы не препятствуют реализации части первой статьи 20 Конституции о том, что никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу.

По утверждению Конституционного Суда Н.Х. Джураев также не обосновал необходимыми конкретными доказательствами, в чем выражается несоответствие указанных статей Уголовно-процессуального кодекса статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан.

Кроме этого, статья 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, регулирующая правовое положение обвиняемого, т.е. его права и обязанности как участника уголовного процесса, состоит из 7 частей, а части – из абзацев. Н.Х. Джураев, не конкретизировав предмет спора, оспаривает полный текст статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан.

Конституционный Суд относительно утверждения Н.Х. Джураева о несоответствии части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статье 47 указанного кодекса отмечает, что рассмотрение несоответствия между законами и правовыми актами не входит в компетенцию Конституционного Суда, поскольку Конституционный Суд в соответствии с Конституцией и конституционным Законом Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» определяет со-

ответствие законов и других нормативных правовых актов Республики Таджикистан Конституции.

Устранение противоречий между правовыми актами является компетенцией органа, принявшего его, в данном случае это компетенция законодательного органа.

Далее, Конституционный Суд утверждает, что ни одна статья Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, в том числе и часть 1 статьи 89 этого кодекса, не должна толковаться в ущерб принципу всестороннего, полного и объективного расследования обстоятельств дела, предусмотренному статьей 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. В противном случае участники уголовного процесса в установленном порядке имеют право оспаривать такие действия уполномоченного органа.

Таким образом, 7 января 2013 года Конституционный Суд выносит свое определение об отказе в возбуждении конституционного судопроизводства по ходатайству гражданина Джураева Н.Х. и его полномочного представителя – адвоката Вохидовой Ф.М. «Об определении соответствия статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан»¹.

Противоречивость решения Конституционного Суда раскрывается в том, что всесторонне изучив и рассмотрев ходатайство и приложенные к нему материалы, пришел к выводу, что при определении соответствия статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан *не усматривается неопределенность*, которая могла бы стать основанием для возбуждения конституционного судопроизводства и проведения конституционной проверки.

---

¹ Об отказе в возбуждении конституционного судопроизводства по ходатайству гражданина Джураева Н.Х. и его полномочного представителя – адвоката Вохидовой Ф.М. / Определение Конституционного суда Республики Таджикистан от 7 января 2013 г. «Об определении соответствия статьи 47 и части 1 статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 14 и 20 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник определений Конституционного суда Республики Таджикистан (1996-2015). Душанбе : «ЭР-граф», 2015. С. 398-403; Акты Конституционного суда Республики Таджикистан в области уголовной политики (1996-2015 годы). Душанбе : Издательство «ЭР-граф», 2016. С. 134-139.

В данном контексте, все сказанное позволяет сделать следующий вывод: анализируемая конструкция преюдиции соприкасается с неточностью и несоблюдением взаимообусловленности отдельных норм и соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства при конструировании отдельных институтов. Изучив позицию Конституционного Суда относительно сущности и содержания института преюдиции, приходится констатировать, что процитированное решение не в полной мере смогло определить истинное ее значение, место и роль преюдиции в решении тех или иных спорных вопросов при осуществлении правосудия. Ориентиром для законодателя в исправлении создавшейся ситуации, может послужит выдержка из статьи 62 Модельного УПК для государств участников СНГ.

Статья 62 Преюдициальное значение процессуальных решений:

Вступивший в законную силу приговор, а также вступившее в силу другое решение суда по уголовному делу обязательны для всех органов, организаций и лиц. Данное положение не препятствует проверке, отмене и изменению приговора и других решений суда в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

4. Вступивший в законную силу приговор, а также вступившее в силу другое решение суда по уголовному делу обязательны для суда при рассмотрении гражданского дела лишь в части, устанавливающей наличие или отсутствие происшествия и причастность либо непричастность к нему подсудимого. Вступивший в законную силу приговор суда, которым признается право на удовлетворение иска, обязателен в этой части для суда при рассмотрении им гражданского дела.

5. При вынесении приговора или другого решения по уголовному делу суд не связан содержащимися в решениях органов уголовного преследования или суда выводами относительно причастности подсудимого к приписываемому ему деянию и виновности в его совершении. При этом для суда первой и второй инстанции безусловно обязательен вступивший в законную силу приговор, которым данный подсудимый был ранее осужден или оправдан.

6. Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу обязательно для органа уголовного преследования и суда, рассматривающего уголовное дело, лишь в части, устанавливающей наличие или отсутствие происшествия.

3.3. Решение Конституционного Суда Республики Таджикистан и ограничение доступа к правосудию потерпевшего и его представителя

В этой части анализа подвергается научной критике постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан от 15 мая 2012 г. «Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан» по ходатайству гражданина Бобоева Д., которое позволило выразить некоторые авторские соображения по данной проблематике. Об актуальности, новизне, недостатках и преимуществах, а также прочих аспектах данной работы судить только читателю. Коротко о проблеме:

Гражданин Бобоев Д., обратился в Конституционный Суд Республики Таджикистан с ходатайством, что 19 февраля 2010 г. его сын – Бобоев Д. был задержан сотрудниками УБОП МВД Республики Таджикистан по Согдийской области и доставлен в г. Худжанд. В ходе допроса в связи с применением противоправных действий со стороны сотрудников указанного органа его сын от полученных телесных повреждений скончался. По данному факту 25 марта 2010 г. Прокуратурой Согдийской области в отношении сотрудников вышеуказанного управления Акбарова М.Г. и Шокирова Ф.Ф. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 104, ч. 3 ст. 316, ст. 247 и 250 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, и он (отец покойного) был признан представителем умершего потерпевшего. После проведения ряда следственных действий 25 июня 2010 г. предварительное следствие по данному делу было приостановлено. Бобоев Д. утверждает, что о принятых решениях в соответствующем порядке не был ознакомлен, все его ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела оставались безрезультатными, т.е. отказывались в удовлетворении¹.

В рассмотрении ходатайства Бобоева Д. приняли участие полномочные представители Маджлиси милли, Маджлиси намояндагон и Президента Республики Таджикистан в Конституционном суде, пред-

---

¹ Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 15 мая 2012 г. «Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан по ходатайству гражданина Бобоева Д.» // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. № 2. 2012. С. 163-164.

ставители Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Совета юстиции Республики Таджикистан и других представителей государственных органов.

Конституционный Суд Республики Таджикистан всесторонне рассмотрев представленное ходатайство в соответствии с требованием Конституции и другими нормативно-правовыми актами, признал своим Постановлением соответствующей ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан восьмой абзац части второй ст. 42 УПК Республики Таджикистан.

Начнем с того, что в конце 2009 г. был принят новый УПК Республики Таджикистан. В данном законе основополагающим принципом и стержнем выступает принцип состязательности и равноправия сторон, который берет свое начало от ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан («Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»). Также требует уточнения и конкретизации вид, тип судопроизводства, который осуществляется в таком порядке. Но Конституция как действующая база законодательства покрывает своим действием все виды судопроизводств, которые имеют место быть в правоприменительной практике.

1. Анализируемое решение Конституционного Суда Республики Таджикистан ставит под сомнение всю составляющую уголовного судопроизводства Таджикистана, и прежде всего, состязательность и равноправие сторон. Следует отметить, что в данном направлении, за годы независимости в рамках активно проводимой судебной реформы в Таджикистане, были приняты ряд программ, госпрограмм и концепций в области уголовного судопроизводства (и всей системы законодательства в частности), которые одновременно закрепляют обеспечение состязательности и равноправия участников процесса на всех стадиях уголовного судопроизводства. Необходимо также указать, что Концепцией прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан и Государственной программой по реализации данной Концепции была предусмотрена законодательная деятельность, комплекс мероприятий в целях дальнейшей систематизации процессуального законодательства, где основным направлением признано совершенствование принципа состязательности и равноправия сторон в процессе (ч. 16 п. 48 п.п. «в»). В силу стараний или теоретических заблуждений составителей и разработчиков данных ключевых документов, остается некорректно сформулированной концепция о

систематизации процессуального законодательства. Скорее всего данное положение касается гражданского и уголовно-процессуального законодательств в совокупности.

2. Уместно возникает сомнение и о том, что если бы предварительное расследование по данному преступлению проводилось в соответствии со ст. 21 УПК Республики Таджикистан «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», то никаких бы препятствий для ознакомления представителя потерпевшего с материалами приостановленного уголовного дела не возникло бы у следователя органов прокуратуры Таджикистана, в производстве которого находилось данное уголовное дело. Факт фальсификации, злоупотребления и усмотрения со стороны органов расследования порой и частично создают такие искусственные преграды для потерпевших и их представителей. Также данный авторский вывод согласуется с ч. 1 ст. 12 УПК Республики Таджикистан, где указывается на обязанность суда, судьи, прокурора, следователя, дознавателя охранять права и свободы личности, участвующей в уголовном процессе, и создавать условия для их осуществления, *принимать своевременные меры к удовлетворению законных требований участников судебного процесса.*

Учет вышеизложенного положительно повлиял бы на качество предварительного расследования по данному факту, а не привел бы к приостановлению производством уголовного дела. По каким основаниям данное уголовное дело приостановлено остается неясным из анализируемого Постановления. В соответствии с ч. 1 ст. 231 УПК Республики Таджикистан приостановив предварительное следствие, следователь обязан письменно уведомить об этом потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей и одновременно разъяснить им, что постановление о приостановлении предварительного следствия может быть обжаловано прокурору в течение 5 суток, чего не было сделано в данном случае. Об этой норме в постановлении ничего не указано.

3. Данным решением Конституционный Суд Республики Таджикистан полностью поддерживает лоббизм, который впоследствии стало инструментом для госорганов и должностных лиц, осуществляющих в произвольной форме (*по своему усмотрению – Р.Ю.*) производство по уголовному делу. Мы солидарны с тем, что бывают ситуации,

обстоятельства при которых законом (ст. 25 Конституции Республики Таджикистан), предусмотрены исключительные обстоятельства, в силу которых ограничивается объем ознакомительной информации по тому или иному факту противоправных деяний, но в данном случае появился новый не знакомый юридической общественности казус (*тайна предварительного следствия по всем категориям уголовных дел – Р.Ю.*). О какой тайне может быть речи, когда качество предварительного следствия и его результаты говорят сами за себя. Следственная тайна и ограничение в доступе к правосудию граждан, организаций (юридических лиц), когда полностью сформирован обвинительный тезис (при окончании предварительного следствия) право знакомится с материалами дела для потерпевшего (пострадавшей стороны, иногда и представителя) теряет всякий смысл, процессуальный интерес.

В данном контексте решение Конституционного Суда Республики Таджикистан выглядит необоснованным и непродуманным с точки зрения доступа граждан к правосудию. Корреспондирующая ст. 25 Конституции Республики Таджикистан не находит своей должной регламентации в ст. 42 УПК Республики Таджикистан. В таком случае, признаются обоснованными и целесообразными выводы и претензии заявителя в Конституционный Суд Республики Таджикистан о несоответствии ключевой нормы (пункта, абзаца) в регламентации правового положения потерпевшего и его представителя.

Данный вывод Конституционного Суда Республики Таджикистан также опровергается следующей нормой УПК Республики Таджикистан: ст. 53 «Полномочия защитника», которая предусматривает право защитника: п. 6 ч. 2 знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, с протоколом следственных действий, произведенных с участием подозреваемого или самого защитника, с документами, которые предъявлялись либо должны были предъявлены подозреваемому и обвиняемому; п. 13 ч. 2 обжаловать действия и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи и участвовать в их рассмотрении. Не по всем же категориям уголовных дел необходимо аналогично поступать органам предварительного следствия. Да, в силу п. 1 ч. 6 ст. 53, защитник предупреждается о разглашении сведений о производстве предварительного следствия, но не по всякому же уго-

ловному делу. В данных случаях, потерпевшие (их представители) не имеют возможности, а даже и по усмотрению и подсказке следователей отказываются от помощи адвокатов (защитников), что приводит к таким случаям. В вышеизложенных нормах указывается ознакомление и владение ситуацией по обстоятельствам конкретного уголовного дела, как со стороны адвоката, так и со стороны потерпевшего и его представителя, что требует дальнейшей конкретизации и совершенствования отдельных норм УПК Республики Таджикистан.

Выводы Конституционного Суда Республики Таджикистан остаются крайне спорными, а положение потерпевшего и его представителя, загнанного в угол, крайне ужасающими. Отсюда и растут факты пыток и недозволенных методов и приемов при расследовании некоторых уголовных дел.

4. До принятия нового УПК Республики Таджикистан процессуальный статус потерпевшего был одной из острых и актуальных тем обсуждения, как в научных кругах, так и в различных средствах массовой информации. Особо дискуссионной темой являлись вопросы осуществления прав потерпевшего от преступления в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Для решения данной проблемы Верховный Суд Республики Таджикистан вынес специальное постановление «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» № 7 от 28.07.1995 г., где указывалось, что строгое соблюдение законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, является важным условием выполнения задач правосудия. Судебная практика свидетельствует, что суды в целом обеспечивают соблюдение прав потерпевших. Вместе с тем в применении названного законодательства имеются отдельные недостатки. Суды не всегда реагируют на допускаемые органами дознания и предварительного следствия нарушения процессуальных прав потерпевших. Не единичны факты, когда граждане признаются потерпевшими несвоевременно, как правило, перед окончанием расследования, что ограничивает их возможность реально пользоваться своими правами. *Нередки случаи ущемления права потерпевшего и его законного представителя на ознакомление с материалами дела с момента окончания предварительного след-*

ствия¹. Вывод неутешительный, видится необходимость решения данной проблемы, но каким путем, если разъяснения Верховного Суда Республики Таджикистан, решения Конституционного Суда Республики Таджикистан не могут повлиять на ход и исход этой проблемы, чтобы устранить всевластие органов расследования. То положение, которое закреплено в отдельных нормах УПК Республики Таджикистан и в других нормативных правовых актах не являются универсальными, тем более в анализируемой ситуации. Обстоятельное заключение будет нами предложено в конце данного анализа.

5. В соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК Республики Таджикистан все уголовные дела сотрудников органов внутренних дел расследуются со стороны следователей органов прокуратуры, за исключением уголовных дел коррупционной направленности. В таком случае, органы прокуратуры должны были тщательно проверить все обстоятельства данного уголовного дела, разрешив доступ к ознакомлению с материалами уголовного дела, и не приводит к такому унижающему состоянию личности, что негативно сказывается на авторитете органов прокуратуры. Может быть, следователь прокуратуры не усмотрел в данном уголовном деле судебной перспективы?!

6. Крайне спорным и необоснованным выглядит позиция Конституционного Суда Республики Таджикистан о том, что законодатель определил порядок в зависимости от предмета уголовного процесса, т.е. расследования преступления и его раскрытия <...> такой порядок, должен способствовать полному, объективному, беспристрастному установлению обстоятельств дел, признанию лица, привлеченного к ответственности, обвиняемым и восстановлению причиненного ущерба потерпевшему лицу. Далее <...> данный порядок отражает интересы, права и обязанности всех участников уголовного процесса, в том числе потерпевшего, и без обеспечения тайности предварительного следствия его реализация не представляется возможной. Ознакомление участников судебного процесса с материалами следствия во время предварительного следствия практически означает нарушение процесса и порядка сбора доказательств, доказывания вины и совершенного преступления. В этом случае предвари-

---

¹ Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан (1992-2003 гг.). Душанбе, 2003. С. 295.

тельное следствие как важное звено уголовного процесса, не реализовав задачи и цели ведения уголовного процесса, теряет свою правовую и социальную значимость¹.

По всей видимости, данные положения УПК Республики Таджикистан прямо и неукоснительно противоречат сложившейся и негласно утвержденной правоприменительной практике органов расследования, которое в качестве руководящих норм и принципов в своем решении использует Конституционный Суд Республики Таджикистан. Также данный вывод Конституционного Суда Республики Таджикистан в полном объеме не предусматривает положения ст. 231 УПК Республики Таджикистан. Удивительно, но факт! Как мог Конституционный Суд Республики Таджикистан придти к такому выводу, когда в правах и обязанностях потерпевшего не регламентируется ознакомление с ключевыми процессуальными документами (даже получение их копии), а именно: постановление о возбуждении уголовного дела; постановление о признании его в таком статусе; постановление о приостановлении предварительного следствия; постановление о привлечении лица к уголовной ответственности и т.д.

7. В качестве обоснования Конституционный Суд Республики Таджикистан приводит следующий аргумент: *ознакомление потерпевшего с материалами дела после завершения предварительного следствия – это не запрещение и ограничение прав потерпевшего, оно направлено на обеспечение равноправия потерпевшего с другими участниками процесса. В дальнейшем оно является основанием и фундаментом гарантии судебной защиты, которая осуществляется путем открытого судебного разбирательства, состязательности и равноправия сторон*². Не по всем категориям уголовных дел такой порядок применим. В рассматриваемом случае лицами, совершившими преступления, выступают сотрудники ОВД, на лицо злоупотребление

---

¹ Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 15 мая 2012 г. «Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан по ходатайству гражданина Бобоева Д.» // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. № 2. 2012. С. 166.

² Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 15 мая 2012 г. «Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан по ходатайству гражданина Бобоева Д.» // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. № 2. 2012. С. 167.

своими служебными обязанностями, в общем, совокупность преступлений. Здесь ни о каком равноправии сторон и речи нет и не должно быть. Данный порядок противоречит официально признанному состязательному уголовному судопроизводству в Таджикистане. Активность сторон (участников, субъектов) в отстаивании своих нарушенных прав и свобод, которое глушится п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан, выступает барьером для доступа граждан (потерпевших) к справедливому правосудию. Следует отметить и на некоторые неточности в ст. 42 УПК Республики Таджикистан: ч. 2 п. 10 регламентирует право на обжалование действий и решений властных субъектов уголовного процесса. О каких решениях и действиях может идти речь, когда потерпевший не имеет процессуального полномочия на ознакомление с вынесенными решениями властных субъектов. Частичное ознакомление с некоторыми материалами уголовного дела (только досудебное производство) и действия представителя потерпевшего в рамках установленных полномочий по защите своих прав, свобод и законных интересов, в свою очередь, является предпосылкой для полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон. Таджикский законодатель, грубо говоря, пошел по пути процессуальной и бумажной экономии, не закрепив в ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан процессуальное полномочие по ознакомлению с ключевыми документами в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу.

8. Другой оправдательный аргумент Конституционного Суда Республики Таджикистан заключается в следующем: МВД Республики Таджикистан и Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан указывается, что при осуществлении своей деятельности следует неукоснительно соблюдать требования ст. 18 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой «никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению», и для раскрытия указанного преступления и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц принять необходимые меры, предусмотренные законодательством¹.

---

¹ Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 15 мая 2012 г. «Об определении соответствия восьмого абзаца ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан ст. 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан по ходатайству гражданина Бобоева Д.» // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. № 2. 2012. С. 168.

Думается, что Конституционный Суд Республики Таджикистан прощупал тот самый «бреж», недостаток в правоприменительной деятельности обоих ведомств, в силу которых стало чрезмерно поздно возобновлять производством данное уголовное дело и хоть как-нибудь повлиять на его окончательный исход. Что собою означает данное указание Конституционного Суда Республики Таджикистан? Правоустановление, направление деятельности, итог профилактической работы обоих ведомств в борьбе с преступностью, которое декларирует Конституционный Суд Республики Таджикистан или как напутствие для будущего назидания.

9. В рамках данного исследования кажется приемлемым проанализировать суждение Ш.О. Салимзода. Как указывает в своей работе Ш.О. Салимзода, основными целями принятия нового УПК Республики Таджикистан были определены: реализация судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан; дальнейшая демократизация уголовного судопроизводства и приведение уголовного судопроизводства в соответствии с международными стандартами; усиление защиты прав и свобод человека и гражданина; укрепление статуса и роли судебной власти в Таджикистане; упрощение уголовного судопроизводства и обеспечение равноправия участников процесса на всех стадиях уголовного процесса¹. Далее Ш.О. Салимзода утверждает, что, коллектив авторов и законодательный орган, проделав огромную работу, обеспечили достижение поставленных целей.

Следует отметить, что данный вывод ни чем не обоснован, и не нуждается в дополнительных утверждениях, так как в результате подготовки и теоретических заблуждений законодательного органа или лоббирования определенных интересов, УПК Республики Таджикистан превратился в некий «симбиоз».

10. Необходимо отметить и приглашенных экспертов в рассмотрении анализируемого ходатайства. Среди них, только представители органов государственной власти, которые по существу и внесли свои «большие лепты» (непосредственно и опосредственно) через своих

---

¹ Салимзода Ш.О. Новый УПК Республики Таджикистан: основные цели и достижения // Прокурорская и следственная практика. № 1. 2011. С. 44; Он же. Реформа уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан в период независимости // Роль юридической науки в современных условиях : теория и практика : материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). Душанбе : РТСУ, 2018. С. 15-17.

представителей в разработке УПК Республики Таджикистан и вносимых поправок в него. Было бы целесообразно, впредь по рассмотрению аналогичных ходатайств в заседания Конституционного Суда Республики Таджикистан приглашать экспертов, специалистов по соответствующим направлениям уголовно-процессуального права или предварительно получать экспертное заключение (научно обоснованное или апробированное правоприменительной практикой) с научных учреждений и соответствующих кафедр ведущих ВУЗов Таджикистана.

Поэтому является очевидным, что в ст. 42 УПК Республики Таджикистан необходимо внести изменения, которые предоставляют право для ознакомления вынесенных (принятых) решений следователя или лица, в производстве которого находится уголовное дело.

В аспекте подобных решений Конституционного Суда Республики Таджикистан создается такое предположение, что автономность, самостоятельность и корректирующая деятельность по оптимизации некоторых поспешно и необдуманно закрепленных норм УПК Республики Таджикистан уходит куда-то вглубь, не говоря еще о состязательности и равноправии сторон в уголовном судопроизводстве. Такое отношение Конституционного Суда Республики Таджикистан ставит под большим вопросом доступ простых граждан к правосудию в широком смысле этого слова, когда становится невозможным и беспредметным обсуждение отдельных норм УПК Республики Таджикистан, которые создают барьер для реализации, защиты конституционных прав, свобод и законных интересов. При таком подходе, все вышеуказанные ключевые документы, подготовленные в рамках проводимой судебно-правовой реформы, приобретают характер деклараций, фикций.

Частичное, неполное и произвольное толкование норм уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан со стороны представителей Конституционного Суда Республики Таджикистан, дает основание полагать о некомпетентности решения таких проблем. Вынесенное постановление прямо противоречит, и ставит в безысходное положение потерпевшего (представителя), и не способствует полной реализации законодательных предписаний. Оптимизация и корректировка отдельных норм УПК Республики Таджикистан и других норм действующего законодательства, является своеобразным «фильтром» в совершенствовании законодательства и правопримени-

тельной практики, которую осуществляет Конституционный Суд Республики Таджикистан в своих решениях.

Также своим постановлением Конституционный Суд Республики Таджикистан ставит под «большие сомнения» положения ст. 25 УПК Республики Таджикистан, которая предоставляет потерпевшему, а в случае его смерти или неспособности по возрасту или состоянию здоровья, выражать свою волю в уголовном судопроизводстве, законный представитель или его представитель имеют право в порядке, предусмотренном УПК участвовать в *уголовном преследовании подозреваемого*¹ и (или) обвиняемого, а по делам частного обвинения имеют право выдвигать и поддерживать обвинение против соответствующего лица.

Следует также привести некоторые выдержки из СМИ Таджикистана по данной проблеме, так как в определенной мере не снизит актуальность рассматриваемой темы. Вот некоторые из них:

1. «Правозащитники также обратили внимание Комитета на неэффективность внутренних средств правовой защиты, «поскольку с момента приостановления уголовного дела прошло свыше 2 лет, однако государство не привлекло виновных к уголовной ответственности, хотя имена и фамилии должностных лиц известны и ничто не мешает их привлечению к ответственности». Романов говорит, что они неоднократно обращались с жалобами в прокуратуру Согдийской области и Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан, однако ответы были практически одного содержания с формулировкой: «В настоящее время уголовное дело приостановлено, дополнительно Вы будете проинформированы». Было использовано также право обращения в Конституционный Суд. «У нас оставалась единственная возможность обращения с индивидуальной жалобой в Комитет ООН по правам человека, который известил нас письмом за №G\SO 215\51 TJK (30) от 17 июля 2012 г., что наша жалоба от имени Джурабая Бобоева была зарегистрирована в качестве сообщения за №2173\2012», – отметил глава Независимого центра защиты прав человека.

В своем уведомлении за подписью директора отдела договоров по правам человека Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека Иброхима Саламы (Ibrahim Salama) сообщается,

---

¹ Этот пробел следует устранить в действующем УПК Республики Таджикистан предусмотренными правовыми процедурами.

что в соответствии с правилами процедуры Комитета, копия сообщения была направлена государству-участнику с просьбой предоставить Комитету информацию по данному делу в течение шести месяцев¹».

2. «Областная прокуратура проинформировала отца потерпевшего Джурабая Бобоева письмом, в котором указывается, что «по ходатайству адвоката подозреваемых Фирдавса Шокирова и Манучехра Акбарова прокуратурой Согдийской области от 30 октября этого года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с болезнью подозреваемых. Дело приостановлено до их выздоровления на основании ч. 3 ст. 230 (Основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия) УПК Республики Таджикистан», – отметил Романов. Адвокат намерен обжаловать данное постановление в Генеральной прокуратуре, т.к. считает, что дело было приостановлено незаконно, поскольку статус у данных лиц «подозреваемые», а закон устанавливает, что дело может быть приостановлено только в отношении обвиняемых. «Также мы озабочены ходом расследования, поскольку с августа этого года (когда Генеральной прокуратурой было отменено постановление о приостановлении уголовного дела от 25 июня 2010 г. в связи с незаконностью приостановления) до октября 2012 г., подозреваемые так и не были взяты под стражу, хотя преступление, в которых их подозревают, является особо тяжким. Кроме того, уголовное дело не было окончено прокуратурой Согда и не направлено в суд», – подчеркнул адвокат. Романов также намерен проинформировать Комитет ООН по правам человека, который зарегистрировал его жалобу по факту гибели Исмонбая Бобоева и направил данную жалобу для предоставления комментария и разъяснений по существу властям страны. Стоит отметить, что озабоченность ходом расследования факта гибели И. Бобоева была отражена в заключительных рекомендациях Комитета ООН против пыток правительству Республики Таджикистан.

Напомним, в феврале этого года адвокаты семьи И. Бобоева направили ходатайство, в котором просят признать п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан страны, ограничивающей права потерпевшего, как противоречащей двум статьям Конституции –

---

¹ Хамрабаева Н. Комитет ООН по правам человека рассмотрит индивидуальную жалобу по делу смерти Исмонбая Бобоева // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 03.08.2012 г.).

ст. 17 (Все равны перед законом) и ст. 21 (Закон защищает права потерпевшего. Государство гарантирует потерпевшему судебную защиту и возмещение нанесенного ему ущерба). Однако 15 мая 2012 г. в ходе открытого судебного заседания Конституционный Суд Республики Таджикистан не нашел противоречий Конституции в данной норме Закона.

«Дело в том, что отцу скончавшегося Дж. Бобоеву, как и адвокатам, на протяжении почти двух лет не предоставлена возможность изучения материалов уголовного дела. Основанием является наличие законодательной нормы, запрещающей потерпевшему или его представителю ознакомиться с материалами уголовного дела до окончания предварительного расследования», – сказал Романов. «Помимо данного ходатайства, мы неоднократно с заявлениями и жалобами обращались в Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан с требованием отмены постановления о приостановлении уголовного дела и фактическом продолжении расследования с принятием законного решения по данному уголовному делу. Однако до настоящего времени данное постановление не отменено и никаких сведений о фактическом состоянии здоровья подозреваемых, что является основанием для возобновления расследования, представителю потерпевшей стороны Дж. Бобоеву не предоставлено», – говорит адвокат¹.

3. «Суд города Худжанда сегодня частично удовлетворил жалобу Джурабоя Бобоева, отца И. Бобоева, в отношении должностных лиц прокуратуры Согдийской области. По словам адвоката Абдурахмона Шарипова, услуги которого предоставлены Независимым Центром защиты прав человека, суд признал незаконным приостановление расследования данного дела и отправил его на повторное расследование в Согдийскую областную прокуратуру.

«По нашему ходатайству суд направил запрос в медучреждения Исфары и Канибадама, которые предоставили справки о том, что еще до приостановления дела оба подозреваемых – Фирдавс Шокиров и Манучехр Акбаров действительно обращались в эти амбулаторные учреждения в связи с незначительными недугами и покинули пределы учреждений в нормальном состоянии здоровья.

---

¹ Прокуратура Согда вновь приостановила расследование дела по факту смерти Исмонбоя Бобоева // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 04.12.2012 г.).

Несмотря на это, суд 30 октября 2012 г. принял решение о приостановлении дела на основании болезни подозреваемых лиц. Причем согласно п. 3 ч. 1 ст. 230 УПК, допускается приостановление расследования уголовного дела только в связи с болезнью обвиняемого, но никак не подозреваемого (Шокиров и Акбаров - подозреваемые)», – сказал Шарипов¹».

4. «12 апреля 2013 г. суд города Худжанда частично удовлетворил жалобу отца И. Бобоева в отношении должностных лиц прокуратуры Согдийской области. Таким образом, суд признал незаконным приостановление расследования данного дела и отправил его на повторное расследование в Согдийскую областную прокуратуру.

«После этого представитель прокуратуры по Согдийской области принес частный протест с требованием отмены постановления суда г. Худжанда. Однако судебная коллегия по уголовным делам Согдийского областного суда в среду, 5 июня, рассмотрела частный протест и в его удовлетворении было отказано за необоснованностью. Иными словами, постановление суда г. Худжанда от 12 апреля 2013 г. оставлено без изменений», – сообщил «АП» адвокат представителя потерпевшей стороны Абдурахмон Шарипов, услуги которого предоставлены Независимым центром защиты прав человека. Шарипов сообщил, что в ходе судебного заседания сторона защиты обратила внимание судебной коллегии на то, что приостановление расследования было необоснованным и незаконным. «С нашей стороны были представлены соответствующие документальные доказательства. Более того, нами было отмечено, что Конституционный Суд Республики Таджикистан в своем определении от 12 мая 2012 г. постановил Министерству внутренних дел и Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан в своей деятельности обеспечить неукоснительное соблюдение требований ст. 18 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой «Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению», принять законные меры в части раскрытия данного преступления и привлечения к ответственности виновных. Однако до настоящего времени, уже спустя более одного года – это постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан

---

¹ Следствие по делу смерти Исмонбоя Бобоева будет возобновлено // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 12.04.2013 г.).

ответственными должностными лицами МВД и Генеральной прокуратуры не исполняется», – сказал адвокат¹».

5. «После официальной части презентации доклада, члены Комитета ООН по правам человека приступили к вопросам, затем после 15-минутного перерыва правительственная делегация Таджикистана, возглавляемая министром юстиции Рустамом Менглиевым, огласила свои ответы. Это был первый раунд диалога в форме «вопросы-ответы»».

По одному делу смерть доказана, расследование проведено после нескольких попыток закрытия, но судопроизводство приостановлено в связи с болезнью (кейс Исмонбоя Бобоева)².

Из всей этой дискуссии уместно возникает вопрос: были ли привлечены к дисциплинарной ответственности соответствующие должностные лица, уполномоченные в дозволенных рамках нормами УПК Республики Таджикистан всесторонне, полно и тщательно расследовать данное преступление и как отреагировали соответствующие должностные лица на постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан от 12.05.2012 г.? Приведенные выдержки и некоторые размышления в коей-мере подтверждают истину, пока обратное не будет доказано и представлено на суд общественности.

Не дожидаясь окончательного решения, отец Исмонбоя Бобоева обратился в Комитет ООН по правам человека. Решение было принято совсем недавно. В 2017 году, Комитет ООН по правам человека, рассмотрев жалобу по этому делу, признал неэффективность расследования. Он направил правительству Таджикистана обращение, отметив, что «с момента смерти Исмонбоя Бобоева прошло более семи лет, но до сих пор неизвестны точные обстоятельства смерти». В обращении говорилось, что «все еще не предъявили обвинения, не привлекли к ответственности и не передали в суд дела лиц, причастных к данной смерти, имевшей место при крайне подозрительных обстоятельствах во время содержания жертвы под стражей».

---

¹ Прокуратура Согда пыталась препятствовать расследованию смерти Исмонбоя Бобоева // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 07.06.2013 г.).

² Слушание Национального доклада Таджикистана в Комитете ООН по правам человека в Женеве о ходе реализации Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) состоялось 9 июля // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj> (дата обращения: 10.07.2013 г.).

Как отмечает Коалиция против пыток, попытки получить комментарии Генпрокуратуры в связи с этим посланием результатов не принесли.

Официальная версия утверждала, что он умер от «механической асфиксии» при западении языка. Однако отец погибшего заметил на его теле следы пыток. Позднее он добился эксгумации и нового заключения, признавшего причинами смерти «электротравму, острую сердечно-сосудистую и дыхательную недостаточность».

Расследование дела о гибели Бобоева приостанавливалось и возобновлялось 6 раз. Более того, уголовное дело в нарушение требований о подследственности было передано из прокуратуры Согдийской области в Следственное управление МВД Таджикистана.

Адвокат Абдурахмон Шарипов сообщил, что обращения и обжалования действий должностных лиц, проводящих неэффективное расследование, продолжаются в течение 8 лет.

Общественная организация «Независимый центр по защите прав человека» и адвокат Абдурахмон Шарипов, выступающий по делу Исмонбоя Бобоева, подали в суд столичного района Сино на Генеральную прокуратуру РТ, которая, по их мнению, допустила нарушение подследственности по данному делу.

По данным Коалиции, заместитель председателя суда района Сино Мирзо Одиназода подтвердил по телефону, что к ним в производство поступил иск Абдурахмона Шарипова и Независимого центра по защите прав человека.

«Мы надеемся, что будет проведено оперативное и беспристрастное расследование факта применения пыток и смерти Исмонбоя Бобоева, с привлечением к ответственности виновных лиц. Несмотря на то, что представитель Исмонбоя Бобоева – его отец Джурабой Бобоев умер, решение Комитета имеется, и наша организация продолжит обращения в соответствующие органы для его исполнения», – говорит руководитель ОО «Независимый центр по защите прав человека» Шоира Давлатова¹.

Следует также отметить, что с 2000 по 2015 годы Комитетом ООН по правам человека были зарегистрированы 32 жалобы в отношении Таджикистана. Три сообщения были признаны неприемлемы-

---

¹ По делу Исмонбоя Бобоева на Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан подали в суд // <https://novosti.tj/novosti-tadzhikistana/po-delu-ismonboya-boboeva-na-genprokuraturu-rt-podali-v-sud.html> (дата обращения: 3 июня 2018 г.)

ми, 4 прекращены. Всего Комитет ООН по правам человека в 23 случаях признал нарушения.

Соображения (решения) Комитета ООН по правам человека по индивидуальным сообщениям не были исполнены государством в связи с отсутствием надлежащего механизма¹. Данное утверждение еще раз свидетельствует об актуальности и своевременности данного исследования.

Приходится в конце анализа констатировать, что совокупность изложенных фактов и наших тезисов, ни в коей мере не умаляют достоинство и достигнутые результаты этой кропотливой работы Конституционного Суда Республики Таджикистан, и требует наивысшего мастерства и точности в выносимых решениях. Надеемся на то, что наконец-то проблема с данным уголовным делом найдет свое окончательное решение и будет вынесено законное, обоснованное и справедливое решение. Дополнительно видится необходимость продолжения конструктивного диалога по этим вопросам, где полемика будет продолжена на страницах различных научных изданий и приведет к оптимальным выводам, решениям всех заинтересованных лиц и тех, кому небезынтесна деятельность Конституционного Суда Республики Таджикистан.

---

¹ Доклад Галины Деревенченко на Национальном Форуме по верховенству закона в Таджикистане (03.11.2015 г., г. Душанбе) // Юлдошев Р.Р. Реализация прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства : монография. Душанбе: «Ирфон», 2015. С. 74.

ГЛАВА 4

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ОПЫТ, НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

4.1. Актуальные проблемы отечественного уголовного судопроизводства, препятствующие его эволюции

Уголовное судопроизводство Таджикистана переживает эпоху нового становления и развития. Прежде всего, эпоха связана с периодом проведения в стране судебно-правовых реформ, которые благополучно завершились. Завершение в свою очередь не определяет законченность периода реформ, а является своего рода подготовкой к следующему этапу.

Четыре разработанные Программы, если условно можно так выразиться, доработали отечественную систему законодательства и направлены были на улучшение только судебной системы. Единственным недостатком указанных Программ являлась их узкая специализация, т.е. только оптимизация судебной системы. В правовой части этих документов указали цель принятия нескольких нормативных правовых актов (в части ключевых кодексов). Остальные направления совершенствования поэтапно обновляются и дополняются.

Название данного параграфа исходит от тех актуальных проблем, которые создают на каждом ее этапе применения барьеры, препятствующие дальнейшему эволюционированию. Данная мысль является своего рода авторским видением трудностей, с которыми сталкиваются отечественные правоприменители. Следует заметить, что 19 изменений и дополнений УПК Республики Таджикистан не смогли кардинально решить те или иные проблемы, которые рассматриваются в данной части исследования.

Глава условно разделена на несколько подразделов, которые в свою очередь составляют основу анализа:

- *Смешанная уголовно-процессуальная модель;*
- *Возбуждение уголовных дел судами;*
- *Современная уголовно-процессуальная терминология.*

4.1.1. Смешанная уголовно-процессуальная модель

Активное участие стороны обвинения и стороны защиты в уголовном процессе, являются характерной особенностью состязательного уголовного процесса. Состязательный характер уголовного процесса есть особенность, свойственная природе уголовного процесса, всего построения уголовно-процессуальной системы. Однако отечественный законодатель во время принятия УПК Республики Таджикистан рассматривал, состязательность только как один из принципов уголовного процесса, хотя при этом презюмировал, что этот принцип лежит в основе как досудебного производства, так и всего производства по уголовным делам, т.е. уголовного судопроизводства в целом.

Представляется, что современный уголовный процесс в Таджикистане официально провозглашен состязательным, но в реальности представляет собой смешанную модель уголовного процесса. УПК Республики Таджикистан сохранил смешанную форму уголовного процесса с присущим ей предварительным расследованием при широких полномочиях органов расследования и прокурора по осуществлению уголовного преследования посредством возбуждения уголовного дела, собирания доказательств обвинения в ходе проведения предварительного расследования и разрешения на основе них обвинительных доказательств уголовного дела по существу при задержании лица в качестве подозреваемого, при вынесении постановления о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, изменении и дополнении предъявленного обвинения, при избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения, при составлении обвинительного заключения, при утверждении прокурором обвинительного заключения и при направлении прокурором уголовного дела в суд с указанным обвинительным заключением. Вдобавок ко всему изложенному, законодатель также обеспечил судам право возбуждать уголовные дела в случаях, предусмотренных законодательством и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы.

4.1.2. Возбуждение уголовных дел судами¹

В УПК Республики Таджикистан предусмотрено право суда возбуждать уголовные дела и его право принимать решения в стадии предварительного расследования по ограничению конституционных прав и свобод участников досудебного производства. В данном случае имеется в виду часть 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан, где суд наделен властными уголовно-процессуальными полномочиями влиять на ход и исход досудебного производства посредством реализации принадлежащего ему с советских времен права возбуждать уголовные дела посредством своих исключительных полномочий.

Вышеуказанные полномочия суда по возбуждению уголовного дела признано последствиями консервативной реформы, от чего многие постсоветские государства давно уже отказались².

На основании абзаца 15 части 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан за судом сохранилось принадлежащее ему с советских времен право возбуждать уголовное дело и направлять его для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы в случаях, предусмотренных законода-

---

¹ Юлдошев Р.Р. Суд – арбитр или орган уголовного преследования. Вестник Академии МВД Кыргызской Республики им. генерал-майора милиции Алиева Э.А. – Вып. № 1, 2011. С. 206-209; Регулирование Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан полномочий суда по возбуждению уголовного дела // Публичное и частное право. 2013. № 1 (XVII). С. 142-151; Регулирование Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан полномочий суда по возбуждению уголовного дела : научно-аналитический обзор. Душанбе : Издательство «Типография МВД», 2014. 40 с.; Реализация судами Таджикистана полномочий суда по возбуждению уголовных дел: статистика и факты // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 3 (33). 2015. С. 147-156; Правовое регулирование полномочий суда по возбуждению уголовного дела в Таджикистане // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 5 (28), 2016. С. 365-370; Правовое регулирование полномочий суда по возбуждению уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. Душанбе: Изд-во «ЭР-граф», 2016. 144 с.; Юлдошев Р.Р., Арипов А.Л. Правовое регулирование полномочий суда по возбуждению уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. 2-е изд., испр. и перераб. Душанбе : «Ирфон», 2017. 156 с. и др.

² Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 198.

тельством Республики Таджикистан. Анализ указанных полномочий суда свидетельствует о том, что сохранив за судом право возбуждать уголовные дела, законодатель тем самым возложил на суд функцию уголовного преследования, что противоречит части 2 статьи 20 УПК Республики Таджикистан, где закреплено что «суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд обеспечивает стороны условиями для осуществления процессуальных прав и обязанностей». Следует также заметить, что предусмотренные абзацем 15 частью 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан законоположение о праве суда возбуждать уголовные дела в *случаях*, предусмотренных отечественным законодательством, на самом деле специально не оговаривается, поскольку в УПК Республики Таджикистан отсутствуют нормы, регулирующие механизм принятия судом процессуального решения о возбуждении уголовного дела и направления указанного дела для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы. Также отсутствуют другие отраслевые нормы, которые регулировали бы анализируемые спорные полномочия суда.

В нашем случае механизм уголовно-процессуального регулирования полномочий суда по возбуждению уголовных дел точно не регламентирован в УПК Республики Таджикистан.

Необходимо отметить, что в связи с изменением и дополнением от 14 марта 2014 г., теперь в абзаце 15 части 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан словосочетание «настоящим Кодексом» заменено на «законодательством Республики Таджикистан»¹. Как нам представляется, законодатель, переосмыслив проблему решил ее исправить. Что получилось в итоге? Расширив сферу судейских полномочий, законодатель опять оставил этот вопрос нерешенным. В соответствии с каким законодательством теперь суды будут возбуждать уголовные дела и на каких основаниях, остается по крайней мере, непонятным. Какие факторы побудили законодателя на столь ответственный шаг, остается загадкой.

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. за № 1067 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» // АМО Республики Таджикистан. 2014. № 3. Ст. 142.

Усиление ссылочных норм в тексте УПК Республики Таджикистан предостаточно. Усугубляет ситуацию хаотичное состояние данного вопроса.

Представляется, что законодателю Таджикистана следовало бы закрепить в УПК Республики Таджикистан положение о том, что суд в соответствии с принципом состязательности и равноправия сторон, который предусмотрен в части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан и частью 1 статьи 20 УПК Республики Таджикистан, не должен принимать на себя роль органа уголовного преследования. Иначе получается парадоксальная ситуация: прокурор и органы предварительного расследования, являющиеся органом уголовного преследования, лицо в совершении преступления не обвиняют, а суд (судья), выполняя судебные функции, одновременно принимает решение о возбуждении уголовного дела и таким образом ставит его в положение подозреваемого или обвиняемого, где фактически указывает органу предварительного расследования, в чем должно заключаться сущность обвинения в целом.

Целесообразно, что суд (судью) необходимо во всех случаях освободить от права и обязанности возбуждать уголовное дело, особенно против конкретных лиц, поскольку возбуждение такого дела ставит суд в положение органа, возбуждающего уголовное преследование, а затем разрешающего по существу данное уголовное дело. Даже в случаях лжесвидетельства, установленного в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, суд не должен иметь права возбуждать уголовное дело¹. В таких случаях суд, рассматривающий уголовное дело по существу должен вынести частное определение² и тем самым направить необходимые материалы из уголовного дела прокурору, который в общем порядке после тщательного изучения (проведения прокурорской процессуальной проверки) и должен решить вопрос о возбуждении уголовного дела,

---

¹ Иного мнения по этому вопросу придерживается профессор З.Х. Искандаров. См.: Искандаров З.Х. Соотношение общих и специальных правил по возбуждению уголовного дела // Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (материалы республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 22 октября 2015 г.). Душанбе: «Империял-Групп», 2015. С. 87-105.

² Этот момент вытекает из ч. 2 и 3 ст. 35 УПК Республики Таджикистан.

об отказе в возбуждении уголовного дела либо о перенаправлении по подследственности данное частное определение и приложенных к нему судебных материалов.

В Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации¹, разработанного авторским коллективом Нижегородской школой процессуалистов, подошли к решению данной проблемы с другой стороны. В ч. 3 ст. 8.4 Доктринальной модели указывается, что суд обязан принять сообщение по делу частного обвинения и направить сведения для его регистрации уполномоченному государственному органу. Суд, обнаружив признаки преступления при рассмотрении судебного дела, обязан уведомить об этом прокурора.

В качестве дополнительного аргумента, считаем в пользу наших рассуждений проанализировать точки зрения ученых-процессуалистов по данной проблематике.

И.Х. Бабаджанов, исследуя проблемы действия принципа состязательности в рамках отечественного уголовного производства, отмечает, что в УПК Республики Таджикистан имеются ряд норм, которые дают право суду по своей инициативе или без участия сторон решать те или иные вопросы процессуального характера. В качестве примера он приводит ст. 35, где суду дано право возбуждения уголовного дела <...>. Все эти судебские полномочия, по мнению И.Х. Бабаджанова ограничивают действие принципа состязательности и равноправия сторон и тем самым игнорируют его реализацию².

Так, А.В. Верещагина анализируя инквизиционные аспекты действующего уголовно-процессуального законодательства Таджикистана приходит к выводу, что закрепляя право возбуждатьуго-

---

¹ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации // МАСП [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iaaj.net/node/1738> (дата обращения: 20.03.2015 г.). Более подробно см.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / коллектив авторов // под ред. А.С. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.

² Бабаджанов И.Х. Принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. Душанбе : «Ирфон», 2014. С. 54.

ловное дело и направлять уголовное дело на дополнительное расследование, законодатель возлагает на суд реализацию функции обвинения¹.

Следовательно, и Ю.В. Францифоров отдельно подчеркивает, что суд Республики Таджикистан вправе самостоятельно возбуждать уголовное дело и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы².

Следует иметь в виду, что наделив суд правом возбуждать уголовные дела и направлять возбужденные уголовные дела для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы (статья 35 часть 1 абзац 15 УПК Республики Таджикистан), законодатель в то же время не предусмотрел в УПК четкого механизма реализации данного полномочия суда. Закрепив данное полномочие за судом, законодатель ни в каких других соответствующих статьях УПК Республики Таджикистан не предусмотрел конкретной процедуры реализации этих судебных полномочий. В этой связи многие суды и судьи либо произвольно применяют свое право возбуждать уголовные дела, либо используют порядок возбуждения уголовных дел судами (судьями), который был предусмотрен статьями 3, 103-111, 257, 258, частью 2 статьи 263 УПК Таджикской ССР (в ред. 1961 г.).

Как нам представляется, анализ статистических данных, свидетельствует о состоятельности анализируемой проблемы. Для репрезентативности нашего исследования, мы проанализировали восьмилетний массив уголовных дел, возбужденных судами, в контексте рассмотрения отдельных преступлений частного характера. Отдельно приводится краткий анализ по делам частного обвинения

---

¹ Верещагина А.В. Инквизиционные аспекты действующего УПК Республики Таджикистан : некоторые вопросы // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. Душанбе : «Ирфон», 2014. С. 75-77.

² Францифоров Ю.В. Сравнительный анализ производства следственных действий ограничивающих конституционные права человека по УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. Душанбе : «Ирфон», 2014. С. 223.

в срезе действия УПК Республики Таджикистан в ред. 1961 г. и после принятия действующего закона.

Для сравнения приведем статданные только по двум статьям УК Республики Таджикистан: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и статья 116 «Побои». Всего за три года по республике различными субъектами борьбы с преступностью было возбуждено уголовных дел (поставлено на учет) по ст. 112 – 2008/515, 2009/608, 2010/202 и по ст. 116 – 2008/384, 2009/438, 2010/129 соответственно. Если в среднем подсчитать, то получается, что из двух приведенных составов преступлений за год возбуждалось 2008/899, 2009/992 и 2010/331 уголовных дел. Цитируемые статданные и их сравнение с приведенными ниже цифрами заставляет задаться вопросом о разумности и целесообразности доступа к правосудию потерпевшего и его представителей, тогда как необоснованно увеличиваются отказные решения по заявлениям и сообщениям о преступлениях (2012/8 807, 2013/10 413, 2014/17 320). Стремительный рост и снижение некоторых категорий преступлений также играет свою роль, но точечный подход и раскрытие реальной картины преступности в целом придаст ощутимых результатов при противодействии им.

После принятия и введения в действие УПК Республики Таджикистан в 2011 г. со стороны судов Республики Таджикистан было возбуждено 96 уголовных дел, из них: статья 116 «Побои» УК Республики Таджикистан – 22; статья 135 «Клевета» УК Республики Таджикистан – 22; статья 136 «Оскорбление» УК Республики Таджикистан – 4; статья 392 «Халатное отношение к службе» УК Республики Таджикистан – 44; другие преступления – 4.

В 2012 г. со стороны судов было возбуждено 82 уголовных дел, из них: статья 116 «Побои» – 12; статья 135 «Клевета» – 23; статья 136 «Оскорбление» – 4; статья 392 «Халатное отношение к службе» – 39; статья 375 «Дезертирство» – 2; другие преступления – 2.

В 2013 г. со стороны судов Республики Таджикистан было возбуждено 65 уголовных дел, из них: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 31; статья 116 «Побои» – 22; статья 247 «Мошенничество» – 2; статья 375 «Дезертирство» – 1; другие преступления – 9.

Если сравнить с прошедшим отчетным периодом (2013 – 65; 2012 – 82) спад (20,7 % или на 17 преступлений меньше) в зарегистрированных преступлениях в основном связан с декриминализацией состава клеветы и оскорбления (ст.ст. 135 и 136 УК Республики Таджикистан) из категории уголовного преступления в категорию гражданских деликтов.

В 2014 г. со стороны судов Республики Таджикистан было возбуждено 66 уголовных дел, из них: 3 тяжких преступлений; статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 33; статья 116 «Побои» – 28; статья 323 «Служебный подлог» – 1; статья 247 «Мошенничество» – 1; статья 195 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, транспортировка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» – 1; статья 200 «Незаконный оборот наркотических средств или психотропных средств с целью сбыта» – 1; другие преступления – 1.

В 2015 г. суды превзошли предыдущий отчетный период, возбудив в общем 69 уголовных дел, что на 3 преступления больше чем в 2014 г. Из общего массива 69 возбужденных уголовных дел: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 38; статья 116 «Побои» – 29; статья 375 «Дезертирство» – 1; тяжкое преступление – 1, и другие преступления – 1.

В 2016 г. суды возбудили в общем 59 уголовных дел, что на 10 преступлений меньше (-0,14 %) чем за аналогичный показатель 2015 г. Из 54 возбужденных уголовных дел: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 31; статья 116 «Побои» – 22 и другие преступления – 6¹. Уровень раскрываемости анализируемых преступлений составляет в общем 36,84 %.

В 2017 г. суды возбудили в общем 61 уголовных дел, что на 2 преступления больше по сравнению с 2016 г. (+1,03%). Из 61 возбужденного уголовного дела: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 32; статья 116 «Побои» – 26 и другие преступления – 3. Общий уровень раскрываемости преступлений составляет 33,08 %.

---

¹ Следует отметить, что в 2016 г. суды в своей деятельности навели порядок, возбудив только дела частного обвинения, но как и по показателям других годов, другие преступления все еще остаются неисследованными.

В 2018 г. суды возбудили 63 уголовных дел. Из общего массива 63 уголовных дел: статья 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 41; статья 116 «Побои» – 18; статья 323 «Служебный подлог» – 1; статья 375 «Дезертирство» – 1; и другие преступления – 2. Общий уровень раскрываемости преступлений составляет в общем 26,28 %.

Судя по статистическим данным, количество возбуждаемых судами уголовных дел из года в год колеблется, производство этих уголовных дел не приостанавливалось, раньше не возбуждались тяжкие уголовные дела, а отчетный период 2014 и 2015 гг. свидетельствуют о том, что суды возбуждали и такие категории уголовных дел. Здесь необходимо отметить, что абсолютное большинство из этих дел составляют дела частного обвинения – 77 %, другую категорию составляют уголовные дела публичного обвинения – 17 %, другие преступления – 5 % и тяжкие преступления 1 % соответственно. В общем – разнотой в судебной деятельности. Вышеизложенному свидетельствует, реальная правоприменительная практика судов (см. диаграммы № 1-4 и таблицы № 1-5).

Диаграмма № 1.

Возбуждение уголовных дел частного обвинения судами за 2011-2018 гг.

Таблица 1.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
о зарегистрированных преступлениях и возбужденных уголовных
дел частного обвинения судами
за 2011-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Общее количество возбужденных судами уголовных дел	% соотношение
1	2	3	4
2011	16 864	48	0,28
2012	16 593	39	0,23
2013	18 336	53	0,28
2014	19 352	61	0,31
2015	21 585	67	0,31
2016	21 756	53	0,24
2017	22 018	58	0,26
2018	21 957	59	0,26

Диаграмма № 2.

Возбуждение уголовных дел публичного обвинения судами
за 2011-2018 гг.

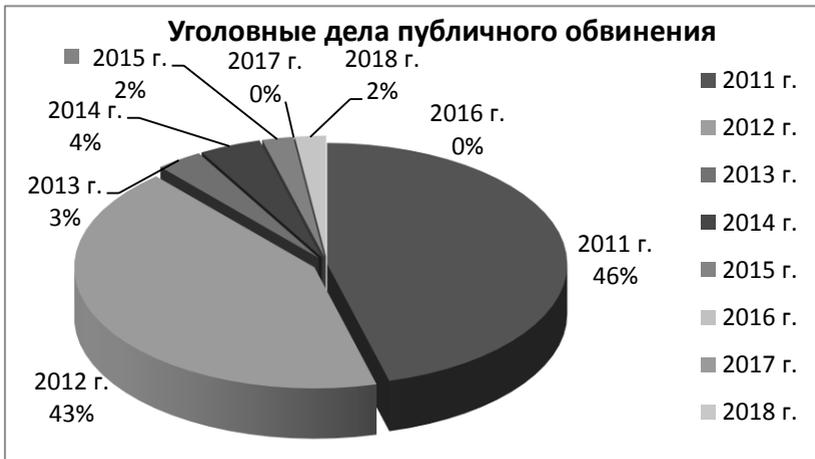

Таблица 2.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
о зарегистрированных преступлениях и возбужденных уголовных дел публичного обвинения судами за 2011-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Общее количество возбужденных судами уголовных дел	% соотношение
1	2	3	4
2011	16 864	44	0,26
2012	16 593	41	0,24
2013	18 336	3	0,01
2014	19 352	4	0,02
2015	21 585	2	0,009
2016	21 756	0	0
2017	22 018	0	0
2018	21 957	2	0,009

Диаграмма № 3.

Возбуждение других уголовных дел судами за 2011-2018 гг.

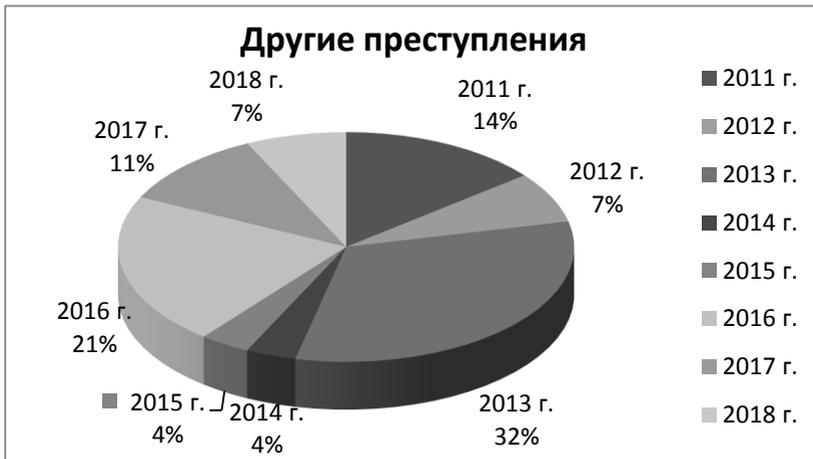

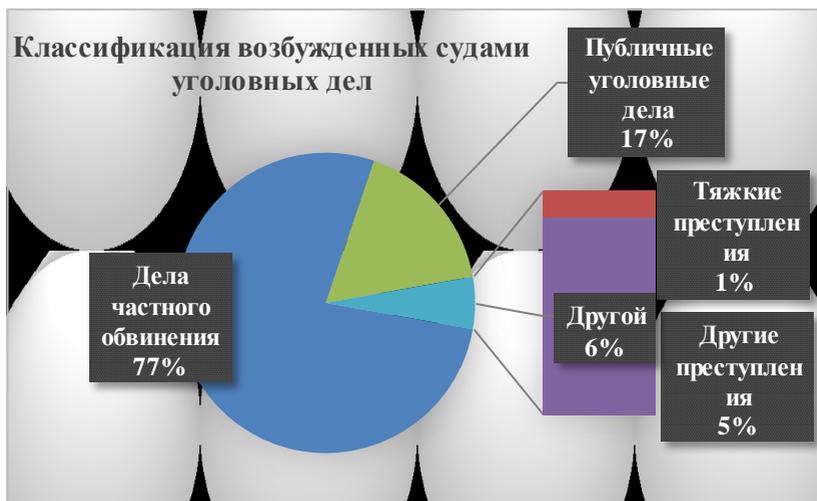
Таблица 3.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
о зарегистрированных преступлениях и возбужденных других
уголовных дел судами за 2011-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Общее количество возбужденных судами других уголовных дел	% соотношение
1	2	3	4
2011	16 864	4	0,02
2012	16 593	2	0,01
2013	18 336	9	0,04
2014	19 352	1	0,005
2015	21 585	1	0,004
2016	21 756	6	0,02
2017	22 018	3	0,01
2018	21 957	2	0,009

Диаграмма № 4.

Классификация возбужденных уголовных дел судами
за 2011-2018 гг.

Таблица 4.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
о зарегистрированных преступлениях и возбужденных уголовных
дел судами за 2011-2018 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Общее количество возбужденных судами уголовных дел	% соотношение
1	2	3	4
2011	16 864	96	0,56
2012	16 593	82	0,49
2013	18 336	65	0,35
2014	19 352	66	0,34
2015	21 585	69	0,31
2016	21 756	59	0,27
2017	22 018	61	0,27
2018	21 957	63	0,28

Проанализированные данные цифры и факты дополнительно аргументируют хаотичное состояние проанализированных спорных полномочий судейского корпуса, доказывающий смешанный тип отечественного уголовного судопроизводства, которое вносит неясность в структуру органов, осуществляющих уголовное преследование и тем самым, не разграничивает их процессуальные функции, что и создает недопонимание в уголовно-процессуальной деятельности (см. таблица 5).

Учетно-регистрационная дисциплина, как мы все знаем – это гибкая материя, и думаем, что она удержит все колебания и старания правоприменительной практики с учетом переосмысления передового опыта и внедрения новых технологий в деятельность законодательных органов в контексте устранения спорных полномочий органов государственной власти.

Таблица 5.

**Общее количество возбужденных уголовных дел судами
и их постановка на учет за 2011-2018 гг.**

№ п/п	Субъект регистрации	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Согдийская область	6	18	9	9	16	6	9	3
2	Хатлонская область	39	37	23	29	34	28	32	35
3	ГБАО		1					1	
4	г. Душанбе	24	6	8	10	5	7	10	5
5	р. И. Сомони	6	1		3				1
6	р. Шохмансур	5	2	2	2		4		
7	р. Фирдавси-1	5		3		2		1	
8	р. Сино-1	1	3	1	1				
9	р. Сино-2	7		2	4	3	2	9	4
10	РРП	27	20	25	18	14	18	9	20
11	р. Варзоб	5				1			
12	р. Гиссар	5	2	5	2	2		2	3
13	г. Вахдат	4	6	7	9	8	15	4	6
14	р. Рудаки-1	6	6	3	2		2	2	4
15	р. Рудаки-2						1		
16	г. Турсунзода	5	3	5	3	3			2
17	р. Шахринав				1			1	
18	р. Файзобод		1	1					5
19	г. Рогун	2	2		1				
	Всего по республике	96	82	65	66	69	59	61	63

В заключении следовало бы определить современное состояние, перспективы развития и решения анализируемой проблемы. Тенденция, которая охватила законодателя, правоприменителя и научную общественность выглядит аморфной с учетом хаотичных решений законодательного корпуса. Тщательный анализ и освобождение судебных органов от несвойственных им в настоящее время (по сути и содержанию) обвинительных полномочий является пре-

рогативой решения данной проблематики, которая способна создать беспристрастный и независимый судебный корпус, призванный справедливо решать вопрос о виновности или невиновности лица, совершившего преступление, а в некоторых случаях реабилитация невиновного, и других судебных полномочий, не связанных с обвинением. Обвинительный уклон в деятельности судов Таджикистана присутствует. В таких случаях усмотрение судьи (судей), внутреннее убеждение и соответствующая квалификация судьи (судей) должны играть главную и решающую роль в решении тех или иных проблем. Следует также указать и на «телефонное право», которое искореняет все и вся. Проанализированное думается, не заставить себя долго ждать. Рано или поздно законодатель приведет все в порядок. Решение за законодателем.

4.1.3. Современная уголовно-процессуальная терминология

Вопрос терминологии уголовно-процессуального законодательства Таджикистана стал актуальнее с принятием нового УПК Республики Таджикистан. Принятый закон также не смог решить все проблемы, связанные с формулировкой названия тех или иных процессуальных институтов, а то и с простейшими наименованиями следственных действий и процессуальными статусами должностных лиц (*дознательские действия, начальник дознательного подразделения и др.*).

Заблуждения авторов-разработчиков началось с отталкиванием в процессе подготовки проекта УПК Республики Таджикистан от соответствующих ученых-процессуалистов, юристов-лингвистов, которые могли бы подсказать или направить в русло идентичного оформления терминологию отечественного уголовно-процессуального законодательства. Внося что-то новое, не всегда удается сохранять то самое лучшее, которое стало для всех обиходным и понятным. Увы, но данная тенденция стала традиционной для нас. Мы не упоминаем о несоответствии текста УПК Республики Таджикистан на русском языке – таджикскому, а иногда и наоборот. Все это порождает единую мысль, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании и в дополнительном согласовании с другими корреспондирующими нормами законодательных актов.

УПК Республики Таджикистан скорее в первичном варианте был принят на таджикском – государственном языке и позже был переведен на русский язык. Отсюда, как нам кажется, и все эти проблемы терминологии, а то и в тексте грубые упущения, пробелы, а местами даже расхождения. Иногда, по истечении пяти лет действия УПК Республики Таджикистан и активного ее восхваления в отдельно взятых научных кругах, со стороны активно пишущих и говорящих ученых и начинающих, все еще чувствуется слабая проработка данного текста и неграмотная ее оптимизация в форме интенсивного внесения изменений и дополнений.

Как показал анализ, периоду подготовки и принятия УПК Республики Таджикистан предшествовало отсутствие систематичности и учета всех требований законодательства к специфике терминологии. По справедливому утверждению доцента А.Р. Нематова, с принятием закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» в ст. 6 было закреплено положение о том, что нормативные правовые акты Республики Таджикистан разрабатываются и принимаются на государственном языке. В предусмотренных законодательством случаях, нормативные правовые акты переводятся на другие языки¹. Начиная с 11 марта 2010 г. и до 28 июня 2011 г. все нормативные правовые акты в Таджикистане стали приниматься на государственном языке, что стало определенной трудностью и легкостью для парламентариев. Здесь же остро встал вопрос о переводе этих актов, что было возложено на Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан, с которым последний не смог справиться в силу сложившихся обстоятельств, как объективных, так и субъективных. Нашли решение, внесли изменения и дополнения в закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», что частично упростило работу и все стало на свои места. Опять забыли о терминологии и переводе текстов.

Как справедливо указывает профессор Д.А. Керимов, задача законодателя добиться максимальной точности для понимания предписаний законов всеми, к кому они обращены. Требования точности законодательного текста предполагает его однозначное понимание исключающее возможность его произвольного толкования и искажения;

---

¹ Нематов А.Р. Проблемы перевода нормативных правовых актов в Таджикистане: вопросы совершенствования техники и пути решения проблемы // Законодательство. № 1. 2012. С. 4.

в процессе судебной практики одно из основных требований, предъявляемых к законодательному языку – его ясность¹.

В соответствии с Законом Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», терминология нормативного правового акта должна формироваться с использованием общепонятных слов и словосочетаний. Один и тот же термин в нормативном правовом акте должен употребляться в одном значении и иметь единое содержание. При необходимости уточнения терминов и понятий, используемых в нормативном правовом акте, в нем помещается статья (часть, пункт), разъясняющая их значение. Специальная терминология может использоваться в нормативном правовом акте только в том понимании, в каком она употребляется в соответствующей специальной области. Специальная терминология должна поясняться в нормативном правовом акте (ст. 50 «Терминология нормативного правового акта»).

Приведенные законодательные установки еще раз подтверждают оторванность текста УПК Республики Таджикистан от трудов ученых соответствующих специальностей и профессионалов. Здесь же является актуальным цитирование профессора В.М. Савицкого, который утверждал, что неопределенная терминология, отражающая аморфность, неопределенность системы понятий, снижает информационные возможности закона, отрицательно сказывается на правоприменении, ведет к нескончаемым и бесплодным спорам в теории и на практике². О некоторых терминологических неясностях текста УПК Республики Таджикистан также утверждают К.И. Пулатов и А.Х. Авзалов³.

Слабыми точками терминологии уголовно-процессуального закона являются, к примеру: в ч. 2 ст. 114 УПК Республики Таджикистан в таджикском варианте для обозначения штрафа использовано словосочетание «минимальный размер оплаты труда», тогда как вся карательная система (имеется ввиду уголовная юстиция и ее политика) отказа-

---

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1998. С. 62-63.

² Савицкий В.М. Язык процессуального закона. М., 1987. С. 23.

³ Пулатов К.И. К вопросам совершенствования уголовно-процессуального законодательства : об уточнении понятия органа дознания по УПК Республики Таджикистан // Проблемы применения законодательства в современный период : теория и практика : материалы республиканской научно-практической конференции (г. Худжанд, 28 ноября 2013 г.). Худжанд : «Ношир», 2014. С. 367-372; Авзалов А.Х. Языковые проблемы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Правовая жизнь. 2014. № 3 (7). С. 45-52.

лись от этого термина и разработали «показатель для расчетов»¹, который определяет ту самую сумму взыскания и в свою очередь используется в тексте УПК Республики Таджикистан на русском языке.

Аналогично была отшлифована и ч. 3 ст. 9 УПК Республики Таджикистан. В тексте были заменены некоторые таджикские термины. Тем же законом и была отредактирована ч. 3 ст. 12 УПК Республики Таджикистан. Заменены термины «участники дела» на «участникам уголовного судопроизводства».

Здесь же: ст. 43 УПК Республики Таджикистан, которая определяет дефиницию частный обвинитель, аморфно закрепляла подачу заявления в суд с его стороны. Внесли поправку, исправили ошибку текстуально, но забыли внести соответствующее изменение и в п. 2 ст. 6, которая дублирует данную дефиницию.

К примеру, ст. 5 ч. 2 начинается словами «Процессуальные действия <...>», тогда как, данная норма на таджикском языке обозначается как «производство по делу», что искажает суть цитируемой нормы закона.

Далее проанализируем основные понятия, которые используются в УПК Республики Таджикистан. Помимо того, что данные понятия изложены не в алфавитном порядке, так они же в свою очередь неправильно разъясняют сущность понятий и словосочетаний. В этом же ключе и п. 4 ст. 6 УПК Республики Таджикистан изложена, которая в искаженной форме определяет субъектов уголовного судопроизводства. Грубейшие терминологические нарушения, но как же с ними быть? Ответ очевиден.

Подкорректировать весь текст УПК Республики Таджикистан и внести данные изменения выглядит с одной стороны абсурдным, но с другой стороны подталкивает на переработку текста и ее переосмысление в соответствующем порядке.

Резюмируя все вышеизложенное, следует констатировать тот факт, что разработка и принятие, а также перевод УПК Республики Таджикистан и согласование текста стало феноменом в данной области.

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 05 января 2008 г. за № 350 «О показателе для расчетов» // АМО Республики Таджикистан. 2008. № 1. Ч. 2. Ст. 15. В 2018 г. один показатель для расчетов составлял 50 сомони, но в соответствии со ст. 23 Закона Республики Таджикистан «О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2019 год» от 26.11.2018 г. за № 1553 для 2019 г. этот показатель стал равен 55 сомони.

ти. Перевод превзошел все уровни. Искажение и расхождение, неправильное толкование, неясность терминологии и прямые противоречия способствуют редактированию текста УПК Республики Таджикистан с учетом всех особенностей государственного языка и языка межнационального общения¹. Поднятие уровня смыслового содержания текста УПК Республики Таджикистан станет реальным воплощением всех идей новаторов и устранением частично указанных недостатков. Главное, чтобы над текстом работали специалисты своего дела.

За основу можно взять Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Правил орфографии таджикского языка» от 4 октября 2011 г. за № 458. Другим конструктивным решением может стать согласование УПК Республики Таджикистан на предмет точности формулировок, используемых в тексте на таджикском и русском языках с учетом особенностей юридической терминологии.

Как указывается в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. в некоторых случаях в действующем законодательстве использована неопределенная, разнозначная таджикская терминология, что конкретно умаляет содержание норм права. Язык закона является одним из основных факторов повышения его качества и содержания. В связи с этим, одним из приоритетных направлений совершенствования правотворческой деятельности является разработка и использование таджикской юридической терминологии или заменяющих их в законодательстве. При использовании той или иной терминологии в действующем законодательстве необходимо обратить внимание не только на простоту, ясность и доступность терминов, но и на охват ими соответствующего понятия и содержания, которые исключают разное толкование норм, обеспечивая их единообразное применение. Отсюда следует необходимость в будущем подготовить Энциклопедию юридической терминологии Таджикистана.

Проанализированные нами проблемы и рекомендации являются своего рода ориентиром в исправлении системных ошибок, которые были допущены при кодификации уголовно-процессуального законодательства.

---

¹ Об этом пороке УПК Республики Таджикистан см. : Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 67-122.

4.2. Современное состояние концепции уголовного преследования в доктрине отечественного уголовного судопроизводства

Традиционно, как и во многих уголовно-процессуальных законодательствах эпохи Советского союза, уголовное преследование как уголовно-процессуальный институт не был закреплен в нормах ранее действовавшего УПК Республики Таджикистан в ред. 1961 г.¹. Вместо уголовного преследования в нем фигурировал институт возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что уголовное преследование является емким, комплексным и действенным институтом уголовно-процессуального права Таджикистана.

Также стоит отметить, что институт «уголовное преследование» активно используется в УПК ряда стран СНГ и его содержание в таджикском уголовно-процессуальном законодательстве основывается, как показывает изучение, на нормах Модельного УПК для стран-участников СНГ². УПК Республики Таджикистан сохранил предложенную конструкцию анализируемого определения из Модельного УПК стран СНГ, заменив лишь некоторые термины. Так, в п. 24 ст. 6 УПК Республики Таджикистан, закреплено следующее понятие: *«уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер»*.

Законодательное определение уголовного преследования в УПК Республики Таджикистан является прогрессом в области национального уголовного судопроизводства. В данном определении отсутст-

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 31 августа 1991 г. за № 378 «Об изменении названия Таджикской ССР и внесении изменений в Конституцию (Основной закон) Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. № 18. Ст. 226.

² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 г. М.: Изд-во МПА СНГ, 1996.

вует указание на то с какого момента она возникает и при прекращении, какие юридические последствия наступают. Положительным является указание о том, какие именно участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделены соответствующей функцией. Но в данном законодательном определении имеют место быть и дискуссионные положения. Таджикский законодатель необоснованно включил в него только деятельность по привлечению лица в качестве обвиняемого, и предусмотрел в качестве основной цели уголовного преследования **«установление деяния, запрещенного уголовным законом»**.

Переходя к анализу содержания нормативных правовых актов правовой реформы и суждению отечественных ученых-процессуалистов о доктрине уголовного преследования, ее формах и содержании этой функции, следует сделать оговорку, что мнения кардинальным образом расходятся, иногда противоречат и невооруженным глазом просматривается непоследовательность суждений и точек соприкосновения. Не претендуя на истинность своих суждений, все-таки отметим, что в коей мере все эти точки зрения на этом же этапе формируют концепцию рассматриваемой проблемы и вносят свою лепту для дальнейших научных изысканий, а с другой стороны являются продуктом для научной критики.

К примеру, анализируя место прокурорского надзора с уголовным преследованием, З.Х. Искандаров утверждает, что нельзя в УПК Республики Таджикистан определять функции прокурора в уголовном процессе только как уголовное преследование, поскольку она является методом, способом осуществления прокурорского надзора¹.

Аналогичного мнения по данной проблеме придерживается также И.Т. Махмудов, который указывает на то, что прокурорский надзор в сфере законного проведения предварительного расследования – это средство реализации уголовного преследования. Далее цитируемый автор приходит к выводу, что на всем протяжении производства по уголовному делу, прокурор осуществляет уголовное преследование. И здесь же он утверждает, что прокурор как государственный обвинитель в судах по уголовным делам осуществляет уголовное преследование виновных лиц посредством их вы-

---

¹ Искандаров З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 2010. С. 33.

явления в процессе предварительного расследования и затем в судебных заседаниях¹.

Х.Д. Юлдошев указывает также на несоответствие названия главы 3 УПК Республики Таджикистан «Основания для отказа и для прекращения производства по уголовному делу», где содержатся некоторые нормы об уголовном преследовании с ее содержанием и предлагает исправление данного пробела путем внесения изменений и дополнений. Далее цитируемый автор утверждает о главенстве роли прокуроров в осуществлении уголовного преследования², что признать бесспорным постулатом, крайне дискуссионно и не находит своего должного подтверждения даже со стороны уголовной статистики.

Принятая Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, согласно которой: а) в целях укрепления прокурорского надзора по точному и единообразному соблюдению законов, вытекающих из Конституции Республики Таджикистан, требуется усовершенствование Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан, б) подлежит повышению роль прокуратуры в осуществлении уголовного преследования и в) подлежит повышению роль прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора. При этом второе направление призвано повысить эффективность уголовного преследования как за счет возрастания активной деятельности самих прокуроров, так и за счет инициирования прокурорами активной деятельности органов расследования по осуществлению уголовного преследования, а также за счет усиления роли прокуроров в рассмотрении судами уголовных дел посредством установления обязанности прокуроров поддерживать государственное обвинение в судах по всем уголовным делам.

Здесь следует заострить внимание правоприменителя и всех кому небезынтересна участь современного уголовного судопроизводства на одном большом недостатке – предложение: об *«усилении роли проку-*

---

¹ Махмудов И.Т. Осуществление прокуратурой уголовного преследования // Актуальные вопросы судебного права, прокурорской деятельности и пресечение преступности в Республике Таджикистан (материалы научно-теоретических конференций) / под редакцией Махмудова И.Т. Душанбе: «Просвещение и Культура», 2013. С. 19.

² Юлдошев Х.Д. Возникновение и развитие уголовного преследования как направление деятельности органов прокуратуры Республики Таджикистан // Законность. 2012. № 3. С. 83-84.

роров в рассмотрении судами уголовных дел посредством установления обязанности прокуроров поддерживать государственное обвинение в судах по всем уголовным делам». В соответствии с ч. 1-2 ст. 279 УПК Республики Таджикистан прокурор участвует в судебном заседании только по делам публичного и частно-публичного обвинения. Думается, что такая формулировка совсем не соответствует логике и содержанию УПК Республики Таджикистан и правовому статусу прокурора в уголовном судопроизводстве. Здесь не указывается вычленение анализируемого положения разработчиков, а авторская интерпретация смысла и сущности данных нововведений, которое скорее покажет свою мощь и эффективность при реализации.

Внедрение подобных необоснованных конструкций, создаст дисбаланс в уголовно-процессуальной деятельности стороны защиты и обвинения.

Повышение роли прокурорского надзора будет осуществляться: за счет интенсификации прокурорами процессуального руководства деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования, а также за счет интенсификации прокурорско-надзорной деятельности по обеспечению безусловного соблюдения прав, свобод и законных интересов всех участников досудебного производства (Ч. 13, п. 44 данной Концепции).

Целью реализации Государственной программы по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг. (далее – Госпрограмма), которая утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 01.03.2012 г., за № 97 является обеспечение выполнения требований Конституции Республики Таджикистан и решения актуальных проблем системы законодательства Республики Таджикистан, определения основных направлений и способов совершенствования законодательства в соответствии с принципами независимого, демократического, правового, светского, унитарного и социального государства.

Как и Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, данная Госпрограмма ставит на первое место в деятельности прокуроров – осуществление уголовного преследования, а затем прокурорский надзор. Госпрограмма в ка-

честве одного из приоритетных направлений выбрала *повышение эффективности деятельности по уголовному преследованию и надзору за исполнением законов при расследовании уголовных дел* (§ 2. п. 10).

Следует отметить, что данные архиважные документы судебно-правовых реформ Таджикистана внесли неясность в направление деятельности органов прокуратуры в сфере осуществления уголовного преследования. В действующем Конституционном законе Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры» ничего не говорится об уголовном преследовании. И.Т. Махмудов выдвигает аналогичную гипотезу, что Конституционный закон РТ «Об органах прокуратуры» не определяет уголовное преследование: его цели; является ли она функцией; направлением деятельности; правом; обязанностью или полномочием. Здесь же следует согласиться с утверждением И.Т. Махмудова¹, что было бы целесообразнее внести изменения в виде соответствующих положений в указанный конституционный закон, закрепляющий основы прокурорского уголовного преследования.

Если в общем то И.Т. Махмудов определяет уголовное преследование следующим образом: «Уголовное преследование – это процессуальная деятельность прокурора, следователя и дознавателя в целях собирания доказательств о виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления с целью дальнейшего справедливого разрешения и рассмотрения уголовного дела»².

Уголовное преследование, которое осуществляется со стороны органов прокуратуры, в совокупности составляет несколько направлений: возбуждение уголовного дела, проведение предварительного следствия по преступлениям, которые подведомственны прокуратуре и одновременно по любым преступлениям; поддержание государственного обвинения в суде³. Крайне спорное утверждение в данном абзаце это: *проведение предварительного следствия по преступлению*

---

¹ Махмудов И.Т. Осуществление прокуратурой уголовного преследования // Актуальные вопросы судебного права, прокурорской деятельности и пресечение преступности в Республике Таджикистан (материалы научно-теоретических конференций) / под редакцией Махмудова И.Т. Душанбе: «Просвещение и Культура», 2013. С. 154-165, 166.

² Махмудов И.Т. Указ. раб. С. 161-162.

³ Махмудов И.Т. Указ. раб. С. 164.

ям, которые подведомственны прокуратуре и одновременно по любым преступлениям.

Прокурор в процессе осуществления уголовного преследования с целью проведения всестороннего, полного и оперативного расследования уголовного дела проводить ряд организационно-распорядительных действий. Например, уголовное дело от одного следователя передает другому следователю, от одного следственного органа другому следственному органу и одновременно с целью расследования сложных преступлений создает следственную группу¹. Необходимо указать, что цитируемый автор здесь спорно определяет полномочие прокурора по передаче уголовного дела от одного следственного органа другому следственному органу. Такое полномочие прокурора в уголовном судопроизводстве сужено в связи с четкой определенностью подследственности уголовных дел коррупционных составляющих, которые основаны на положениях ст.ст. 161, 168, 169 УПК Республики Таджикистан. Изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 983 специально еще раз конкретизировали полномочие прокуроров в данном направлении, что не требует дополнительных утверждений.

В конце своей работы И.Т. Махмудов полностью уточняет функцию прокурорского уголовного преследования как: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; со стороны прокурора или следователя прокуратуры привлечение к ответственности в качестве обвиняемого; утверждение обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд и поддержание государственного обвинения в суде². Данное определение признать оптимальным выглядит дискуссионным, так как в нем отсутствуют основные процессуальные решения и действия, которые и образуют весь этот реальный механизм реализации прокурорского уголовного преследования.

А.А. Джонаков, определяет уголовное преследование в общем смысле как предусмотренную уголовно-процессуальным законом деятельность компетентных органов государства (органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора), а также потерпевшего и частного обвинителя, направленная на установление общественно

---

¹ Махмудов И.Т. Указ. раб. С. 164.

² Махмудов И.Т. Указ. раб. С. 166.

опасного деяния, и изобличение лица, его совершившего¹. В данном определении трудно представить себе уголовное преследование как деятельность потерпевшего и частного обвинителя, когда в реальности они лишь участвуют в осуществлении (реализации) функции уголовного преследования и не могут осуществлять те процессуальные действия и принимать процессуальные решения, которые составляют эту функцию.

Далее, А.А. Джонаков определяет сущность уголовного преследования как соответствующее назначению уголовного судопроизводства осуществление деятельности по предоставлению лицу статуса подозреваемого и обвиняемого, производству следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства, избранию в отношении лица мер пресечения, санкционированию прокурором ходатайств следователя (дознателя) об избрании меры пресечения, если это возможно не иначе как по судебному решению, утверждению прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта), а также по участию представителей стороны обвинения в судебном разбирательстве и на стадии исполнения приговора при рассмотрении судом вопросов о замене осужденному наказания в случае злостного уклонения от его отбывания².

С изложенными в авторском определении некоторыми компонентами трудно согласиться, в первую очередь с собиранием обвинительных доказательств, с участием представителей стороны обвинения в судебном разбирательстве. Представители стороны обвинения, бесспорно участвуют, но осуществляют ли они уголовное преследование? Во-вторых, стадия исполнения приговора и рассмотрение судом вопросов о замене осужденному наказания в случае злостного уклонения от его отбывания это сугубо частные вопросы уголовно-исполнительного производства и регулируются соответствующим законодательством. Уместно возникает вопрос, как осуществляется уголовное преследование на этих стадиях или этапах, когда лицо фактически уже привлечено к уголовной ответственности, а последствия наступают по мере их выявления.

---

¹ Джонаков А.А. Уголовное преследование, осуществляемое прокурором в уголовном процессе Республики Таджикистан и Российской Федерации. М. : Изд-во Юрлитинформ, 2013. С. 5.

² Джонаков А.А. Указ. раб. С.49.

Резюмируя все проанализированное, можно предложить следующее развернутое авторское определение функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве: *«функция уголовного преследования – это процессуальная деятельность, осуществляемая в установленном законом порядке специально уполномоченными государственными органами, должностными лицами и направленная на: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, принятие решений о предоставлении лицу статуса подозреваемого и (или) обвиняемого, избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения, производство следственных действий, прекращения уголовного дела или уголовного преследования; составление обвинительного заключения, утверждение прокурором обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд и поддержание государственного обвинения в судах различных инстанций.*

Не претендуя на истинность наших суждений, считаем, что предложенное определение в равной мере выглядит взвешенной, оптимальной на сегодняшний день и демонстрирует всю мощь и арсенал всех уголовно-процессуальных средств, используемых для полного и объективного осуществления уголовного преследования в различных стадиях уголовного судопроизводства.

4.3. Возбуждение уголовного дела : традиции и инновации

В науке уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела посвящено немало фундаментальных научных трудов, которые впоследствии стали основными ориентирами при регламентации и совершенствовании данного института в нормах уголовно-процессуальных законодательств, как России, так и Таджикистана. Сравнительно-правовой анализ в научных исследованиях и при изучении данного института уголовно-процессуального права играет немало важную роль. Следует отметить утверждение профессора А. Г. Халиулина, что наиболее дискуссионными в науке уголовного процесса проблемами являются существование стадии возбуждения уголовного дела и его соотношение с уголовным преследованием¹.

Об актуальности и сложности решения в законодательстве, теории и практике уголовного процесса комплекса частично обозначенные проблемы в заглавии, свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. В свое время еще в советских юридических изданиях господствовало мнение, согласно которому уголовное преследование начинается с возбуждением уголовного дела, и процессуальное решение о начатии данной стадии именовалось возбуждением уголовного преследования.

В науке уголовного процесса существуют различные мнения относительно определения начального момента осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Профессор В. П. Божьев начало осуществления уголовно-процессуальной деятельности считает моментом поступления в компетентные государственные органы официальной информации, указывающей на признаки преступления². Эта точка зрения наиболее полно отражает правовую природу поводов и основания к инициированию возбуждения уголовного дела и выполнения отдельных процессуальных действий, предусмотренных УПК. Отсюда вытекает вывод, что любые действия, выполняемые дознавателем, следователем и прокурором в связи с проверкой информации о

---

¹ Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 154.

² Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 123.

совершенном преступлении и принятием решения, в соответствии со статьей 144 УПК Российской Федерации и статьей 145 УПК Республики Таджикистан, представляют собой уголовно-процессуальную деятельность.

Вместе с тем, профессор А. П. Кругликов после тщательного анализа норм УПК Российской Федерации приходит к выводу о том, что при наличии в полученном сообщении признаков преступления всегда необходимо возбуждать не уголовное дело, а уголовное преследование – без проведения какой-либо предварительной проверки. Далее он отмечает, что соответствует данный вывод и содержанию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК Российской Федерации, в соответствии с которым постановление прокурора направляется в орган предварительного расследования именно для решения вопроса об уголовном преследовании¹.

Возбуждение уголовного дела в настоящее время выделяется в самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, с которой начинается уголовный процесс. Одно из ранних упоминаний о возбуждении уголовного дела встречается в Положении о военных следователях от 30 сентября 1919 г.². Первые советские УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. предусматривали процедуру возбуждения уголовного дела, но не выделяли возбуждение уголовного дела в самостоятельную стадию досудебного производства. С принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в 1958 г. порядок возбуждения уголовного дела был достаточно подробно регламентирован в принятых УПК союзных республик, и определялся как отдельная стадия, предшествующая стадии предварительного расследования.

Необходимо отметить, что специальной нормы о порядке возбуждения уголовного дела не было в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1922, 1923 гг. Введена была эта норма Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, однако в законе эта норма появилась лишь в 1960 г. В странах континентальной (романо-германской) и англосаксонской (американской) системами

---

¹ Кругликов А.П. Что возбуждать : уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 57-59.

² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов // под. ред. Голунского С.А. М., 1955. С. 104.

правосудия¹ порядок возбуждения уголовного дела отсутствует. Во многих ведущих странах Европы за органами прокуратуры закреплено право возбуждать уголовное преследование. Содержание функции уголовного преследования в этих ведущих странах, как утверждают С. П. Щерба и В. Н. Дадонов, неизменно состоит, из возбуждения уголовного дела (инициация уголовного преследования), с которого, собственно, оно и начинается².

Институт возбуждения уголовного дела в законодательном процессе прошел довольно сложный путь. История уголовно-процессуального законодательства современного Таджикистана тому явное подтверждение. С 1 июля 1926 г. Президиум ЦИК Узбекской ССР ввел в действие на всей территории Узбекской ССР и Таджикской ССР первый УПК Узбекской ССР³, который, подвергаясь некоторым изменениям, действовал на территории Таджикистана до 1929 г.

В связи с преобразованием Таджикской АССР в отдельную Союзную социалистическую республику все законодательство Узбекской ССР в соответствии с решением ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19.12.1929 г. за № 42 продолжало действовать до издания законодательными органами Таджикской ССР соответствующего законодательства или отмены ранее действовавшего. ЦИКом Узбекской ССР 29 июня 1929 г. был принят и введен с 1 августа того же года в действие новый УПК Узбекской ССР.

Обзор законодательных актов, принятых Правительством Таджикской ССР за период 1929-1935 гг., свидетельствует о том, что исходя из потребностей судебно-следственной практики, принималось несколько десятков нормативных актов, регулирующих деятельность органов следствия и суда Таджикской ССР.

Первый УПК Таджикской ССР в соответствии с постановлением Президиума ЦИК республики от 15.08.1935 г. был введен в действие с 25.08.1935 г. Этим же постановлением на территории Советского Таджикистана отменялся УПК Узбекской ССР. УПК Таджикской ССР

---

¹ Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы досудебного производства и совершенствование УПК Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М., 2007. С. 331.

² Щерба С.П., Дадонов В.Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. № 6. 2011. С. 53.

³ Собрание Уложений. 1926. № 1-2. С. 53.

1935 г. состоял из 14 глав, содержащих всего 154 статьи. В первой главе также содержались нормы, определяющие обязанности органов расследования, прокуратуры и суда возбуждать уголовное преследование по каждому преступлению.

Следует заметить, что в УПК Таджикской ССР 1935 г. возбуждение уголовного дела и уголовного преследования не только не разграничивались, но они, несмотря на их существенное отличие, отождествлялись. Признать такой факт удачным, разумеется, нельзя. В этой связи отмечаем, что возбуждение уголовного преследования осуществляется при наличии преследуемого лица, а уголовное дело может быть возбуждено и при наличии самого факта, события преступления, хотя еще и неизвестно конкретное лицо, которое может быть привлечено к ответственности в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Такое различие имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Нередки случаи, когда, обнаружив факт того или иного преступления и не располагая данными, указывающими на то, кем оно совершено, возбуждать уголовное преследование нельзя, но органы расследования не могут не реагировать на факт совершенного преступления. Единственный способ их реагирования в подобных случаях – возбуждение уголовного дела по факту преступления¹.

Таким образом, можно прийти к общему выводу о том, что в то время в законодательных нормах не было никаких разграничений в порядке возбуждения производства по уголовному делу и уголовного преследования. Имелись сложности с определением данных понятий, с моментом начала их возбуждения и в период действия УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., где указывалось, что прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование <...> (статья 9 УПК РСФСР 1923 г.). Отсюда вытекает вывод о том, что прокурор был обязан возбудить уголовное преследование в любом случае, когда ему стало известно из поступившего заявления или иного повода, указанных в статье 91 УПК РСФСР 1923 г., о совершенном преступлении.

Словосочетание «уголовное преследование» со временем был предан законодателем забвению, а его место постепенно в теории и на практике начал занимать институт возбуждения уголовного дела. Сле-

---

¹ Раджабов С.Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. С. 124.

довательно, законодатель того времени в содержание возбуждения уголовного преследования вкладывал сущность и смысл института возбуждения уголовного дела. В том же смысле употреблялись данные словосочетания в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и в иных правовых актах. По сути, сходную позицию заняли многие авторы учебных источников по уголовному процессу (советского периода), в которых содержались разделы об институте возбуждения уголовного дела, но не было ни малейшего упоминания об уголовном преследовании.

Отталкиваясь от исторических особенностей института возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, также необходимо проанализировать современное состояние указанных институтов и их содержание в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в контексте влияния глобальных тенденций региональной уголовно-процессуальной политики, диктуемой сверхдержавами и их представителями на местах.

Анализ норм УПК Республики Таджикистан, в части регламентирующей производство в стадии возбуждения уголовного дела, приводит нас к выводу о том, что работа по подготовке данного закона проводилась в отрыве от современных достижений уголовно-процессуальной науки, основанных в свою очередь на настоятельных требованиях правоприменительной практики. Дело в том, что УПК Республики Таджикистан главу 17 именуется «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Вместе с тем в УПК Республики Таджикистан отсутствует норма, устанавливающая перечень источников информации, которые это основание образует. В статье 140 УПК Республики Таджикистан предусмотрены только поводы к возбуждению уголовного дела, а сама статья называется «Основания к возбуждению уголовного дела»¹. Аналогичного мнения в своей работе придерживается Н.А. Нозиров².

Подобная «недосказанность» в тексте УПК Республики Таджикистан обуславливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания» для возбуждения уголовного дела, что недопустимо и

---

¹ Авторы не рассматривают несоответствие и терминологическую неточность статьи ст. 140 УПК на предмет таджикского и русского языков.

² Нозиров Н.А. Уголовно-процессуальное законодательство в годы независимости Таджикистана // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. 2012. № 3. С. 52-53.

чревато своими последствиями. Следовательно, в целях исправления отмеченных недостатков представляется оправданным рекомендовать внести изменения в название главы 17 и уточнив при этом редакцию статьи 140 УПК Республики Таджикистан изложив ее в редакции статьи 103 ранее действовавшего УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.), а также дополнив ее новой частью¹.

Реализация данной рекомендации будет способствовать повышению эффективности норм УПК Республики Таджикистан в целом и эффективности института возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскном законодательстве².

Точное определение перечня поводов и единственного основания возбуждения уголовного дела в тексте закона может поставить точку в размывании границ расширительного толкования норм-положений статьи 140 УПК Республики Таджикистан.

В последнее время практически во многих научных работах встречаются различные мнения ученых-процессуалистов о сохранении или об отказе от стадии возбуждении уголовного дела³. Ана-

---

¹ См.: Приложение № 1. Проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан».

² Нами данный вопрос впервые рассматривался в статье «Юлдошев Р.Р. О соотношении уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности (по законодательству Республики Таджикистан) // Проблемы управления расследованием преступлений, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. статей. Вып. 2. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 393-399» и в отдельной части монографического исследования. См.: Юлдошев Р.Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2014. С. 54, 174.

³ Гаврилов Б.Я. Процесуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям правоприменительной практики? // Российская юстиция. 2006. № 8; Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3 (15); Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5; Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37); Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33) и другие работы.

лизируя уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, Л. В. Головки приходит к следующему выводу: стадия возбуждения уголовного дела, с которой якобы должен начинаться уголовный процесс, представляет собой один из неудачных рудиментов советского уголовного процесса¹. Далее Л. В. Головки отмечает, что концептуальный уровень и характер обсуждения данных проблем отчетливо показывает, что Россия здесь, увы, не только отстает, но иногда и движется в неправильном направлении. Профессор Л.В. Головки анализируя развитие уголовного процесса на постсоветском пространстве в контексте мировых тенденций, указывает на тот факт, что везде (от Прибалтики до Средней Азии, включая Россию) обсуждаются примерно одни и те же вопросы, реформы и предложения и одним из таких ключевых предложений является отказ от стадии возбуждения уголовного дела². Следует отметить, что в постсоветском пространстве от данной стадии впервые отказались законодатели Украины, которые в новом УПК Украины отразили всю суть данной новизны в уголовно-процессуальной деятельности органов расследования³. После по данному пути пошли прибалтийские государства, Грузия и Казахстан. Кыргызстанские коллеги, также активно приняли свои ключевые кодексы в контексте современных тенденций уголовной политики.

Процедура ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в Украине и в Казахстане считается не до конца успешной, так как произошел скорее отказ от термина «возбуждение уголовного дела», нежели от стадии как таковой. Однако сама по себе проблема не вызывает сомнений, и ее решение определяет одну из тенденций развития постсоветского уголовного процесса⁴.

---

¹ Головки Л.В. Казахстан : десовиетизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 11.

² Головки Л.В. Развитие уголовного процесса на постсоветском пространстве в контексте мировых тенденций // Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И.Т. Душанбе: «Визави», 2016. С. 89.

³ УПК Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI // Голос Украины. 2012. № 90-91. 19 мая.

⁴ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 201.

По данной проблеме уместно высказываются авторы коллективной монографии из Волгограда, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела привело бы к колоссальному росту числа прекращенных уголовных дел, в чем правоохранительные органы не заинтересованы. В связи с этим любые попытки инициировать исключение рассматриваемой стадии из системы уголовного процесса будут неизменно встречать с их стороны активное противодействие. Так будет продолжаться до тех пор, пока органам предварительного расследования не перестанут ставить в вину прекращенные уголовные дела¹.

В действительности такой подход имеет место в практической деятельности. Причиной тому является неправильный ведомственный подход, ставящий знак равенства между прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям с одной стороны и незаконным возбуждением уголовного дела с другой стороны. Возбуждение уголовного дела не может быть незаконным при наличии повода и основания к этому. Негативность данной тенденции сводится к тому, что со стороны ряда практических сотрудников искусственно расширяется круг вопросов, решаемых при возбуждении уголовного дела. Это искаженное понимание сущности данной стадии, и ее задачи как начальной, ознаменующей начало уголовного процесса.

С одной стороны, сохранение стадии возбуждения уголовного дела соответствует устоявшимся традициям смешанного типа уголовного процесса Таджикистана с учетом однотипности характера построения системы уголовного судопроизводства, но с другой стороны, дальнейшая судьба стадии возбуждения уголовного дела остается загадкой в силу чрезмерного давления региональных и масштабных по объему интенсивных правок уголовно-процессуального законодательства. Указанные действия начинают преобладать в контексте «не отстать от соседей реформаторов». Следовательно, судьбу всех этих современных и исторически сложившихся, а также устоявшихся компонентов уголовно-процессуальной деятельности покажет время и реальная правотворческая и правоприменительная деятельность. Реальных результатов можно добиться только при активном обсуждении и согласовании предлагаемых реформ и контрреформ.

---

¹ Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 368.

4.4. Системная оптимизация досудебного производства по материалам и уголовным делам

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан основными формами досудебного производства по уголовным делам являются предварительное следствие и дознание (гл. 19, 20 УПК Республики Таджикистан).

Ко всему этому еще и добавилось ускоренное производство (гл. 46). Ускоренное производство как форма уголовного преследования заменила существующую до этого протокольную форму досудебной подготовки материалов, которая была закреплена в нормах предшествующего УПК Республики Таджикистан в ред. 1961 г. (гл. 34, ст.406-412). Ускоренному производству посвящена отдельная глава, включающая ст.453-460 УПК Республики Таджикистан.

Традиционно, как и во многих уголовно-процессуальных законодательствах постсоветских государств, каждое заявление или сообщение о преступлении рассматривается в течение 3-х суток. В случае нехватки времени, письменным ходатайством следователя срок доследственной проверки продлевается по согласованию прокурора и решением суда на 10 суток.

Исходя из тех положений отечественного уголовно-процессуального законодательства, регулирующих сроки рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, предварительное расследование с ее видами и формами, следует отметить, что настало время усовершенствовать данный механизм. Правоприменители критикуют действующие процессуальные сроки как неразумные в рамках полного, всестороннего и объективного решения заявлений и сообщений о преступлениях, где они недостаточны и не эффективны, чтобы полностью выявить реальную картину совершившего правонарушения. Полная реализация положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) о разумном сроке уголовного судопроизводства, является неким решением данной дилеммы, но только в рамках досудебного производства по материалам и уголовным делам и с учетом специфики правоприменительной практики.

Кроме этого, нуждаются в совершенствовании некоторые положения уголовно-процессуального закона в части, касающейся современного состояния досудебного производства по материалам и уголовным делам, которое нуждается в кардинальном научном анализе с

учетом современных достижений доктрины и практики уголовного судопроизводства.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной политики Таджикистана, интенсивность поправок и предпринимаемые меры, выглядит довольно стремительными и перспективными. С одной стороны, нас побудило возвратиться к переосмыслению в перспективе готовящаяся, по крайней мере, модернизация уголовного судопроизводства, а с другой стороны, размежевание и стирание граней между процессуальной и непроцессуальной деятельностью в рамках расследования уголовных дел, которое глобализируется уже в пространстве отдельных государств Центральной Азии, а в отдельных странах СНГ уже практикуется давно.

В целом пока еще законодатели большинства постсоветских государств так и не сделали выбор между сохранением исторически присущей их странам континентальной инфраструктуры уголовного процесса и ее полным демонтажем с заменой на нечто вроде англосаксонского уголовного процесса. Такого рода «метания» и «колебания», которые мы наблюдаем не только в России, но и во многих других постсоветских странах (Украина, Казахстан, Армения, Киргизия и др.), нередко приводят к технически недопустимой уголовно-процессуальной эклектике, когда отдельные англо-американские институты искусственно встраиваются в континентальную уголовно-процессуальную ткань, в силу чего не работает система как таковая¹.

Необходимо также отметить, что возникающие общие проблемы при реформировании отдельных законодательств в центральноазиатском регионе, молниеносно передаются другим соседям. В данном контексте Л.В. Головки определяя общие проблемы и тенденции развития уголовного процесса в странах постсоветского пространства, выделяет отдельным направлением попытки оптимизации общей структуры предварительного расследования и конкретных институтов данной стадии. Во многих случаях имеет место устранение дуализма двух форм расследования и их унификация в рамках единой формы, попытка интегрировать в уголовно-процессуальную ткань оперативно-розыскную деятельность с целью исключения «параллелизма» уголовного процесса и ОРД². Изложенная позиция на уровне конкрет-

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. С. 200.

² Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. С. 201.

ных научных исследований еще в Таджикистане не анализировалась, но правовая основа поэтапно закладывается в отдельных положениях Программ судебно-правовых реформ.

Расследование преступлений для органов предварительного следствия является главной функцией, основной задачей, содержание которой состоит в быстром и полном раскрытии преступлений, всестороннем, беспристрастном и объективном расследовании уголовных дел, своевременном привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятии мер к их устранению (ст. 178 УПК Республики Таджикистан). Предварительное следствие, как и судебное, состоит во всестороннем, не связанном никакой предустановленной позицией исследования обстоятельств, имеющих значение для дела, для того чтобы на основе собранного полного и достоверного доказательственного материала сделать правильные выводы.

В настоящее время, следственный аппарат, мягко говоря, работает на твердой поверхности, но без учета передового опыта в расследовании тех или иных видов преступлений, которые совершаются в условиях неочевидности и приводят к катаклизмам и конкретным сбоям, к чему современный правоприменитель с его недостаточными знаниями не готов. Низкий уровень правосознания правоприменителя, делает из него робота, который в силу своих определенных возможностей не может выбирать пути решения тех или иных трудностей, действуя на «самотек».

Поэтапное реформирование тех или иных институтов не осталось без внимания отечественных ученых-процессуалистов. По утверждению А.А. Мухитдинова, успех судебной реформы, осуществляемой в настоящее время в Республике, во многом будет зависеть от степени ее взаимосвязанности с проводимыми в стране другими реформами, в частности с реформой органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу. Если судебно-правовая реформа коснется только суда, то она не даст ожидаемых результатов¹. Цитируемый автор, также придерживается идеи о создании в Таджи-

---

¹ Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе Республики Таджикистан / Республиканская научно-практическая конференция с участием международных экспертов «Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений» (25 сентября 2015 г. Академия МВД Республики Таджикистан) // Труды Академии. № 3 (27). Душанбе, 2015. С. 234-239.

кистане независимого следственного аппарата, осуществляющего исключительно функцию следствия и разрешения уголовного дела.

Идея о создании единого независимого следственного органа (следственный комитет), подчиненного Президенту Республики Таджикистан в свое время была выдвинута еще Р. Зойировым и Ф. Абдуллоевым, которые утверждали, что ведомственное следствие управляется теми же командно-административными методами, что и другие службы правоохранительных органов, а это препятствует совершенствованию предварительного следствия, вызывает среди сотрудников этой службы неудовлетворенность работой. Учитывая особое процессуальное положение следователя, такие методы управления нельзя считать приемлемыми. Наличие параллельных структур предварительного следствия в разных правоохранительных органах приводит к росту управленческого аппарата, который реального участия в расследовании уголовных дел не принимает, а ведет к формально-бюрократическому решению вопросов о последовательности преступлений (*авторы имели ввиду подследственность преступлений – прим. Р.Ю.*), что в итоге значительно снижает эффективность расследования¹.

О перспективе создания и функционирования Следственного комитета в Таджикистане также велась очень активная дискуссия в прошедшей конференции юридического факультета Таджикского национального университета², где окончательно удалось уточнить сторонников и противников данной инициативы. Предложения оппонентов в основном обосновывались различными правовыми и неправовыми источниками информации, что посчитать целесообразным, выглядит крайне неуместным и несвоевременным.

Принятие нового уголовно-процессуального законодательства и ряд поправок действующего законодательства, касающиеся сферы уголовного судопроизводства, в целом предопределили стремление законодателя и отдельных ее реформаторов на устранение недостатков

---

¹ Зойиров Р., Абдуллоев Ф. Судебно-правовая реформа в Таджикистане: задачи и перспективы // Проблемы укрепления законности и правопорядка в Таджикистане. Душанбе, 1996. С. 9.

² Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (материалы республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 22 октября 2015 г.). Душанбе: «Империял-Групп», 2015. 396 с.

и уравнивание упущений. Системный анализ процессуального закона и других ключевых документов, принимаемых в процессе осуществления судебно-правовых реформ, проявил сильные и слабые стороны уголовно-процессуального законодательства.

О проблеме расследования преступлений опять вспомнили в связи с разработкой очередной программы судебно-правовых реформ. До принятия действующей Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 годы¹, был разработан ее проект² подвергнувшийся обсуждению в узких ведомственных кругах. В проекте данного документа неясным оставался раздел 11. «Образование следственной службы при Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан», при том условии, что следственные отделения и отделы органов внутренних дел в областях, городах и районах в вертикальном порядке передать в непосредственное подчинение Министерству внутренних дел Республики Таджикистан с целью повышения уровня качества дознания и предварительного следствия и в направлении принятия законных и обоснованных судебных актов, а также обеспечения соблюдения прав и свобод человека.

Хоть и были в проекте спорные положения закреплены, но утвержденная Программа указала на реформу органов расследования. В разделе 1 Программы указывалось, что с целью совершенствования предварительного следствия необходимо изучать уголовно-процессуальное законодательство. В Плане мероприятий Программы закреплено, что в целях совершенствования предварительного следствия, в том числе экономии средств и исключения излишних следственных действий, изучить законодательство и практику предварительного следствия, и представить предложения по его совершенствованию (пункт 17). Принятие таких документов очень важны. Недостатками программ являются хаотичные задачи для их решения, которая диктует несвоевремен-

---

¹ Указ Президента Республики Таджикистан от 05.01.2015 г. за № 327 «Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 гг.» // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 15.10.2015 г.).

² Цитируются отдельные положения Проекта Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 годы, которая официально не была размещена в каком-либо информационном портале в целях активного ее обсуждения.

ность их разрешения. Программа судебно-правовых реформ на 2019-2021 гг. указывает на совершенствование УПК Республики Таджикистан по применению меры пресечения в виде заключения под стражу и урегулирование других процессуальных вопросов. Исполнителями выступают Верховный Суд, Генеральная прокуратура и МВД Республики Таджикистан. Сроки выполнения указаны – 2020-2021 гг.

Обобщая многие спорные аспекты по реформированию органов расследования, необходимым является изучить вопрос о разработке проекта Единой Концепции совершенствования деятельности органов предварительного расследования в Таджикистане¹, затем

---

¹ Указанная идея нами не раз уже высказывается. См.: Юлдошев Р.Р. О будущем реформировании органов предварительного расследования в Таджикистане // Абубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 19 февраля 2015 г. Алматы: Республика Казахстан, 2015. С. 284-289; Реформирование органов предварительного расследования в Таджикистане // Международная научно-практическая конференция «Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений)» (23-24 апреля 2015 года, Академия управления МВД России). М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 255-258; О перспективах в деятельности органов расследования преступлений / Республиканская научно-практическая конференция с участием международных экспертов «Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений» (25 сентября 2015 г. Академия МВД Республики Таджикистан) // Труды Академии. № 3 (27). Душанбе, 2015. С. 234-239; О разработке Единой Концепции совершенствования деятельности органов предварительного расследования в Таджикистане // «Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан» (22 октября 2015 г. Юридический факультет Таджикского национального университета) // под ред. И.Т. Махмудова и А.И. Сафарова. Душанбе: «Империл-Групп», 2015. С. 214-224; Юлдошев Р.Р., Власова С.В. Реформа предварительного расследования в России и Таджикистане: общее и различия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (35), 2016. С. 115-122; Оптимизация досудебного расследования в Таджикистане // Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Независимости РТ и 20-летию РТСУ (Душанбе, 27-28 октября 2016 г.). Душанбе: РТСУ, 2016. С. 379-383; Модернизация отечественного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И.Т. Душанбе: «Визави», 2016. С. 187-197.

повсеместно обсудить в широких кругах и с учетом рекомендаций принять за основу и утвердить, а после использовать в качестве ориентира. Как нам представляется, модель и название не имеют значение, главное содержание и сущность текста концепции. В нем необходимо заложить основные компоненты, усиливающие и упраздняющие расследование уголовных дел за счет интенсификации и повышения уровня правосознания правоприменителей. Главнее всех, чтобы в этой погоне за дешевой шлифовкой уголовного судопроизводства, нам бы совсем не отстать от передовой правоприменительной практики расследования и разрешения уголовных дел, где на первое место ставится «качество».

Попытки отечественных реформаторов в сфере усиления и обоснования концепции истинно независимой судебной власти в Таджикистане не увенчались полным успехом, но очередная Программа судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2019-2021 гг. и ее результаты будут тому свидетельством. Как нам кажется, в-первую очередь, необходимо определить правильно ли был выбран курс реформ, или все-таки существуют расхождения в понимании и уяснении истинных целей реформ с реальным положением дел на местах. Как условно говорится, «реформу начать легко, а закончить труднее».

Следует констатировать, что неизбежна процедура проработки вопроса о комплексном реформировании деятельности органов предварительного расследования с учетом изучения и использования упрощенных процедур расследования преступлений, и вычленение из их состава уголовных проступков¹. Платформой может выступить процесс реформирования органов внутренних дел. Существующий процессуальный порядок в Таджикистане гибок и преломляется перед фактами произвола, а также служебных халатностей, злоупотребления своими полномочиями и соответствующим уровнем усмотрения (дискреционности полномочий) должностных лиц. По крайней мере, таким нам видится оптимизация досудебного производства по материалам и уголовным делам в настоящем этапе эволюционирования уголовно-процессуальной науки и практики.

---

¹ Рогова Е.В., Юлдошев Р.Р. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики : монография. Душанбе: Издательство «Эр-граф», 2017. 160 с.

4.5. Взаимозависимость и взаимообусловленность оперативно-разыскной¹ деятельности и досудебного уголовного производства

Считаем, что научное освещение пограничной темы – взаимозависимости осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и досудебного уголовного производства – не только предмет обсуждения науки уголовного процесса, но и, отчасти, оперативно-разыскной науки. В данной связи мы с интересом ознакомились с многотомной монографией профессора А.Ю. Шумилова, материалы которой лежат в основе проведенной конференции² по оперативно-разыскной науке (сыскологии)³.

Известно, что уголовно-процессуальная деятельность направлена на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступных деяний, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Особенность этой деятельности заключается в том, что она носит ретроспективный характер, поскольку назначением ее явля-

---

¹ В соответствии с официальными правилами русского языка термин «оперативно-разыскной» и производные от него термины при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации должны писаться через букву «а» в слове «разыскной» (например, см.: Букчина Б.З. Орфографический словарь русского языка. 5-е изд., испр. / Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. С. 637) // <http://www.oper-ord.ru/authors/> (дата обращения: 13.06.2018 г.).

² Вторая международная научная интернет-конференция «10 лет становления сыскологии: реальность и перспективы» (Москва, Российская Федерация, июнь-июль 2017 г.) // <http://www.oper-ord.ru/> (дата обращения: 13.06.2018 г.).

³ См.: Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2013. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней; Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2014. Т. II: Философия оперативно-разыскной науки; Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2015. Т. III: Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки; Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2016. Т. III: Основные положения. Кн. 2. Методология, принципы, язык, субъекты оперативно-разыскной науки и некоторые иные ее положения.

ется установление и доказывание событий, имевших место в прошлом различными оперативными и уголовно-процессуальными средствами и методами.

Антиподом этой деятельности выступает ОРД со всеми ее возможностями и особенностями. Актуальным и главным ее вопросом в контексте уголовно-процессуальной деятельности является правильное и целесообразное использование результатов ОРД.

Проявление преступности как организованной профессиональной деятельности требует совершенствования и развития всех направлений борьбы с ней. Данные о состоянии преступности показывают, что в настоящее время раскрытие и расследование преступлений при обширных связях преступных элементов с различными представителями государственных структур, в том числе правоохранительных органов, невозможно без масштабного и продуманного использования возможностей ОРД посредством ее дальнейшей реализации в рамках уголовного судопроизводства.

Если взглянуть на предысторию и современное состояние политики государства в борьбе с преступностью, то ОРД и уголовно-процессуальная деятельность имеют довольно конкретную и противоречивую историю. По отношению к истории Таджикистана и современного ее состояния этот факт бесспорен. Незыблемость постулатов указанных видов деятельности и их роль не только в искоренении, но и в минимизации преступности будут долго преобладать с учетом использования новейших достижений науки и практики, так как преступность, в свою очередь, растет количественно и быстрее, чем население определенных городов и районов.

Современные системы уголовной юстиции не справляются с растущей преступностью, и этот момент требует учитывать нынешние реалии правоприменительной практики в сфере оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, которые требуют осуществления детального анализа. В современном мире выявляется, регистрируется и осуждается лишь незначительная доля реально совершенных преступных деяний. И это – очевидная реальность.

В раскрытии и расследовании преступлений и лиц, совершивших преступления, не последнюю роль, а то и самую главную роль, играет ОРД, ее принципы, методика и содержание. Полное воплощение и

реальное ее состояние, правильная реализация и использование возможностей ОРД составляет основу правоприменительной деятельности органов внутренних дел и других отечественных правоохранительных органов. Правильное и своевременное использование результатов ОРД поможет поближе подойти к тем преступлениям, раскрытаемость которых вплотную зависят от проведения негласных и зашифрованных действий.

В правоприменительной деятельности правоохранительных органов Таджикистана возникает немало проблем, указывающих на межотраслевой характер использования результатов ОРД, их превращение (трансформация) или придание им статуса доказательств с первых минут их выявления и фиксации. С этими и другими проблемами и трудностями зачастую сталкиваются оперативные сотрудники, стремящиеся легализовать свой труд. Накопленный опыт и навыки, борьба с преступностью и рост тяжких и особо тяжких преступлений (и преступность в целом) заставляет многих оперативных сотрудников и других представителей правоохранительного корпуса быть на передовой (условно), чтобы повысить свои «рабочие показатели». В этой пресловутой гонке за показателями теряется основной смысл всей деятельности правоохранительных органов в контексте их взаимодействия.

Как нам кажется, в раскрытии и расследовании преступлений слабое использование преимуществ и возможностей ОРД, игнорирование требований уголовного судопроизводства являются грубейшим нарушением. Взаимобусловленность процессуальной и непроцессуальной деятельности в рамках раскрытия и расследования преступлений имеет первостепенный характер. Этим положениям, дополнительный импульс придает рост и снижение зарегистрированной преступности.

Применительно к уголовному судопроизводству, результаты ОРД также могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, но с учетом всех особенностей их правильного использования и иначе говоря «внедрения».

В настоящее время основным нормативным правовым актом, позволяющим формировать (или собирать) в перспективе доказательства на основе информации, полученной посредством ОРД, является Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-

розыскной деятельности»¹. В части первой ст. 11 указанного Закона сказано, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания наказания, без вести пропавших, и установления имущества, подлежащего конфискации.

В контексте настоящего исследования вызывают сомнения отдельные компоненты содержание ст. 11 указанного Закона. Как нам представляется, во-первых, в тексте анализируемой нормы и во всем Законе отсутствует дефиниция «результаты оперативно-розыскной деятельности», что служит основанием для двояких и различных по объему толкований. В УПК Республики Таджикистан со дня введения его в действие и до 2011 г. в ст. 84 указывалось на использование **материалов**, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности. После термин «материалы» был заменен на «результаты»² и до настоящего времени все так и остается. Нам кажется, что именно «недосказанность и необоснованность» отраслевых текстов нормативных правовых актов в части регламентации всей деятельности, приводит к общему недопониманию и именно они являются барьером для правильного восприятия и понимания содержания этих результатов или материалов. Для практиков эта мысль может показаться слишком узким подходом, но для обывателя и ученого – проблемой.

Во-вторых, в ч. 1 и ч. 2 ст. 11 анализируемого Закона отсутствует логическое продолжение содержания процедуры использования указанных результатов, т.е. смешивается «процессуальная деятельность» с «непроцессуальной».

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. за № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» // АМО Республики Таджикистан. 2011 г. № 3. Ст. 155 (в ред. Закона Республики Таджикистан от 26.07.2014 № 1090).

² Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 25 марта 2011 г. № 692.

В-третьих, в статье отсутствует системность, алгоритм всего комплекса действий, регламентирующих процедуру использования результатов ОРД.

Нам кажется, что некорректное содержание ст. 11 анализируемого Закона, название и содержание ст. 84 УПК Республики Таджикистан являются следствием недоработанности, рассогласованности идей разработчиков, допустивших смешение правильной регламентации порядка использования результатов ОРД.

Результаты ОРД могут служить **основанием** для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю, прокурору или в суд (судье), в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 11 анализируемого Закона).

Процитированная норма указывает на тот факт, что результаты ОРД могут быть использованы только в трех случаях: 1) служить в качестве основания для возбуждения уголовного дела; 2) представляться в орган дознания, следователю, прокурору или в суд (судье), в производстве которых находится уголовное дело; 3) использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Нас особо не удовлетворяет первое положение содержания анализируемой статьи, где прямо без соответствующей оговорки или уточнения указывается на статус результатов ОРД.

Аналогичного мнения придерживается доцент И.Т. Махмудов, предлагающий внести изменения в ст. 140 УПК Республики Таджикистан, признав результаты ОРД в качестве основания для возбуждения уголовного дела¹, с чем мы не можем быть согласны.

В данной ситуации, как нам представляется, происходит подмена понятий «поводы» и «основание» для возбуждения уголовного дела. Аналогичный случай, по-видимому, произошел тогда, когда разрабатывался новый Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Основание не может подменить или заменить поводы для возбуждения уголовного дела, также как и наоборот.

---

¹ Махмудов И.Т. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Законность. Специальный выпуск. № 5. 2014. Душанбе: Генеральная прокуратура Республики Таджикистан, 2014. С. 39.

Необходимо рассмотреть подробнее данные дефиниции, использованные в Уголовно-процессуальном законе в гл. 17. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела, которые традиционно были указаны в период действия УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.).

Порядок возбуждения уголовного дела с принятием нового УПК в 2009 г., коренных изменений не претерпел. Как и раньше для возбуждения уголовного дела УПК предусматривает наличие законного повода и основания. В качестве поводов предусмотрены ряд источников, из которых уполномоченные органы получают сообщение о готовящемся или совершенном преступлении. К таковым источникам предъявляются требования соответствовать установленным процессуальным формам.

В понятие «поводы и основание для возбуждения уголовного дела» законодатель включает достаточно емкое содержание, хотя основание не раскрывается по тексту, которое мы признаем ошибочным. Поводы для возбуждения уголовного дела – это в большей части процессуальное определение, так как в УПК установлен перечень таковых поводов, требования, предъявляемые к их форме и содержанию, а также порядок их получения и оформления в отдельных нормах текста Закона.

В качестве основания для возбуждения уголовного дела в п. 5 ч. 1 ст. 140 УПК Республики Таджикистан устанавливает «непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления». Приведенное выражение включает в себя уголовно-процессуальное понятие – «... сведения указывающие», а также уголовно-правовое – «признаки преступления».

Как известно в качестве таковых уголовный закон в ч. 1 ст. 17 выделяет общественную опасность, виновность, противоправность и наказуемость деяния. Тем самым законодатель в возбуждении уголовного дела не ставит задачу по выяснению каких-либо конкретных обстоятельств и тем более тех, которые касаются лица совершившего или причастного к выявленному преступлению. Из этого следует вывод, что изначально в задачу и предназначение данной стадии закладывалась идея о разграничении деятельности уполномоченных субъектов по заявлениям и сообщениям о преступлениях, от обращений и жалоб, которые не касаются готовящихся или совершенных преступлений.

Следует отметить, что в числе источников доказательств в ч. 2 ст. 72 УПК Республики Таджикистан результаты ОРД не названы, хотя вышеупомянутая ст. 84 УПК Республики Таджикистан допускает возможность использования в доказывании результатов указанной деятельности. Подобное решение представляется обоснованным, поскольку ОРД проводится вне рамок уголовного процесса, присущими ей специфическими методами и регламентируется не уголовно-процессуальным законом, а Законом Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Поэтому результаты ОРД не могут использоваться, что называется, «в чистом виде» в уголовно-процессуальном доказывании. Эти сведения требуют **проверки** с использованием предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством процедур, посредством которых они могут быть преобразованы и стать пригодными в уголовно-процессуальном доказывании.

Как было выше отмечено «недосказанность» в тексте УПК Республики Таджикистан относительно отдельных компонентов стадии возбуждения уголовного дела обуславливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания»¹ для возбуждения уголовного дела, что, является недопустимым.

Следует также признать, что коллизии, связанные с неустановлением и расширением основания и поводов, все же присутствуют в ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» и в ст. 140 УПК Республики Таджикистан, в которых законодатель не раскрывает *«непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления»* как отдельный повод для возбуждения уголовного дела. Раскрывая текстуально другие поводы для возбуждения уголовного дела, законодатель оставляет «широкое поле» для конструктивной полемики и выработки ряда рекомендаций в контексте исправления неточностей и двусмысленности норм уголовно-процессуального закона. Не может ли быть, что данный повод также формируется посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий и добытых результатов? Постараемся раскрыть сущность данного повода и ответить на вопрос.

---

¹ Подробнее об этом см. § 4.3 гл. 4 настоящего исследования.

Непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела означает, что извне официальная первичная информация в правоохранительные органы не поступала, данные о преступлении орган дознания, следователь, прокурор или судья получили при выполнении своих повседневных служебных обязанностей из источников, которые не относятся ни к заявлениям, ни к публикациям в печати, ни к явке с повинной и др.

Орган дознания может непосредственно обнаружить признаки нового преступления при производстве дознания по делу о другом преступлении. Но главным каналом, по которому орган дознания непосредственно получает информацию о преступлениях и лицах, их совершивших, является ОРД. Обнаружение признаков преступления в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий – типичный повод к возбуждению уголовного дела. Сказанное в полной мере может относиться к результатам как гласных, так и негласных оперативно-разыскных мероприятий.

В данном контексте вполне можно признать результаты ОРД в качестве повода к возбуждению уголовного дела, если соответствующие правки будут внесены в гл. 17 УПК Республики Таджикистан, нормы которой регламентируют содержание процессуальных полномочий по непосредственному обнаружению дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления. Следует отметить, что детально порядок использования результатов ОРД проанализирован в трудах уважаемого Р.Х. Рахимзода¹.

Исходя из реалий и показателей правоохранительных органов Таджикистана, а также мониторинга роста и количественных показателей преступности², свидетельствующих о противодействии опасным преступлениям, раскрытие и расследование тяжких и особо тяж-

---

¹ Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность: моногр. Душанбе: Эр-граф, 2016. С. 210-226; Он же. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. языке). Общая часть. 4-е изд. Душанбе: Эр-граф, 2017. С. 331-367; Он же. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовный процесс: учебник / отв. ред.: Р.Р. Юлдошев. Душанбе: Эр-граф, 2018. С. 166-188.

² Имеются в виду статистические данные, приведенные в графиках № № 1, 2 и 3 § 2 главы 2 монографии. Подробнее см.: Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.). Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. С. 43-49.

ких преступлений, трудноосуществимо без использования средств и возможностей ОРД. В настоящее время многими учеными Таджикистана указывается доля раскрываемости всех преступлений в масштабе 90-93 %.

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает на то, что результаты ОРД представляются органу дознания, следователю, прокурору или в суд (судье) на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД (ч. 3 ст. 11). Такой порядок представления результатов ОРД в настоящее время регулируется Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору, судье и суду в органах внутренних дел» (п. 11)¹.

В пункте 22 этой Инструкции указано: «Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

В данном пункте Инструкции правильно определяются положение и место результатов ОРД в системе сведений, составляющих доказательства, иными словами, образующих (формирующих) доказательства.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, должны содержать сведения о: местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; возможных источниках доказательств; местонахождении предметов и других обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения

---

¹ Цитируемая Инструкция утверждена приказом МВД Республики Таджикистан от 12.07.2010 № 16 с (согласована с Генеральным прокурором Республики Таджикистан, исх. № 16/1 нд-10 от 13.03.2010).

процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику и методику их производства по конкретному уголовному делу (п. 23 Инструкции).

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств по отдельности, содержать сведения об установлении собранных доказательств по уголовному делу, и указания на оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства (п. 24 Инструкции).

В случае использования в уголовных делах результатов ОРД в качестве доказательств должностные лица органов, осуществляющих ОРД, могут подлежать допросу об их подлинности, происхождении и обстоятельствах их получения. При этом лица, внедренные в преступную среду, и штатные негласные сотрудники могут быть допрошены только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев совершения ими преступления (ч. 5 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Надзор за точным обеспечением и соблюдением Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в части регламентации различных аспектов оперативно-разыскного законодательства, регулируется специальным приказом Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан¹.

Приведенные положения различных нормативных правовых актов еще раз подтверждают, что оперативно-разыскные данные сами по себе доказательствами не являются и что представляемые результаты ОРД должны только позволять формировать или собирать уголовно-процессуальные доказательства.

Полученную непроцессуальным путем информацию следователь, во-первых, обязан проверить на ее относимость, допустимость и достоверность, а во-вторых, произвести следственные действия или при-

---

¹ Приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан от 21.10.2015 за № 5-219 «Об организации прокурорского надзора за обеспечением точного соблюдения и использования Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» и других соответствующих нормативных правовых актов».

нять процессуальные решения, необходимые для получения источника (вида) доказательств.

Кроме того, обязательным условием использования в доказывании результатов ОРД является соблюдение не только уголовно-процессуального закона, но и соответствующих положений законодательства об ОРД¹. В данном контексте и раскрывается вся сущность механизма использования результатов ОРД: чтобы односторонне не выявлять, раскрывать и расследовать те или иные преступные деяния.

Масштабность данной проблемы и соответствующая ее проработка требуют скоординированных действий, чтобы в последующем определить перспективу тех результатов, использование которых предполагает основную цель уголовного преследования в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время среди практиков и некоторых ученых распространено мнение, что после рассекречивания результатов ОРД соответствующим постановлением и их направлением, следователь или дознаватель должны произвести осмотр этих результатов. А как этот осмотр будет зафиксирован, в каком документе, наши уважаемые коллеги не могут объяснить, т.е. отсутствует четкий алгоритм последующих действий и принимаемых решений.

В данном контексте нами предлагается вместо осмотра всех результатов ОРД и обоснования выводов, использовать другой стиль, а именно: при представлении результатов ОРД дознаватель или следователь пусть выносят после осмотра и обнаружения явных следов преступления *постановление о признании результатов ОРД в качестве доказательств*. По нашему мнению, скорее, это и будет трансформацией результатов ОРД в досудебное производство по уголовным делам. В дальнейшем эти же данные могут быть признаны *иными документами* в соответствии с ч. 2 ст. 72 и ст. 82 УПК Республики Таджикистан.

Второе наше предложение заключается в уточнении и разработке понятия «результаты или материалы ОРД» и последующее ее внедрение в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «Об ОРД». Можно в этом контексте использовать опыт наших белорусских коллег, которые определяют эти материалы как оперативно-служебные документы и ма-

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 477.

териальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Третье наше предложение заключается в разработке Межведомственной Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору, судье и суду». Действующая инструкция ведомственная, т.е. регламентирует данные взаимоотношения только внутри системы МВД Республики Таджикистан, что признать его полноценным документом или главным, нам не представляется возможным. Квинтэссенцией нашей рекомендации является общее понимание и уточнение деятельности каждого субъектов, осуществляющих ОРД в контексте общего взаимодействия в рамках противодействия преступности.

Соответствующие правки также должны быть внесены и в ст. 140, ст. 84 и другие сопутствующие статьи УПК Республики Таджикистан, которая будет четко регламентировать результаты или материалы ОРД.

В контексте взаимодействия субъектов, осуществляющих ОРД и органов расследования можно отметить следующий момент, что абсолютное большинство правоохранительных органов без оперативного обеспечения не могут обойтись и процесс слияния процессуальной деятельности с непроцессуальной неизбежен или отделить их получается искусственно разорвать все связи взаимодействия. Взаимообусловленность двух анализируемых видов деятельности, скорее, должно привести к слиянию их в единое направление борьбы с преступностью, на основании чего и должна произойти модернизация в рамках отечественного уголовного судопроизводства.

Отметим, что данное положение в национальном законодательстве активно использовали казахстанские коллеги. На подходе к этому и кыргызские законодатели, плотно продвигающие свои реформаторские идеи. Среди ряда публикаций на эту тему в России отметим, в частности, работы А.Ю. Шумилова и С.В. Зуева¹.

---

¹ Подробнее см.: Зуев С.В. От оперативно-розыскных мероприятий – к негласным следственным действиям: современное состояние и развитие // Оперативник (сыщик). 2016. № 3 (48). С. 53-66.

Так, А.Ю. Шумилов еще в 2012 г. предлагал предусмотреть в УПК РФ следственно-разыскные (следственно-оперативные) действия, которые бы проводил следователь. Вот их перечень:

– наблюдение за деянием человека, материальным объектом и (или) местом (визуальное, аудио-, видео и (или) электронное);

– обследование публично недоступного места, а равно жилища или иного частного владения;

– применение идентификационного (помеченного) и (или) ненастоящего (имитационного) средства, а равно специально изготовленных предмета и (или) документа либо специально созданного юридического лица;

– применение конфидентов;

– снятие информации специальным техническим средством с электронных информационных систем и (или) с транспортных и телекоммуникационных сетей, а равно фиксация, сохранение и исследование снятой информации;

– установление закладки (места нахождения радиоэлектронного средства)¹.

Другой публикацией, которая также имеет особую значимость, является Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. В ст. 1.1 приводятся два емких понятия, которые тесно связаны с нашей тематикой. 1. **«Тайный следователь» или «скрытый агент» (обвинительной власти)** – офицер федеральной уголовной полиции, офицер иного государственного органа уголовного преследования, уполномоченный прокуратурой тайно осуществлять выявление и раскрытие тяжких, особо тяжких преступлений, изобличать лиц их совершивших, собирать доказательства совершенного или готовящегося преступления путем производства тайных следственных действий. «Скрытый агент» ведет расследование на основе приданной им на длительное время измененной идентичности (легенды). С использованием легенды он может принимать участие в правоотношениях, возникающих при производстве по уголовному делу, в том числе в суде. Фактический материал, полученный «скрытым агентом», приобретает доказательственную силу после его представления прокурором и исследования в суде наравне с дру-

---

¹ Шумилов А.Ю. Реформа уголовного процесса в России не завершена // Оперативник (сбщик). 2012. № 1 (30). С. 22-24.

гими доказательствами сторон. Для целей изобличения преступников и раскрытия преступлений путем производства негласных следственных действий могут создаваться «**легендированные объекты**» – предприятия и организации, осуществляющие предпринимательскую и иную деятельность.

2. «**Тайное (негласное) следственное действие**» – предусмотренное настоящим Кодексом действие, основанное на применении скрытых либо зашифрованных средств и методов, когда доказательственную информацию не представляется возможным получить путем производства гласных следственных действий, реализуемое следователем, в том числе *агентом под прикрытием* на любой стадии уголовного производства, но вне зала судебного заседания и без информирования заинтересованных лиц, по постановлению следственного судьи либо с санкции прокурора для раскрытия и расследования по общему правилу тяжкого или особо тяжкого преступления, получения фактических материалов для изобличения преступника, обоснования и поддержания обвинения против обвиняемого.

Таким образом, правильное использование в доказывании по уголовным делам информации, полученной оперативно-разыскным путем и дальнейшее ее использование в уголовном судопроизводстве, становятся объективной необходимостью. Выбор той или иной модели и пути их решения зависят от конкретных действий правоприменительных и законодательных органов.

Проведенный анализ еще раз засвидетельствовал тот факт, что процесс модернизации отечественного уголовного судопроизводства прогрессирует. Качество и результаты зависят от правильного подхода и выбранной стратегии отраслевого реформирования.

Необходимо здесь же отметить положения Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг., которая требует относиться к оперативно-розыскной деятельности, как важной деятельности, способствующей уголовному процессу, осуществляемой скрытно и односторонне, и в будущем разработать процессуальные стороны этой деятельности, законодательно закрепить ее результаты в соответствии с правилами представления доказательств, которые могут быть использованы в уголовном процессе (подпункт 6 пункт 57).

4.6. Отказ прокурора от государственного обвинения : опыт Таджикистана

До и после принятия УПК Республики Таджикистан процессуальный статус потерпевшего, реализация его процессуальных полномочий осталась одной из острых и актуальных тем обсуждения, как в научных кругах, так и в средствах массовой информации. Особенно дискуссионными являются вопросы осуществления прав потерпевшего от преступления в различных стадиях уголовного судопроизводства. Указанные аспекты, безусловно, нуждаются в устраниении и оптимизации.

Одним из таких проблемных направлений участия потерпевшего в уголовном процессе является его право поддерживать обвинение в суде в случае отказа от государственного обвинения прокурора. Постараемся в этой части исследования более детально изучить данный вопрос.

В этой части результатом долгих дискуссий и полемики стало содержание ч. 5 ст. 24 УПК Республики Таджикистан: *«Отказ прокурора от обвинения не лишает лицо, пострадавшее от преступления, права поддерживать обвинение»*. Приведенная выдержка из ч. 5 ст. 24 УПК Республики Таджикистан имеет методологическое значение, поскольку именно в ней закреплено субсидиарное обвинение, а именно так называемое право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа в суде от обвинения государственного обвинителя. Наряду с данной нормой, этот институт охватывает своим действием еще несколько других корреспондирующих статей УПК Республики Таджикистан, а именно:

1) Отказ прокурора от обвинения не лишает лицо, пострадавшее от преступления, права поддерживать обвинение (ч. 5 ст. 24);

2) По основаниям и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, прокурор вправе отказаться от уголовного преследования и обвинения вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 5 ст. 36);

3) Отказ государственного обвинителя от обвинения, если от обвинения отказался также потерпевший, является основанием для вынесения судом определения (постановления) о прекращении дела (ч. 10 ст. 279);

4) Если потерпевший не отказался от обвинения, суд продолжает разбирательство дела и решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого в общем порядке (ч. 11 ст. 279);

5) Дело подлежит прекращению в судебном заседании, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в абзацах 3-9 части 1 статьи 27 настоящего Кодекса, а также при отказе обвинителя в соответствии с правилами части 10 статьи 279 настоящего Кодекса (ч. 1 ст. 288);

6) Суд, судья вправе прекратить уголовное дело в судебном заседании по основаниям, указанным в статье 28 настоящего Кодекса (ч. 2 ст. 288);

7) Судья при назначении судебного разбирательства выносит постановление о прекращении дела по основаниям, указанным в абзацах 3-9 части 1 статьи 27 настоящего Кодекса. Приняв решение о прекращении дела, судья меняет меру пресечения, гражданского иска, конфискации имущества и разрешает вопрос о вещественных доказательствах. Копия постановления судьи о прекращении дела направляется прокурору, а также вручается лицу, привлекавшемуся к уголовной ответственности, и потерпевшему (ч. 1 ст. 268);

8) Судья также может прекратить уголовное дело при наличии оснований, указанных в статье 28 настоящего Кодекса, по ходатайству прокурора и согласия потерпевшего (ч. 2 ст. 268).

Более обстоятельные выводы и некоторые авторские суждения будут приведены чуть ниже. Для полноты исследования предлагаем провести сравнительный экскурс по данной проблематике, который охватывает помимо некоторых отличительных нюансов правоприменительной практики, также и позиции авторитетных процессуалистов России.

Как показывает практика и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, полный или частичный отказ прокурора от обвинения в процессе судебного разбирательства приводит к полному прекращению уголовного дела или уголовного преследования в соответствующих частях (ч. 7 ст. 246 УПК Российской Федерации). Следует отметить, что отказ прокурора от обвинения по различным основаниям (неспособность обосновать государственное обвинение комплексом доказательств, недостаточное владение искусством доказывания, небеспристрастное отношение к исходу дела и т.п.) является необоснованным. В подобных ситуациях потерпевший (его

представитель), поддерживающие обоснованность совершенного преступления конкретным лицом, не могут ничего предпринять для самостоятельного продолжения уголовного преследования, что создает безысходное положение потерпевших в уголовном судопроизводстве России.

Как правильно отмечает профессор Л. В. Головкин, предоставление потерпевшему права единолично поддерживать обвинение в случаях отказа от него государственного обвинителя – это не решение проблемы института отказа прокурора от обвинения, а совершенно иной проблемы – прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Иначе говоря, если в уголовном деле имеется конкретный потерпевший, то его права не должны быть ущемлены. Это – аксиома. Но она существует безотносительно к институту отказа прокурора от обвинения¹.

Ограничение прав потерпевшего в подобных случаях представляется недопустимым, что помимо усилий по возмещению потерпевшему причиненного ему вреда он должен быть наделен правом просить о пересмотре решения об отказе от уголовного преследования. Европейский Суд по правам человека признал, что в случаях необоснованного отказа в уголовном преследовании государство может быть признано виновным в нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе о восстановлении нарушенных прав и свобод².

При исследовании данного вопроса, как представляется, следует учитывать и тенденцию совершенствования международного и национального законодательства в сфере защиты прав потерпевшего. В некоторых положениях УПК Республики Таджикистан своевременно инкорпорированы положения международно-правовых актов.

В такой ситуации выглядит обоснованным и соответствующим современным требованиям высказанные многими учеными предложения о законодательном закреплении права потерпевшего продолжать уголовное преследование, не учитывая тем самым отказ

---

¹ Головкин Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде // Государство и право. № 2. 2012. С. 52-53.

² О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса от 28.06.1985 г.: рекомендация Кабинета министров Совета Европы // Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 18.

прокурора¹. Следовательно, не имеет значения, как будет именоваться обвинение, поддерживаемое самим потерпевшим (субсидиарным, неофициальным, дополнительным и т.п.), судебное разбирательство в полном объеме сохранит состязательный характер, а потерпевший (участвующий в осуществлении уголовного преследования) получит фактическую возможность осуществлять данную деятельность. Необходимо отметить, что от укрепления состязательных начал уголовное судопроизводство выигрывает и станет более демократичным и прозрачным.

Типичный постсоветский вариант ответа на вопрос о процессуальных последствиях отказа прокурора от обвинения был найден с принятием в 1997 г. УПК Казахстана и чуть позже (1999 г.) – УПК Белоруссии и УПК Кыргызской Республики. Суть предложенного решения свелась к закреплению состязательного начала с одновременным «реверансом» в сторону принципа материальной (объективной) истины посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск в случае отказа от обвинения должностного обвинителя².

По мнению Л. В. Головки, таджикский законодатель закрепил «компромиссную парадигму³» в абсолютно хрестоматийном виде, полностью присоединившись в данном аспекте к своим казахским (ст. 317 УПК Казахстана), белорусским (ст. 293 УПК Белоруссии) и кыргызским (ч. 2 ст. 27 УПК Кыргызстана) коллегам (ч. 10 и ч. 11 ст. 279 УПК РТ)⁴.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве Таджикистана сделаны первые шаги по закреплению за потерпевшим права осуществления уголовного преследования в случаях, когда от поддержания

---

¹ Хатуаева В.В. Институт уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном праве. М., 2010. С. 109-110; Берова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 19; Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 17, 38.

² Головки Л.В. Указ соч. С. 51.

³ Под «компромиссной парадигмой» Л.В. Головки понимает в своей работе типичный постсоветский вариант ответа на вопрос о процессуальных последствиях отказа прокурора от обвинения.

⁴ УПК Республики Таджикистан // Сборник УПК стран Центральной Азии. Алматы, 2010. С. 594.

государственного обвинения отказывается государственный обвинитель (ч. 5 ст. 24 УПК Республики Таджикистан). Прокурору предоставлено право отказа от уголовного преследования и обвинения до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 5 ст. 36 УПК Республики Таджикистан). Следует отметить, что законодатель в данной норме не разграничивает уголовное преследование от обвинения.

Концепция о субсидиарном обвинении принадлежит к числу малоизученных в доктрине уголовного процесса. УПК Таджикистана ни в дореволюционный, ни в советский периоды не знало подобного термина. Особого анализа требует позиция профессора З. Х. Искандарова, который в своих выводах, по иному определяет данный институт, частично совмещая с положениями УПК Российской Федерации, где после отказа гособвинителя в судебном разбирательстве уголовное дело прекращается, несмотря на позицию потерпевшего¹. Конкретные факты и обобщающие данные отсутствуют в аргументациях профессора З. Х. Искандарова.

Необходимо отметить, что в рамках большой газетной статьи, председатель Суда района Яван Хатлонской области Таджикистана, юрист высшего класса, генерал-майор юстиции, Юсуф Салимов анализируя различные проблемы УПК Республики Таджикистан утверждает, что еще в судебной практике не было случаев отказа прокурора от государственного обвинения. Далее Ю. Салимов свое высказывание обуславливает тем фактом, в связи с которым отказ прокурора не противоречит принципу состязательности и что прокурор не должен во что бы то ни стало поддерживать каждое необоснованное обвинение. По его мнению, в главе 3 УПК Республики Таджикистан и в других статьях данного закона роль и положение прокурора противоречат ст. 93 Конституции Республики Таджикистан и в этом контексте он предлагает прокурора освободит от несвойственных ему функций, а именно: от осуществления функ-

---

¹ Искандаров З.Х. Роль прокурора на стадии предварительного расследования в уголовном процессе Республики Таджикистан : материалы Межд. науч. конф. «Предварительное расследование в уголовному процессе стран Центральной Азии : между состязательной и инквизиционной моделью», Душанбе, 12-13 октября 2010 г. // под общ. ред. Ф.К. Шредера, М. Кудратова. Peter lang, 2012. С. 278, 281; Его же. Состязательный характер кассационного производства по уголовному делу // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. № 3. 2012. С. 115.

ции предварительного расследования по уголовным делам и ответственного по раскрытию преступлений, и оставит только надзор за органами прокуратуры¹.

Для уточнения сущности проблемы, нами был направлен специальный запрос в Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан в рамках детального изучения и анализа состояния прокурорской деятельности и были получены следующие статистические данные. Начиная с действия УПК Республики Таджикистан и за полные 9 месяцев 2016 года государственными обвинителями Таджикистана в соответствии с ч. 9 ст. 279 УПК Республики Таджикистан по 6 уголовным делам в отношении 7-х лиц (2011- 1/1, 2014-4/5, 2016-1/1) полностью или по 4 уголовным делам в отношении 5-х лиц (2011-1/2, 2013-1/1, 2015-1/1, 2016-1/1) частично отказались обоснованно от поддержания государственного обвинения².

Эти отказы были обоснованными, как исходит от ответа Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан. Приведенные статданные из ответа Генеральной прокуратуры республики указывают на необоснованность суждений Ю. Салимова в части отказа государственных обвинителей от поддержаний обвинения в каждом необоснованном или крайне спорном обвинении.

Следует отметить, что без согласия потерпевшего уголовное дело не прекращается производством, а продолжается производством для окончательного решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого в общем порядке (ч. 5 ст. 24; ч. 11 ст. 279 УПК Республики Таджикистан). Главным стержнем и методологическим основанием является волеизъявление потерпевшего для продолжения уголовного преследования.

Если взглянуть в историю вопроса, то в первоначальной редакции, отказ прокурора от обвинения не обязывал суд прекратить уголовное дело, но предполагал продолжение процесса, который мог окончиться, вопреки позиции стороны обвинения, обвинительным приговором. «Отказ прокурора от обвинения, – гласила ч. 4

---

¹ Салимов Ю. Уголовно-процессуальный кодекс требует пересмотра // Джумхурият. № 106 (22668). 2015. С. 2.

² Ответ Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан от 25.11.2016 года за № 16/27-373 исх. на запрос Академии МВД Республики Таджикистан от 13.10.2016 г. № 32/1018.

ст. 248 УПК Таджикской ССР, – не освобождает суд от обязанностей продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого» (аналогично – ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР).

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. еще более демократичнее решал такие моменты, а именно: предоставлял стороне перерыв для подготовки новой позиции в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, изменения им обвинения в судебном заседании, предоставления противной стороной новых доказательств; данное право стороны имели до революции (ст. 734 Устава уголовного судопроизводства).

Комментируя некоторые положения отечественного уголовно-процессуального закона, невозможно не высказаться о проекте Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации, подготовленного по основной идее профессора А. С. Александрова. Данную положительную работу Нижегородской школы процессуалистов можно с уверенностью именовать научной революцией в современной уголовно-процессуальной науке и доктрине. Безусловно, подготовленный проект кардинальным образом изменил некоторые наши представления об истинном состязательном уголовном производстве, и отсюда со всеми выходящими компонентами.

В данном направлении, Нижегородская школа процессуалистов сделала прорыв, показав всем, что нормы-положения УПК Российской Федерации, не останутся догматичными, а требуют колоссальных затрат и усилий, чтобы в конце получит оптимальный продукт, а не симбиоз от нескольких проектов, которые не сочетаются и не могут быть единым целом.

Так, Доктринальная модель раскрывает институт отказа от гособвинения в нескольких корреспондирующих статьях. Обвинение – утверждение о виновности определенного физического лица в преступлении (уголовном проступке) или о причастности определенного юридического лица к преступлению (уголовному проступку) и эвентуально - о привлечении его к уголовной ответственности, выдвинутое и поддерживаемое в суде публичным, частным обвинителем в порядке, установленном настоящим Кодексом. Государственное обвинение формулируется, выдвигается и поддерживается в суде прокурором, а в случае его отказа от поддержания об-

винения – частным обвинителем, его представителем. Поддержание обвинения – процессуальная деятельность обвинителя, заключающаяся в доказывании перед судом обвинения с целью привлечения к уголовной ответственности лица, обвиняемого в совершении преступления (п. 6 ст. 1.1). Обвинитель вправе отказаться от обвинения, что влечет прекращение уголовного дела. Отказ прокурора от поддержания государственного обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела, кроме случая, когда против этого возражает частный обвинитель, к которому переходит функция обвинения (ч. 4 ст. 2.4). Прокурор вправе отказаться от поддержания обвинения или прекратить уголовное дело в виду нецелесообразности уголовного преследования лиц, утративших общественную опасность, а также небольшой общественной опасности содеянного ими и деятельного раскаяния (ч. 5 ст. 2.6). В случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, общественный обвинитель вправе поддержать государственное обвинение в той части, в которой считает нужным для защиты общественных интересов (ст. 3.4).

Следует отметить, что это достойный ответ и долгожданное решение о недопустимости ограничения прав потерпевшего, который оставался один на один со своим прекращенным уголовным делом, и ничего не мог предпринимать. Воплощение этого законоположения станет реальным шагом вперед, хотя бы модельным проектом для других. В данном направлении все-таки желаем мы того или нет, но заметные события преподнесут нам результаты истинных реформаторских целей и перспективных задач.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что иногда, а то и частенько вырванный контекст отдельных норм уголовно-процессуального законодательства, проанализированный в отдельности (вместо тщательного и комплексного изучения), порой приводит к необоснованным аргументам, с которыми трудно согласиться. Вся вышеизложенная авторская концепция не претендует на высшую степень достоверности и не является окончанием анализа субсидиарного обвинения, которое закреплено в отечественном уголовном судопроизводстве, а будет служить подспорьем и началом для критического переосмысления со стороны таджикских ученых-процессуалистов, практических сотрудников и других должностных лиц, интересующихся пробелами УПК Республики Таджики-

стан. Выявленные пробелы, указанные замечания, недостатки и критический анализ конкретных норм УПК Республики Таджикистан способствует дальнейшей оптимизации при условии, если они будут использованы и направлены в соответствующее русло законотворческой деятельности в контексте понимания современных требований правоприменительной практики в деле противодействия преступности.

4.7. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве

Не секрет, что сегодня УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации основаны на принципе состязательности и равноправия сторон, что породило дискуссию среди ученых-процессуалистов по вопросу уравнивания процессуального положения обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) и потерпевшего.

Процессуальное положение потерпевшего, согласно УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации, очень сходно. Поэтому суждения о процессуальном положении потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации весьма актуальны, востребованы для науки, законодателя и практических сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан.

Ряд ученых предлагают расширить права потерпевшего, хотя бы до уравнивания их с правами обвиняемого¹. М.Ш. Исоев утверждает, что обеспечение уважения личности и охраны прав человека в уголовном процессе требует предоставления сторонам в деле, и, в частности потерпевшему, обвиняемому, подсудимому равных процессуальных возможностей для осуществления своих прав и законных интересов. Для этого потерпевший должен быть наделен не меньшим объемом прав, чем обвиняемый, и ему должны быть предоставлены дополнительные гарантии охраны прав и свобод². По данному вопросу высказала свое мнение и Ирина Яровая, при рассмотрении в

---

¹ Тихонов А. Потерпевший: уголовно-процессуальный аспект // Советская юстиция. 1993. № 19. С. 26; Абабков А. Защитить права потерпевшего! // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 17; Кадышева Т., Ширинский С. Расширить права потерпевшего // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 14; Игнатьева М.В. Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 211; Лакаева О.А. Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 14; Круглов С.В. Роль потерпевшего при доказывании в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2004. № 12 (80). С. 31; Фоменко А.Н. Защита прокурором прав и законных интересов потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 61; Ищенко Е.П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 3.

² Исоев М.Ш. Защита прав человека в судебном процессе // Законность. 2011. № 1. С. 42.

первом чтении законопроекта «О защите прав потерпевших», говоря о том, что сегодня необходимо максимально обратить внимание общества на положение не только тех, кто совершил преступление и тех, кто пользуется правами и возможностями в рамках уголовного процесса и профессиональной юридической защиты, но и на положение, на судьбу и на будущее тех, кто стал жертвами преступления. В силу чего предлагает для всех потерпевших, в рамках состязательного уголовного процесса, расширить их процессуальные права, которые сбалансируют с правами обвиняемых¹.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что более половины действующих практических сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан придерживаются такого же мнения².

Вместе с тем, В.П. Шаговой придерживается противоположной точки зрения: «...поскольку представители стороны обвинения, а также иные участники процесса, включая защитника обвиняемого (подозреваемого), обычно сочувственно и с пониманием относятся к потерпевшему, как к лицу, пострадавшему от преступления, то есть противоправных действий, совершенных конкретным лицом»³.

Полагаем, что не стоит лишь с позиции состязательности и равноправия сторон расширять права потерпевшего в уголовном процессе и вместе с тем фактически перекладывать бремя доказывания вины обвиняемого на потерпевшего. Однако должны совершенствоваться те права потерпевшего, которые направлены на получение возмещения вреда, причиненного преступлением; обеспечение безопасности потерпевших; доступа к механизмам правосудия; информацию о ходе производства по уголовным делам. В таком направлении развивается международное право о потерпевших.

Кроме того, потерпевшему должны быть разъяснены предоставляемые ему процессуальные права, а также разъяснение этих

---

¹ Яровая И. О рассмотрении в первом чтении законопроекта «О защите прав потерпевших» М., 23.04.2013. www.YouTube.com (от 11 сентября 2013 года – видеосюжет).

² Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 169.

³ Шаговой В.Н. Потерпевший и жертва преступления в уголовном процессе: защита прав и их уголовно-процессуальные правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 16-17.

прав, что является обязанностью следователя (ст. 174 УПК Республики Таджикистан). Поскольку, как правильно отметил Ю.Г. Овчинников: «ни одно процессуальное право и ни одна процессуальная гарантия не могут быть реализованы без разъяснения их сущности. Фактическая возможность использования участниками процесса их прав, степень реальности таких прав находятся в прямой зависимости от того, знают ли они, какими правами наделены, и понимают ли их сущность и значение»¹. Также процессуальную активность потерпевшего необходимо расширить путем обеспечения потерпевшему знания и понимания своих процессуальных прав посредством не только оглашения ему под расписку, но и путем подробного разъяснения следователем (дознавателем) механизма их использования².

Проанализировав результаты опроса, проведенного автором действующих практических сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан выявилось следующее: 44% респондентов подчеркнули, что во всех предусмотренных законом случаях потерпевшему разъясняются надлежащим образом их права (подробно, доступно), 30% – в большинстве случаев, 17% респондентов отметили – в большинстве случаев формально, 7% респондентов отметили, что разъясняются редко, 1% респондентов отметили, что процессуальные права потерпевшего вообще не разъясняются³.

Что касается вопроса о понимании потерпевшем его прав после разъяснения их следователем (дознавателем) 45% респондентов считают, что понятны только тогда, когда они разъяснены надлежащим образом, 21% респонденты сказали, что они понятны во всех случаях и в полном объеме, 15% респонденты ответили, что могут быть понятны его права только тогда, когда он является образованным человеком, 12% респондентам они становятся понятными только после их подробного разъяснения квалифицированным адвокатом-

---

¹ Овчинников Ю.Г. Разъяснение потерпевшему сущности прав и обязанностей на досудебном производстве // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 37.

² Кукель В.В. Механизм судебной защиты прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы функционирования // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 153.

³ Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 166-167.

представителем, 7% респондентам может быть понятна сущность только некоторых из принадлежащих ему прав¹.

После ознакомления со своими процессуальными правами потерпевшего возникает вопрос о возможности эффективно ими воспользоваться в ходе предварительного расследования. В этом вопросе солидарны и респонденты при условии помощи профессионального представителя (47%), во всех случаях (35%), когда лицо обладает необходимым уровнем образования (13%), эффективность использования во многом зависит от желания следователя (дознавателя) обеспечить их осуществление (4%)².

Вторая часть статьи 42 УПК Республики Таджикистан посвящена широкому комплексу прав потерпевшего, однако мы остановимся лишь на те, права потерпевшего, которые по нашему мнению нуждаются в более пристальном рассмотрении.

Так, в соответствии с ч. 6 ст. 42 УПК Республики Таджикистан по делам о преступлениях, следствием которых явилась *смерть потерпевшего, права, предусмотренные настоящей статьей, имеют его близкие родственники*. В этом контексте хотелось бы отметить, что в ч.8 ст.42 УПК Российской Федерации верно предусмотрено, что права потерпевшего «переходят» (а не «имеют», по сравнению с УПК Республики Таджикистан), поскольку, только после смерти потерпевшего близкие родственники приобретают права потерпевшего. Смерть в результате преступления – большой моральный вред, а порой и имущественный вред для близких родственников. Заметим, что этот вопрос является спорным в науке уголовного процесса. Существуют суждения о необходимости признания близких родственников лица, погибшего от преступления потерпевшими, поскольку насильственная смерть близкого человека травмирует психику, причиняет моральный, а зачастую и материальный вред³.

---

¹ Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 167.

² Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 168.

³ Волосова Н.Ю. Процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 1999. С. 38; Танцеров М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 152; Епихин А.Ю., Тетерина Т.В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 2004. С. 16; Руднев А. Процессуальный статус потерпевшего // Законность. 2004. № 5. С. 43; Евлов Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предвари-

Другие ученые видят решения данной задачи в институте правопреемства, так как действующим законодательством не запрещается защита чести и достоинства гражданина после его смерти заинтересованными лицами¹.

Еще одним достоинством нормы, закрепленной в УПК Российской Федерации, является возможность признания потерпевшим «близких лиц», а при отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – одного из «родственников». В целях упрощения работы практических сотрудников правоохранительных органов было бы целесообразным аналогичное дополнение внести и в ч. 6 ст. 42 УПК Республики Таджикистан. Необходимость данного нововведения подтверждается проведенным опросом следователей и судей Республики Таджикистан. 82% из опрошенных считают, что это облегчило бы их работу, поскольку бывают и такие случаи, когда нет ни одного близкого родственника потерпевшего, а УПК Республики Таджикистан, в случае смерти потерпевшего, не предусматривает признание потерпевшим кого-либо из родственников².

Необходимо отметить, что среди 150 рассмотренных архивных уголовных дел по 15 делам потерпевшие погибли в результате преступления, из них в 9 случаях близкие родственники потерпевшего были

тельного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 106; Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей органов внутренних дел) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 85; Камчатов К.В. Особенности правового статуса потерпевшего на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11; Божьев В.П. Избранные труды. М.: Юрайт, 2010. С. 132.

¹ Дилбандян С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе (на материалах Республики Армения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 1995. С. 11-12; Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8; Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 52; Николаев М.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частного-публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2008. С. 50-51; Харченко И.Р. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства. Краснодар : ун-т МВД России, 2012. С. 46.

² Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 173.

признаны потерпевшими по делу, 5 – представителями потерпевшего, 1 – законным представителям потерпевшего¹.

На наш взгляд, сравнение и преемственность некоторых из предусмотренных прав может значительно улучшить процессуальное положение потерпевшего и дополнить пробелы в регулировании отдельных аспектов данной проблемы.

Так, в ч. 2 ст. 42 УПК Российской Федерации перечень прав потерпевшего дан подробнее, нежели в соответствующей норме УПК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 42):

- право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинения является новеллой в российском уголовно-процессуальном законодательстве, но к сожалению, это норма не нашла свое отражение в соответствующих пунктах ч. 2 статьи 42 УПК Республики Таджикистан. Право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинения позволило бы потерпевшему более четко определить позицию в процессе на стороне обвинения. Кроме того, как замечает А.Ю. Епихин, это право дала бы возможность потерпевшему иметь информацию об отношении виновных к предъявленному обвинению, что позволило бы, в частности, решить вопрос о примирении его с обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести².

Вместе с тем, механизм реализации права потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинение законодателем России не предусмотрен. В этой связи *ученые-процессуалисты предлагают различные варианты механизма реализации данного права.*

Одни ученые, в целях достижения реального равенства прав потерпевшего и обвиняемого в стадии предварительного расследования, полагают дополнить УПК Российской Федерации нормой, обязывающей следователя уведомить потерпевшего с разъяснением права ознакомиться с содержанием предъявленного обвинения³, другие процес-

---

¹ Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 162-163.

² Епихин А.Ю., Тетерина Т.В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. С. 24.

³ Колдин С.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 19-20; Колузакова Е.В. Участие потерпевшего, его представителя в уголовном преследовании по делам публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 11.

суалисты, с учетом того, что имея на руках копию документа, потерпевший будет знать официальное обвинение по делу, предъявленное обвиняемому, что позволит своевременно скорректировать по необходимости потерпевшему свою позицию, предлагают предусмотреть норму в законе, согласно которой потерпевшему направлялась копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹. Существует мнение, что потерпевшие могут воспользоваться своим правом знать о предъявленном обвиняемому обвинении лишь по собственному ходатайству².

Мнение первой группы ученых, нам кажется не полным, так как ими не указано каким образом и в каком объеме уведомить потерпевшего. Позиция третьей группы процессуалистов также неприемлема, поскольку законодателем прямо предусмотрено право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении, без оговорки при наличии соответствующего ходатайства. Нет необходимости усложнять реализацию данного права. Заслуживает поддержки точка зрения второй группы ученых, предлагающих направлять копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого потерпевшему.

Следует также отметить, что по результатам исследования, 87% опрошенных следователей и судей Республики Таджикистан считают

---

¹ Голиков О.В. Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 131; Круглов С.В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11; Чекулаев Д. Процессуальные права потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса // Законность. 2007. № 2. С. 20; Коомбаев А.А. Право потерпевшего на обжалование процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10; Кисленко С.Л. Пределы доступа потерпевшего к правосудию в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 57.

² Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей органов внутренних дел). С. 9-10; Бегова Д.Я. Потерпевший в уголовном судопроизводстве России: интерес и процессуальные средства защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. С. 192; Иванов В.В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 12; Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования). С. 180.

целесообразным ввести норму о праве потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинение¹.

Таким образом, исходя из отмеченного, мы пришли к выводу о том, что для уголовного процесса Таджикистана будет целесообразным внести в п. 1 ч. 2 УПК Российской Федерации положение о том, что потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, при обязательном направлении следователем, дознавателем потерпевшему копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Более того, потерпевший должен иметь право участвовать в его предъявлении, если он об этом заявит.

– *отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса. Данное право потерпевшего закреплено в ч.2 ст. 202 УПК Республики Таджикистан «Порядок допроса свидетеля и потерпевшего».*

– *знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта в случаях, предусмотренных частью второй статьи 198 настоящего Кодекса. Указанная норма содержится в ч. 1 ст. 210 УПК Республики Таджикистан «Права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего при назначении и производстве экспертизы».*

– *знакомиться в случае прекращения уголовного дела со всеми материалами уголовного дела.* Данное положение отсутствует в УПК Республики Таджикистан, следовательно, возникает вопрос, а как быть потерпевшему в случае прекращения уголовного дела, если он желает ознакомиться с материалами прекращенного дела в целях реализации своего право на обжалование действия или решения дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи? Для уголовного судопроизводства Республики Таджикистан будет целесообразным, если этот пробел в законе будет немедленно восполнен, поскольку это касается непосредственно доступа потерпевшего к правосудию. Так как, в первую очередь, потерпевший должен быть своевременно проинформирован о принятом по его заявлению решении и в случае возбуждения, и в случае отказа в возбуждении уголовного дела, некоторые авторы предлагают предусмотреть право заявителя знакомиться с материалами, по которым орган предварительного расследования вынес поста-

---

¹ Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 173.

новление об отказе в возбуждении уголовного дела¹. Также по результатам опроса выяснилось, что 92% следователей и судей Республики Таджикистан согласны с предлагаемым нами нововведением².

Итак, предлагается дополнить п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан следующим текстом: *«в том числе в случае прекращения уголовного дела»* после предложения: *«знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела»*. Таким образом, изменить п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан следующего содержания: *«знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела, в том числе в случае прекращения уголовного дела – далее по тексту»*.

– *в случае, если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему*. Было бы правильным для уголовного процесса Таджикистана, дополнить данную норму в качестве соответствующего пункта ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан, поскольку если в деле участвуют несколько потерпевших, то логично, что мы не можем дать право одному потерпевшему, в то же время ограничить права другого.

– *получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной. Потерпевший по ходатайству вправе получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы*. Принципиальное значение имеет ознакомление лица с постановлением о его признании потерпевшим. Поскольку наличие признания – это допуск лица к процессуальной деятельности. А правовой статус

---

¹ Колузакова Е.В. Участие потерпевшего, его представителя в уголовном преследовании по делам публичного обвинения. С. 11; Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования). С. 178-179; Колдин С.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 19.

² Алиева П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан. С. 173.

этого субъекта права определяет не следователь и не суд: его определил закон (ст. 42 УПК)¹. В целях недопущения нарушения прав потерпевших прокурору необходимо добиться формирования в органах дознания и предварительного следствия практики обязательного вручения заинтересованному лицу копии постановления о признании потерпевшим². Е.В. Демченко, также учитывая мировой опыт и высказанные в процессуальной теории предложения, считает возможным возложить на следователя обязанность ознакомления потерпевшего с его правами сразу после признания его таковым и вручить ему в письменном виде перечень его прав³.

– *поддерживать обвинение;*
– *ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса.* При наличии достаточных данных о том, что самому потерпевшему, а также его близким родственникам или лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК Российской Федерации⁴. Эта норма закреплена в ч. 3 ст. 12 УПК Республики Таджикистан «Охрана прав и свобод личности при производстве по уголовным делам». Было бы правильнее для уголовного процесса Таджикистана, если бы и в соответствующем пункте ч. 2 ст. 42 УПК Республики Таджикистан указывалась ссылка на ч. 3 ст. 12 УПК Республики Таджикистан. Поскольку откуда потерпевшие знают все статьи УПК Республики Таджикистан, ну а если хотя бы на отдельной статье, посвященной им (потерпевшим) будет ссылка на данную норму, даже если в худой конец не прочитают сами в силу различных причин, то хотя бы услышат из уст дознавателя, следователя,

---

¹ Божьев В.П. Предпосылки обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе // Законность. 2005. № 11. С. 8.

² Чекулаев Д. Процессуальные права потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса. С. 20.

³ Демченко Е.В. Участие потерпевшего и его представителя в доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М.: Юрайт, 2012. С. 187.

прокурора либо суда. Так как часто из-за боязни жизни и здоровья самих потерпевших или их близких они умалчивают о нечто важном, либо меняют свои показания или вообще не заявляют о таковых в правоохранительные органы.

– *получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы в случае, если потерпевший или его законный представитель сделает соответствующее заявление до окончания прений сторон.* В целях обеспечения безопасности потерпевшего, для уголовного судопроизводства Республики Таджикистан будет целесообразным, включить в соответствующий пункт ч.2 ст.42 УПК Республики Таджикистан аналогичную норму.

Будучи участником уголовного судопроизводства, потерпевший наделен не только процессуальными правами, но и процессуальными обязанностями. Поскольку, как справедливо отметила И.В. Коркина: «без исполнения участниками процесса процессуальных обязанностей исполнение ими своих субъективных прав было бы лишено смысла, и осуществление правосудия едва ли было бы возможным»¹.

Итак, процессуальными обязанностями потерпевшего в соответствии с ч.3 ст.42 УПК Республики Таджикистан являются следующие:

1. Являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда, судьи, сообщать все известные ему по делу сведения и отвечать на поставленные вопросы.

2. Не разглашать известные ему сведения о дознании или предварительном следствии. Нарушение данной обязанности может повлечь для потерпевшего наступление ответственности, предусмотренной ст. 361 УК Республики Таджикистан.

3. Соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

Предпочтительнее в этом отношении выглядит норма российско-уголовно-процессуального законодательства, в которой иначе сформулирован термин «обязанности потерпевшего» предусматривающего, как «потерпевший не праве». Поскольку потерпевший и так

---

¹ Коркина И.В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 111.

пострадал от преступления, возлагать на него и обязанности было бы не справедливым. Касаясь природы подобных проблем, хотелось бы отметить, что Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», возложил на потерпевшего новые обязанности. Таким образом, российский законодатель ввел в ч.5 ст. 42 УПК Российской Федерации дополнение, согласно которому потерпевший не вправе «уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от получения образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования».

Таким образом, сравнительный анализ УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации показал, что процессуальное положение потерпевшего в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана и России сходно, но не одинаково. Каждая из этих стран, регулируя процессуальное положение потерпевшего в национальном законодательстве, предусмотрела отдельные права и обязанности.

Одни расхождения обусловлены тем, что законодатель Республики Таджикистан, реализуя опыт законодательства Российской Федерации о потерпевшем и практику его применения, а также, учитывая критические высказывания ученых по ряду вопросов, имеющих отношение к теме, внес в УПК Республики Таджикистан некоторые положения о потерпевшем.

Другие причины обусловлены тем, что в Таджикистане, по отдельным вопросам у ученых существует иное мнение, связанное, прежде всего с ограниченными финансированием механизмов обеспечения прав потерпевшего.

4.8. Производство по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения

В научной литературе очень часто встречаются суждения по поводу обоснованности и необходимости выделения частного и частно-публичного обвинения в самостоятельные формы уголовного судопроизводства и тем самым подвергаются весьма серьезной критике¹. Также свою «лепту» по данной проблематике вносят парламентарии Таджикистана и Российской Федерации в связи с изменениями уголовно-процессуальных законодательств.

Производство по делам частного обвинения имеет свою специфическую особенность, которая, прежде всего, связана с диспозитивной составляющей данной процедуры и полномочиями властных субъектов уголовного процесса.

Дела частного обвинения – это дела, возбуждаемые, как правило, только по заявлению потерпевших и подлежащие прекращению в случае их примирения с обвиняемым. Существование таких дел обусловлено относительно небольшой общественной опасностью этих преступлений. Дела частного обвинения осуществляются по преступлениям, указанным в ч. 2 ст. 24 УПК Республики Таджикистан: ст. 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 116 «Побои», 135 «Клевета», 136 «Оскорбление»² ч. 1 и 2 ст. 156 «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

В рамках проводимой судебно-правовой реформы в 2012 г., составы клеветы и оскорбления были исключены из текста УК Республики Таджикистан. Достаточно долгое время они «висели в воздухе», что доставляло правоприменительной практике немало хлопот и трудностей. Необходимо отметить и непоследовательную законотворческую деятельность, когда фактически составы клеветы и оскорбления были изъяты из текста УК Республики Таджикистан, и не было ясности до последнего, какой вид юридической ответст-

---

¹ Хатуаева В. В., Рябцева Е. В. Критерии дифференциации уголовного преследования в современном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. № 4. 2012 / СПС «КонсультантПлюс».

² Составы клеветы и оскорбления Законом Республики Таджикистан от 03.07.2012 г. № 844 были исключены из текста УК Республики Таджикистан, но до 28.12.2012 г. присутствовали в ч. 2 ст. 24 УПК Республики Таджикистан.

венности будут представлять данные составы. На заседании от 13.12.2012 г. Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан одобрил законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс Республики Таджикистан (ч.1). В новой редакции была принята ст. 174¹, которая регулирует вопросы защиты чести и достоинства при клевете и оскорблении в гражданском судопроизводстве, а 28.12.2012 г. данный законопроект вступил в законную силу¹. Тем самым данная проблема частично нашла свое решение и были развеяны все сомнения в УПК Республики Таджикистан².

В результате внесенных изменений из УК и УПК Российской Федерации из числа дел частного обвинения (ч. 2 ст. 20) также были исключены: ч. 1 ст. 129 УК Российской Федерации «Клевета»; ст. 130 УК Российской Федерации «Оскорбление»³. Данные составы преступлений были перенесены в разряд административных правонарушений и квалифицировались по ст. 5.60 «Клевета» и ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях соответственно. Опять «клевету» вернули в УК Российской Федерации, теперь уже в ст. 128⁴.

Непосредственно в рамках данного параграфа требует тщательного системного анализа полномочия потерпевшего и частного обвинителя в уголовном судопроизводстве. Потерпевший признается субъектом уголовного судопроизводства по делу частного обвинения с момента принятия судьей его заявления к производству и вынесения постановления о назначении дела к слушанию. В соответствии со ст. 318 УПК Российской Федерации потерпевший подает заявление мировому судье, а в Таджикистане судья единолично рассматривает по существу дела частного обвинения в соответ-

---

¹ Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. за № 928 «О внесении дополнения в Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая)» // URL : <http://base.spinform.ru> (дата обращения : 29.03.2013 г.).

² Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. за № 927 «О внесении изменений в УПК Республики Таджикистан» // URL : <http://base.spinform.ru> (дата обращения : 29.03.2013 г.).

³ Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. за № 420-ФЗ «О внесении изменений в УК Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.

⁴ Федеральный закон от 28 июля 2012 г. за № 141-ФЗ «О внесении изменений в УК Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 01 авг.

ствии с ч. 1 ст. 354 УПК Республики Таджикистан после подачи пострадавшим заявления с просьбой о привлечении лица к уголовной ответственности. Помимо подачи заявления в суд потерпевший (или его представитель) выполняет ряд процессуальных действий, а именно: формулирует обвинение, поддерживает обвинение в суде, представляет доказательства, обладает правом примирения с обвиняемым до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора (последнее положение отсутствует в УПК Республики Таджикистан). Хотелось бы отметить, что дела частного обвинения возбуждаются с момента подачи заявления потерпевшим (пострадавшим по УПК Республики Таджикистан) в суд, но признаются они частными обвинителями с момента принятия заявления судом (ч. 7 ст. 318 УПК Российской Федерации, ч. 5 ст. 354 УПК Республики Таджикистан). Как свидетельствует правоприменительная практика и изучение архивных уголовных дел, во многих случаях суды оставляют без движения заявление потерпевшего (пострадавшего) в связи с отсутствием в заявлениях одного из оснований, предусмотренных в ч. 5 ст. 318 УПК Российской Федерации и ч. 3 ст. 354 УПК Республики Таджикистан. Данные основания не связаны с определением лица, совершившего преступление, предусмотренного ч. 2 ст. 24 УПК Республики Таджикистан.

Проведенный независимыми экспертами мониторинг УПК Республики Таджикистан, интервьюирование сотрудников органов внутренних дел и ознакомление правоприменительной практикой в основном указывают на определенные трудности в рамках непосредственного обращения граждан с заявлением по делам частного обвинения, которые впоследствии перенаправляются в соответствующие суды, а последние их не принимают, ссылаясь на то, что граждане должны обращаться непосредственно в суд, в соответствии с требованиями УПК Республики Таджикистан¹. Согласно ч. 6 ст. 145 УПК Республики Таджикистан одним из последних решений, которое принимается при поступлении заявления, сообщения в органах внутренних дел является передача заявления, сообщения по подследственности. Данные отказы и ограничения со стороны судейского корпуса Таджикистана

---

¹ Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. Душанбе, 2012. С. 23-24.

должны квалифицироваться как халатное отношение к своим служебным обязанностям. Вышеупомянутая часть статьи УПК Республики Таджикистан имеет свои особенности, но, для более конкретного уяснения и разъяснения отдельных норм УПК Республики Таджикистан было бы целесообразным п. 3 ч. 6 ст. 145 УПК Республики Таджикистан после слов «<...> по подследственности <...>» добавить предложение *«в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса»*¹.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 24 УПК Республики Таджикистан предусмотрено, что прокурор в предусмотренных настоящим Кодексом случаях вправе осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения независимо от позиции лица, пострадавшего от преступления. Данный механизм, когда прокурор может осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения, ни в одной норме УПК Республики Таджикистан не зафиксирован. Здесь имеется в виду конкретные случаи, обстоятельства при которых действуют вышеуказанные полномочия прокурора, а не следователя, дознавателя или лица, в производстве которого находится рассмотрение данного заявления или сообщения о преступлении. Думается, что назрела необходимость внесения изменения в ч. 4 ст. 24 УПК Республики Таджикистан, которое бы полностью отражало всю процессуальную деятельность органов уголовного преследования и не ставило бы под сомнение, только деятельность прокурора по реализации уголовного преследования по делам частного и частно-публичного обвинения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Частный обвинитель наделен правами и обязанностями по участию в осуществлении уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Таджикистана по уголовным делам частного обвинения, выделив ее в самостоятельную форму уголовного преследования, что является оправданным и положительным. Следует отметить, что законодатель в ст. 43 УПК Республики Таджикистан не

---

¹ См.: Приложение № 1. Проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан».

разграничивает полномочия потерпевшего и частного обвинителя, соединив их в одном правовом статусе. Из текста ст. 43 УПК Республики Таджикистан вытекает тезис о том, что в некоторых случаях, а именно в случаях отказа прокурора от обвинения, потерпевший становится частным обвинителем.

В соответствии с ч. 1 ст. 354 УПК Республики Таджикистан возбуждение производства по делам частного обвинения начинается с подачи заявления в суд со стороны пострадавшего или его законного представителя. Фактически, все указанные субъекты могут обращаться в суд с заявлением, а представитель потерпевшего не может, не имеет полномочий, не указан в ч. 1 ст. 354 УПК Республики Таджикистан, что противоречит п. 19 ст. 6 УПК Республики Таджикистан, где предусматривается перечень субъектов со стороны обвинения и в том числе приведен представитель потерпевшего. Также в ходе изменения и дополнения ч. 1 ст. 43 УПК Республики Таджикистан, которая определяет дефиницию частного обвинителя, была внесена редакционная правка¹. До этого п. 2 ст. 6 УПК Республики Таджикистан и ч. 1 ст. 43 УПК Республики Таджикистан в двойных стандартах определяли законодательную дефиницию частного обвинителя.

Как было отмечено выше, основанием выделения дел частного-публичного обвинения является исключительно порядок их производства, что конкретизировано и отражено в ч. 3 ст. 147 УПК Российской Федерации. Вместе с тем, ст. 147 УПК Республики Таджикистан «Возбуждение уголовного дела частного-публичного обвинения», регулирующая процессуальный порядок возбуждения дел частного-публичного обвинения, аморфно закреплял данный процесс. Фактически в первой части данной статьи регулировался порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения, а название статьи данный порядок не отражало. Безусловно, ст. 147 УПК Республики Таджикистан нуждалась в корректировке, и в скором времени законодатель в название данной статьи внес изменение технического характера². До соответст-

¹ Закон Республики Таджикистан от 02 августа 2011 г. за № 755 «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» // АМО Республики Таджикистан. 2011. № 7-8. Ст. 609.

² Закон Республики Таджикистан от 02 августа 2011 г. за № 755 «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» // АМО Республики Таджикистан. 2011. № 7-8. Ст. 609.

вующей правки нами была опубликована статья, где анализировалось данное упущение¹.

Определенным пробелом в УПК Республики Таджикистан выступает возбуждение производства по уголовным делам частного обвинения, где лицо, совершившее преступление неизвестно. Суды в данных случаях, а также органы предварительного расследования в подобных ситуациях остаются без правового регулирования со стороны УПК Республики Таджикистан, ибо, таких полномочий не предусмотрено ни у одного субъекта уголовного судопроизводства². В таких случаях, уголовное преследование по делам частного обвинения зависит исключительно от дискреционных усмотрений властных субъектов уголовного процесса.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что рекомендации, выводы и частично проанализированная проблема по уточнению и конкретизации полномочий частного обвинителя и потерпевшего направлены на приведение механизма их реализации в соответствие со ст. 25 УПК Республики Таджикистан, которая в свою очередь, предусматривает право потерпевшего на участие в уголовном преследовании подозреваемого и обвиняемого. Тенденции по оптимизации некоторых норм УПК Республики Таджикистан, регулирующих производство по делам частного и частно-публичного обвинения все еще остаются одной из актуальных тем для исследования.

Следует подчеркнуть и роль отечественного законодателя в данной деятельности, который в соответствии с Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» от 23.07.2016 года за № 1332³, стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения. Единственным слабым отличием в этом обновлении стала норма, которая также указывает на тот шаблонный подход, где в случае примирения лица, постра-

---

¹ Юлдошев Р. Р. Свойственна ли суду функция уголовного преследования? / Р. Р. Юлдошев // Актуальные проблемы государства и права / Институт государства и права Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе, 2011. С. 177–187.

² См.: Приложение № 1. Проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан».

³ Закон Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. за № 1332 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» // Джумхурият. 2016. № 146-149. 28 июля.

давшего от преступления с обвиняемым и возмещения нанесенного вреда пострадавшему, производство по делу прекращается. Другим Законом Республики Таджикистан от 15.03.16 года за № 1275 законодатель следователя уполномочивает принять в предусмотренном законодательством порядке меры по восстановлению ущерба, причиненного совершением преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанные и обозначенные в настоящем монографическом исследовании выводы, предложения, рекомендация и возможные пути их решения не являются окончательными авторскими изысканиями. Но также следует отметить, что тема исследования, ее структура и содержание анализа по своему характеру являются актуальными, своевременными и перспективными задатками обеспечения последующих научных направлений науки и практики уголовной политики.

Не претендуя на истинность своих выводов, излагая собственное видение проблем современного отечественного уголовно-процессуального законодательства и смежных с ней проблем, авторы стремились восполнить недостаточную научную и практическую составляющую разработанности проанализированных проблем и трудностей в контексте выявления и согласования ряда норм УПК Республики Таджикистан.

В исследовании разработаны новые теоретические положения и проекты законодательных решений по совершенствованию отдельных положений отечественного уголовно-процессуального законодательства, как основное направление для дальнейших исследований и принятия соответствующих законодательных решений в данной области.

Комплексный подход предоставил авторам изложить законодательную конструкцию теоретической модели регламентации уголовно-процессуальных правоотношений и смежных с ней родственных отраслей права, что в совокупности придаст соответствующий импульс дальнейшей законотворческой деятельности в стране.

Государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать выявленные слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм разработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются конструктивные решения государственных органов. На этой основе и зиждятся демократические и нравственные основы уголовного судопроизводства в контексте реализации уголовно-процессуальной политики. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма и мастерства которых многое зависит.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ современной уголовно-процессуальной политики Таджикистана, является необходимым указать на не особое желание ученых-процессуалистов участвовать в дальнейшей проработке проблемных вопросов науки и практики уголовного судопроизводства. Многие изложенные направления свидетельствуют о безынтересности изложенной позиции, не говоря о систематизации научно-исследовательской деятельности определенных научных школ и направлений.

Авторы, исходя из вышеуказанных положений, стремились критически оценить существующую модель уголовно-процессуального законодательства в контексте сближения ее к максимальным требованиям и условиям современности, а также предложить конструктивные решения многих проблемных вопросов.

Рассуждая о содержании монографического исследования рассмотренных вопросов и перспектив ее реализации, авторский коллектив исходил из незавершенности разрешения всех проблемных вопросов, которые до настоящего времени являются не изученными и неисследованными в науке и практике уголовного судопроизводства Республики Таджикистан, и которые остались за пределами авторских изысканий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1 *Проект*

Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, принятый Законом Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 года (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., № 12, ст. 815, ст. 816; 2010 г., № 7, ст. 551; 2011 г., № 3, ст. 159; 2011 г., № 7-8, ст. 609; 2012 г., № 4, ст. 259; 2012 г., № 7, ст. 714; 2012 г., № 8, ст. 815; 2012 г., № 12, ч. 1 ст. 1020, ст. 1025; 2013 г., № 7, ст. 510, ст. 511; 2014 г., № 3, ст. 142; 2014 г., № 11, ст. 643; 2015 г., № 11, ст. 950; 2016 г., № 3, ст. 128; №5, ст. 357, № 7, ст. 610, ст. 611; 2017 г., № 1-2; ст. 4; 2018 г., № 5, ст. 267) следующие изменения и дополнения:

1. Добавить в часть 2 статьи 24 УПК Республики Таджикистан следующее предложение *«Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора»* и изложить ее в следующей редакции:

2. Дела о преступлениях, предусмотренных в статьях 112, 116, частями 1 и 2 статьи 156 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, признаются делами частного обвинения, возбуждаются по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законным представителем, и производство по ним подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым. Примирение сторон допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

2. Исключить пункт 15 части 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан, а пункт 16 считать 15-м и далее по тексту.

3. Необходимо внести изменения в название главы 17 и уточнив при этом редакцию ст. 140 УПК Республики Таджикистан дополнив ее новой частью и изложить ее в следующей редакции:

ГЛАВА 17. ПОВОДЫ И ОСНОВАНИЕ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья 140. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела

1. Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- сообщение должностного лица предприятий, учреждений, организаций;
- сообщение в средствах массовой информации;
- непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления.

2. Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

4. Пункт 3 части 6 статьи 145 УПК Республики Таджикистан после слов «... по подследственности ...» добавить предложение *«в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса»* и изложить ее в следующей редакции:

<...>

– о передаче заявления, сообщения по подследственности в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса.

<...>

5. Дополнить ст. 355 УПК Республики Таджикистан новым пунктом:

4¹. При необходимости получения объяснений, заключений специалистов и иных данных суд направляет заявление в орган дознания для проведения процессуальной проверки, которая должна быть закончена в срок до 10 суток.

Статья 2. Настоящий закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**Президент
Республики Таджикистан**

Эмомали РАХМОН

Список защитившихся диссертаций

12.00.09 – уголовный процесс

ДОКТОРСКИЕ АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ¹

1974

Карацев, К. М. Теоретические и практические проблемы профилактики транспортных правонарушений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Карацев Казбек Мусаевич. – Тбилиси, 1974. – 43 с.

Карацев, К. М. Теоретические и практические проблемы профилактики транспортных правонарушений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Карацев Казбек Мусаевич. – Тбилиси, 1974.

2010

Искандаров, З. Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Ташкент, 2010. – 50 с.

Искандаров, З. Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Ташкент, 2010. – 450 с.

---

¹Здесь необходимо отметить, что профессора К. М. Карацев и Я. М. Яковлев после ухода с юридического факультета Таджикского национального университета защитили свои докторские диссертации. Докторская диссертация профессора Я. М. Яковлева имеет гриф «секретно» и в силу отсутствия данных не приведена. Выходные данные докторской диссертации профессора Ю.П. Касаткина также нам неизвестны, хотя упоминания о ней существует на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/veterans/heroes/694379/> (дата обращения: 09.12.2018 г.). Сделаем некоторое отступление, что в некоторых пунктах настоящего приложения отсутствуют компоненты выходных данных, и нами они не указаны.

КАНДИДАТСКИЕ АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

1959

Карацев, К. М. Расследование нарушений правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта (по материалам судебных и следственных органов Таджикской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Карацев Казбек Мусаевич. – М., 1959.

Карацев, К. М. Расследование нарушений правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта (по материалам судебных и следственных органов Таджикской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Карацев Казбек Мусаевич. – М., 1959. – 381 с.

1961

Яковлев, Я. М. Расследование убийств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Яковлев Яков Михайлович. – Сталинабад, 1961.

Яковлев, Я. М. Расследование убийств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Яковлев Яков Михайлович. – Сталинабад, 1961. – 275 с.

1963

Франк, Л. В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе: (Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Франк Лев Вульфович. – Душанбе, 1963.

Франк, Л. В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе: (Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Франк Лев Вульфович. – Душанбе, 1963. – 236 с.

Арипов, Дж. С. Расследование преступлений составляющих пережитки феодального отношения к женщине : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Арипов Джохонгир Салиевич. – Душанбе, 1963. – 21 с.

Арипов, Дж. С. Расследование преступлений составляющих пережитки феодального отношения к женщине : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Арипов Джохонгир Салиевич. – Душанбе, 1963. – 216 с.

1964

Салимов, Х. С. Научные основы и методика экспертного эксперимента при производстве трасологической экспертизы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Салимов Халим Салимович. – М., 1965.

Салимов, Х. С. Научные основы и методика экспертного эксперимента при производстве трасологической экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Салимов Халим Салимович. – Душанбе; Москва, 1964. – 331 с.

1967

Раджабов, С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Раджабов Султон Раджабович. – Душанбе, 1967. – 21 с.

Раджабов, С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Раджабов Султон Раджабович. – Душанбе, 1967. – 408 с.

Овруцкий, И. Я. Автотехническая экспертиза на предварительном следствии (по материалам Таджикской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Овруцкий Илья Яковлевич. – Душанбе, 1967. – 20 с.

Овруцкий, И. Я. Автотехническая экспертиза на предварительном следствии (по материалам Таджикской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Овруцкий Илья Яковлевич. – М., 1967. – 298 с.

1968

Курбанов, Ю. А. Борьба с преступностью несовершеннолетних (по материалам Таджикской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09, 12.00.08 (715, 718) / Курбанов Юрий Алиевич. – Душанбе, 1968. – 14 с.

Курбанов, Ю. А. Борьба с преступностью несовершеннолетних (по материалам Таджикской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09, 12.00.08 (715, 718) / Курбанов Юрий Алиевич. – Душанбе, 1968.

1970

Абдуллаев, Н. А. Принцип национального языка производства по делу в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид.

наук : 12.00.09 (715) / Абдуллаев Негмат Абдуллаевич. – Душанбе, 1970. – 28 с.

Абдуллаев, Н. А. Принцип национального языка производства по делу в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (715) / Абдуллаев Негмат Абдуллаевич. – Душанбе, 1970. – 170 с.

1971

Ямакова, З. Д. Судебная экспертиза рукописей : криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование по материалам ТаджССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (715, 717) / Ямакова Зумрад Дададжановна. – Душанбе, 1971. – 21 с.

Ямакова, З. Д. Судебная экспертиза рукописей : криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование по материалам ТаджССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (715, 717) / Ямакова Зумрад Дададжановна. – Душанбе, 1971. – 313 с.

Зобина, И. М. Частнонаучные методы в криминалистической экспертизе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Зобина Инна Моисеевна. – Душанбе, 1971. – 21 с.

Зобина, И. М. Частнонаучные методы в криминалистической экспертизе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Зобина Инна Моисеевна. – Душанбе, 1971. – 255 с.

Юсупова, С. О. Принцип независимости судей и подчинение их только закону в советском уголовном процессе : по материалам Таджикской ССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юсупова Сайера Олимовна. – Душанбе, 1971. – 19 с.

Юсупова, С. О. Принцип независимости судей и подчинение их только закону в советском уголовном процессе : по материалам Таджикской ССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юсупова Сайера Олимовна. – Душанбе, 1971. – 214 с.

1973

Хотамов, А. Х. Проблемы трасологии и судебной экспертизы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Хотамов Ахмаджон Хотамович. – М., 1973.

Хотамов, А. Х. Проблемы трасологии и судебной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 (717) / Хотамов Ахмаджон Хотамович. – М., 1973.

1995

Ахмедов, Н. И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц : (По материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ахмедов, Нарзуллохон Иззатуллоевич. – М., 1995. – 27 с.

Ахмедов, Н. И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц : (По материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ахмедов, Нарзуллохон Иззатуллоевич. – М., 1995. – 229 с.

1997

Искандаров, З. Х. Участие защитника в стадии расследования преступлений : проблемы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Душанбе, 1997. – 16 с.

Искандаров, З. Х. Участие защитника в стадии расследования преступлений : проблемы теории, законодательного регулирования и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Душанбе, 1997. – 137 с.

2003

Исоев, М. Ш. Теоретические и правовые основы уважения личности в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Исоев Мадвали Шайдуллоевич. – М., 2003. – 40 с.

Исоев, М. Ш. Теоретические и правовые основы уважения личности в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Исоев Мадвали Шайдуллоевич. – М., 2003. – 95 с.

2005

Рахимов, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рахимов Рамазон Хамроевич. – М., 2005. – 28 с.

Рахимов, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рахимов Рамазон Хамроевич. – М., 2005. – 287 с.

2006

Нозиров, Н. А. Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нозиров Накиб Алиевич. – М., 2006. – 35 с.

Нозиров, Н. А. Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нозиров Накиб Алиевич. – М., 2006. – 257 с.

2007

Газиев, М. С. Методика расследования налоговых преступлений : по материалам Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Газиев Машхурджон Санакулович. – М., 2007. – 25 с.

Газиев, М. С. Методика расследования налоговых преступлений : по материалам Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Газиев Машхурджон Санакулович. – М., 2007. – 227 с.

2008

Мубораккадамов, А. Н. Организация международного розыска органами внутренних дел Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мубораккадамов Абдурахмон Назархонович. – М., 2008. – 24 с.

Мубораккадамов, А. Н. Организация международного розыска органами внутренних дел Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мубораккадамов Абдурахмон Назархонович. – М., 2008. – 227 с.

2009

Мухиддинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мухиддинов Алишер Абдувахидович. – Ташкент, 2009. – 20 с.

Мухиддинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мухиддинов Алишер Абдувахидович. – Ташкент, 2009. – 171 с.

Хошимов, Х. Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел : по материалам Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хошимов Хошим Джумаевич. – М., 2009. – 20 с.

Хошимов, Х. Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел : по материалам Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хошимов Хошим Джумаевич. – М., 2009. – 180 с.

2011

Арипов, А. Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Арипов Анвар Лутфиллоевич. – М., 2011. – 22 с.

Арипов, А. Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Арипов Анвар Лутфиллоевич. – М., 2011. – 226 с.

2013

Юлдошев, Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юлдошев Рифат Рахмаджонович. – М., 2013. – 27 с.

Юлдошев, Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юлдошев Рифат Рахмаджонович. – М., 2013. – 212 с.

2014

Хасанбоев, А. Х. Особенности надзорного производства в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хасанбоев Абдимуким Хасанжонович. – М., 2014. – 32 с.

Хасанбоев, А. Х. Особенности надзорного производства в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хасанбоев Абдимуким Хасанжонович. – М., 2014. – 138 с.

Абдуллоев, П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абдуллоев Парвиз Саъдуллоевич. – М., 2014. – 33 с.

Абдуллоев, П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абдуллоев Парвиз Саъдуллоевич. – М., 2014. – 280 с.

Бахромов, И. А. Обвиняемый и обеспечение его права на защиту в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Бахромов Искандар Абдурозикович. – М., 2014. – 30 с.

Бахромов, И. А. Обвиняемый и обеспечение его права на защиту в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Бахромов Искандар Абдурозикович. – М., 2014. – 151 с.

2015

Алиева, П. Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Алиева Парвина Хабибхоновна. – М., 2015. – 31 с.

Алиева, П. Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Алиева Парвина Хабибхоновна. – М., 2015. – 177 с.

**12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная
деятельность; оперативно-розыскная деятельность**

КАНДИДАТСКИЕ АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

2013

Алиев, А. Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований : по материалам Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Алиев Алиджон Носиржонович. – Люберцы, 2013.

Алиев, А. Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований : по материалам Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Алиев Алиджон Носиржонович. – Люберцы, 2013.

2017

Самиев, Н. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Самиев Назар Мурадович. – М., 2017.

Самиев, Н. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Самиев Назар Мурадович. – М., 2017.

Кодиров, Д. С. Незаконный оборот наркотических средств : особенности методики расследования (по материалам Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Кодиров Далер Сайфуллоевич. – М., 2017.

Кодиров, Д. С. Незаконный оборот наркотических средств : особенности методики расследования (по материалам Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Кодиров Далер Сайфуллоевич. – М., 2017.

Назаршоев, Ф. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования незаконного оборота огнестрельного ору-

жия и боеприпасов на территории Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Назаршоев Фируз Юсуфович. – М., 2017.

Назаршоев, Ф. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов на территории Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Назаршоев Фируз Юсуфович. – М., 2017.

Перечень сборников конференций, форумов, научных трудов, авторских и коллективных монографий

Предварительное расследование в уголовном процессе стран Центральной Азии : между состязательной и инквизиционной моделью : материалы межд. науч. конф., Душанбе 12–13 октября 2010 г. // под общ. ред. Ф.К. Шредера, М. Кудратова. Peter lang, 2012. 300 с.

Ковалёв, Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Общественный Фонд «Nota Bene» Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека [Электронный ресурс]: URL: <http://www.notabene.tj> (дата обращения: 15.05.2015 г.).

III-й Экспертный Форум по уголовному правосудию для Центральной Азии. Итоговый отчет. БДИПЧ ОБСЕ, 17-18 июня 2010 г. Душанбе, Таджикистан. 39 с.

Проблемы применения нового уголовно-процессуального кодекса в предварительном расследовании : материалы научно-практической конференции // Труды Академии. № 1 (15). 2011. С. 4-87.

Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Душанбе, 2011. 78 с.

Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. Душанбе: Общественный Фонд «НОТАБЕНЕ», 2012. 139 с.

Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. Душанбе, 2012. 228 с.

Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. Душанбе, 2013. 85 с.

Алимбаев И., Лоуренс Ф., Осмоналиев К., Романов С. Уголовно-процессуальная реформа в странах Центральной Азии. Европейский Союз, 2013. 109 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : достижения и перспективы развития : материалы республиканской научно-практической конференции (24.10.2012 г.) / Актуальные вопросы судебного права, прокурорской деятельности и пресечение преступности в Республике Таджикистан : материалы научно-теоретических конференций // Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И.Т. Душанбе : «Просвещение и культура», 2013. С. 7-154.

Судебная реформа в Таджикистане : проблемы и пути их решения : материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию кафедры судебного права и прокурорского надзора (26.12.2013 г.) // под ред. заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, к.ю.н., доцента Махмудова И.Т. Душанбе : Издательство «Сино», 2014. 292 с.

Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. Душанбе : «Ирфон», 2014. 283 с.

Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и практика их применения : республиканская научно-практическая конференция, 25 июня 2015 г. Академия МВД Республики Таджикистан // Труды Академии. № 2 (26). 2015. С. 80-100.

Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений : материалы республиканской научно-практической конференции с участием международных экспертов (г. Душанбе, 25 сентября 2015 г.) // Труды Академии. № 3 (27). 2015. 244 с.

Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (материалы республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 22 октября 2015 г.). Душанбе: «Империал-Групп», 2015. 396 с.

Алиева П. Х. Правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : монография. Душанбе : «Андалеб-Р», 2016. 144 с.

Юлдошев Р. Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. 226 с.

Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И. Т. Душанбе: «Визави», 2016. 372 с.

Роль судебной экспертизы в расследовании преступлений : материалы республиканской научно-практической конференции (г. Душанбе, 25 апреля 2018 г.) // под редакцией к.ю.н., доцента Назарова А. К. Душанбе : «Издательство ТНУ», 2018. 180 с.

Предварительное расследование и перспективы его развития : материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе : «ЭР-граф», 2018. 250 с.

Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе : «ЭР-граф», 2018. 334 с.

Роль юридической науки в современных условиях : теория и практика : материалы VI международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). Душанбе : РТСУ, 2018. 544 с.

Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 407 с.

Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2021 гг. Душанбе : Центр по правам человека, 2018. 85 с.

Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. 124 с.

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
Ализода Парвина Хабибхон
Таджали Диловар Али

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Монография

Подписано в печать 05.07.2019. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,75. Тираж 200 экз. Заказ № 236.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com

ISBN 978-99975-78-22-8

